

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 4 • 2009 • ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

Содержание

<i>От редколлегии</i>	3
<i>Алексеичева Т.А.</i> Экспликация или бесконечное порождение смысла	5
<i>Власенко С.В.</i> Перевод в сфере профессиональной коммуникации: восприятие и понимание смысла отраслевых текстов в психо- лингвистическом ракурсе на примере анализа англо-русских переводческих прецедентов	16
<i>Костикова А.А.</i> Философия метафоры П. Рикёра	41
<i>Миронов В.В.</i> Философия как смысловая интерпретация	46
<i>Мишуров Э.Н.</i> Смысл перевода и перевод смыслов (социально- исторические, логико-философские и лингвокультурологиче- ские этюды)	56
<i>Наумова В.С.</i> Критика поэтического перевода с позиции адекват- ности (на примере перевода на немецкий язык стихотворения В. Маяковского «Нате!»)	75
<i>Нестерова Н.М.</i> Sensus de sensu: смысл как объект перевода	83
<i>Никитина М.Ю.</i> Трудности перевода названий произведений худо- жественной литературы (на материале русского, английского и греческого языков)	94
<i>Оришак О.В.</i> Актуализация смысла в переводе	100
<i>Чагинская Е.А.</i> Метаморфозы смысла: взгляд через призму срав- нительно-эзегетического метода	108

Хроника научной жизни

Переводческий октябрь	121
---------------------------------	-----

Памяти

Клод Леви-Сторосс (1908—2009)	124
---	-----

*Указатель статей и материалов, помещенных в журнале «Вестник
Московского университета. Серия 22. Теория перевода» за 2009 г. . . . .*

Contents

<i>Editorial Board Foreword</i>	3
<i>Alekseitseva, T.A.</i> Explication or Endless Semiosis	5
<i>Vlasenko, S.V.</i> Translation Across Professional Communication Domains from a Psycholinguistic Perspective: Perception and Comprehension of Specialized Texts through Matching Cases of English-Russian Translation	16
<i>Kostikova, A.A.</i> Paul Ricœur’s Philosophy of Metaphor	41
<i>Mironov, V.V.</i> Philosophy as Sense Interpretation	46
<i>Mishkurov, E.N.</i> The Meaning of Translation and Translation of Meanings (Socio-historical, Logical-philosophical and Linguo-cultural Essays.	56
<i>Naumova, V.S.</i> Criticism of Poetical Translation from the Perspective of Adequacy (Based on a German Translation of Vladimir Mayakovsky’s Poem “Take that!”)	75
<i>Nesterova, N.M.</i> Sensum de Sensu: Sense as the Object of Translation	83
<i>Nikitina, M.Yu.</i> Difficulties in Translating Fiction Titles (Based on Russian, English, and Greek Examples)	94
<i>Orishak, O.V.</i> Sense Actualization in Translation	100
<i>Chaginskaya, Ye.A.</i> Conversions of Sense: looking through the Prism of the Comparative-exegetic Method	108
 <i>Events in Academic Life</i>	
The October Translation Calendar	121
 <i>In Memory</i>	
Claude Lévi-Strauss (1908—2009)	124
<i>Index of Articles and Materials</i> , published in the Magazine “Vestnik of Moscow University. Series 22. Translation Theory” in 2009.	127

Уважаемые читатели!

Этот номер нашего журнала, завершающий выпуски 2009 г., посвящён одной, но важнейшей для теории перевода теме, а именно теме *смысла*, возможностям его извлечения из оригинального сообщения и его нового рождения в тексте перевода.

В самом деле, смысл исходного речевого произведения, в какие бы формы он не облакался автором оригинала, составляет главную ценность для каждого переводчика. В научном или художественном тексте, написанном или произнесённом, переводчик ищет смысл, пробираясь сквозь паутину, иногда чрезвычайно запутанную, слов и фраз. Интерпретация смысла исходного произведения составляет саму суть переводческого трилога: понять смысл речей одного человека и сделать его понятным другому.

Категория смысла — первая категория, на которую обратили внимание мыслители прошлого, задумывавшиеся о таинствах искусства перевода.

О переводе и смысле в разные исторические периоды писали литераторы и критики, переводчики и философы.

Цицерон в своём известном высказывании о переводе, собственных принципах перевода, признавался, что стремился не передавать слово словом, а воспроизвести смысл речей греческих ораторов.

Блаженный Иероним, выдающийся переводчик Средневековья, небесный покровитель переводчиков, автор знаменитой «Вульгаты», провозгласил свой принцип перевода: «Я действительно не только признаю, но откровенно заявляю, что в переводе с греческого, за исключением Священного Писания, где и порядок слов есть таинство, выражаю не слово словом, а смысл смыслом».

Петр I, покровительствовавший переводческой деятельности как одному из важнейших средств обогащения России новыми научными знаниями и новыми технологиями, требовал от переводчиков полной ясности в передаче смысла. В известном «Указе Зотову об избегании в будущем ошибок» (1709 г.) он писал: «И того ради надлежит вам и в той книжке, которую ныне переводите, остереца в том, дабы внятнее перевести, а особливо те места, которые учат, как делат; и не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точию сенс выразумев, на своём языке уже так писат, как внятнее может быть».

1—3 октября 2009 г. в Высшей школе перевода Московского университета прошла II Международная конференция «Наука о переводе сегодня», посвящённая теме «Перевод и смысл».

Некоторые статьи, публикуемые в этом номере, подготовлены авторами по материалам их выступлений на конференции.

Редколлегия выражает надежду, что данная тема вызовет живой интерес у читателей и позволит развернуть широкую дискуссию на страницах нашего журнала.

Редколлегия поздравляет всех читателей с наступающим Новым 2010 годом, желает им счастья, здоровья и новых творческих успехов в дальнейшем развитии науки о переводе — одной из важнейших наук о человеке.

Редколлегия

Т.А. Алексейцева,

аспирант, заведующая кабинетом устного перевода Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: alexseytseva@mail.ru

ЭКСПЛИКАЦИЯ ИЛИ БЕСКОНЕЧНОЕ ПОРОЖДЕНИЕ СМЫСЛА

В этой статье речь идёт об экспликации имплицитной информации в художественном переводе. Экспликация несёт в себе определённые риски, в силу того что этот процесс зависит от субъективного суждения переводчика и может превратиться в бесконечное порождение смысла. Экспликация рассматривается как частичная по своей природе, хотя в конкретном контексте она может быть необходимой, достаточной или, наоборот, избыточной и нерелевантной.

Ключевые слова: экспликация, имплицитная информация, релевантность, коммуникативные ключи.

Т.А. Alekseitseva,

Head, Interpretation Laboratory, Saint-Petersburg State University

Explicitation or Endless Semiosis

This paper deals with shifts between implicit and explicit information in literary translation. Explicitation entails multiple risks since it relies on the translator's subjective judgment and on the endless interpretation of meaning. Explicitation is considered as being partial by definition, though in a specific context it may in fact turn out to be necessary and sufficient or, on the contrary, redundant and inadequate.

Key words: explicitation, implicit information, relevance, communicative clues.

Эксплицитная и имплицитная информация лежат в основе любой коммуникации. В нормальной ситуации общения говорящий сообщает только неизвестную часть информации, в то время как слушающий дополняет услышанное тем, что ему уже известно. Д. Селескович и М. Ледерер отмечают, что в случае полного отсутствия общих знаний коммуникация не могла бы состояться, поскольку попытка исчерпывающей передачи мысли не увенчалась бы успехом: “le discours aurait beau s’efforcer de rendre l’idée de façon exhaustive, il pourrait s’étendre à l’infini sans aboutir jamais” [Seleskovitch, 2001, p. 38].

Как в случае одноязычной коммуникации, так и в случае двуязычной коммуникации уровень эксплицитной информации зависит от общих фоновых знаний. Тем не менее при одноязычной коммуникации баланс между имплицитной и эксплицитной информацией устанавливает сам автор сообщения, опираясь на фоновые знания слушателя, а при двуязычной коммуникации эту роль отчасти берет на себя переводчик. При этом переводчику приходится сталкиваться с рядом трудностей: субъективность лю-

бых интерпретаций и бесконечное порождение смысла (бесконечный семиозис).

С одной стороны, каждый текст, будучи законченным произведением, порождает бесконечное количество толкований и интерпретаций, зависящих от момента прочтения, от настроения читателя и еще от многих других факторов. Один и тот же читатель, читая один и тот же текст, может находить в нем каждый раз новые нюансы и новые смыслы. Переводчик также является читателем переводимого произведения. Если же, сравнивая ожидания и интерпретативные возможности читателей языка перевода (ПЯ), переводчик решает что-либо эксплицировать для своего нового читателя, то он прежде всего опирается на своё собственное понимание исходного текста (ИТ) и замысла автора, даже если он и использует для подтверждения или углубления своего понимания различные другие материалы (критические очерки, справочные материалы, собственный опыт билингва).

С другой стороны, приняв решение об экспликации¹ информации, отсутствующей у читателей ПЯ, переводчик должен определиться со способами её реализации (сноска, внутритекстовый комментарий, описательный перевод), а также с её границами, поскольку экспликация как процесс интерпретации и объяснения неизвестного не имеет объективного конца.

Таким образом, можно заключить, что присущий экспликации частичный характер является отражением неполноты речи, а также множественности и субъективности интерпретаций.

Бесконечность порождения смысла также представляет собой определённую опасность для переводчика.

Специалистами в области теории перевода уже признан тот факт, что переводы обычно эксплицитнее оригиналов (см. гипотеза экспликации Ш. Блум-Кульки, гипотеза асимметрии экспликации К. Клауди) [Blum-Kulka, 2006, Klaudi, 2003]. Э. Пим объясняет эту тенденцию желанием переводчиков избежать множественных рисков, связанных с межъязыковой и межкультурной коммуникацией [Рум, 2005, р. 41].

Переводчик тем не менее, стараясь облегчить для читателей понимание ИТ, может сделать свой перевод излишне эксплицитным, дать повод для интерпретаций, не предусмотренных автором оригинального произведения, или же задать неправильное направление интерпретации, если внесённые переводчиком смыслы окажутся ложными.

---

¹ Термин «экспликация» в несколько расширенном значении мы позаимствовали у В.Н. Комиссарова. Под экспликацией мы подразумеваем любой перевод имплицитной информации, имеющейся в тексте оригинала, в явную, эксплицитную форму, будь-то на уровне грамматики, лексики или на уровне глобального контекста и фоновых знаний [Комиссаров, 1990, с. 251].

Э. Гутт говорит в этом случае о разных типах имплицитной информации, закладываемой автором в ИТ (сильные и слабые имплицатуры) и о разделении ответственности за её интерпретацию между автором и читателями. Другими словами, использование имплицитных смыслов автором позволяет ему варьировать интенсивность идей, которые он хочет сообщить читателю: “In general, the less evidence the communicator gives that he intended the audience to supply a particular thought, the weaker the communication of that thought” [Gutt, 1992]. Из этого следует, что автор несёт ответственность только за сильные имплицатуры, а ответственность за интерпретацию слабых имплицатур полностью ложится на читателей.

В двух нижеследующих примерах, взятых из романов Э. Базена «Крик совы» и «Супружеская жизнь» и их переводов на русский язык, можно обнаружить разные по интенсивности имплицатуры:

1. Un gamin grimpe pour lui porter son courrier et je reconnais... le mien: Aubin, que sa mère, voilà une heure, **pour occuper son jeudi**, a expédié chez le boulanger. Campé sur l'avant dernier barreau, il tend aussi un cabas [Bazin, 1980, p. 13].

Какой-то мальчуган взбирается по лестнице, чтобы передать мадам Сотраль почту, и я узнаю... своего собственного сына — это Обэн, которого мать уже час назад послала в булочную: **сегодня четверг², свободный от занятий день, и она не хочет, чтобы он болтался без дела**. Добравшись до предпоследней перекладины, он подает соседке сумку с провизией.

2. Sous le lustre à pendeloques, la tante Meauzet, carabosse haute et noire, toussait, gloussait en secouant ses fanons.

— Voilà **maître Patelin** ! fit-elle, soufflant la malebouche [Bazin, 1967, p. 49].

Под люстрой с подвесками стоит тетушка Мозе, этакая длинная черная баба-яга, кашляет, кудахчет, трясет двойным подбородком.

— А вот и **адвокат Патлен**³ — говорит она язвительно [Базен, 1977, с. 512].

В первом примере содержится имплицитная информация, доступная французским, но непонятная русским читателям. Поскольку дети в России ходят в школу с понедельника по субботу и не имеют выходных на неделе, имплицатура, заложенная в слова о свободном четверге, будет недоступна для русского читателя, поэтому переводчик добавляет «четверг, свободный от учёбы день».

---

² Французские школьники не занимаются два раза в неделю — в воскресенье и в четверг (с 1974 г. свободные дни — воскресенье и среда) [Базен, 1982, с. 319].

³ Персонаж французского фарса XV в.

Интересно отметить, что в издании 1982 г. этого перевода примечание переводчика исчезает [Базен, 1982].

В этом примере мы имеем дело с сильной импликатурой, Э. Базен рассчитывал на то, что читатели легко поймут его коммуникативное намерение. Сильная импликатура достаточно легко поддается экспликации. Тем не менее тот факт, что в первом издании перевода присутствует двойная экспликация (в тексте и за текстом), и то, что часть экспликации была удалена (примечание переводчика), еще раз свидетельствует о частичном характере экспликации и об отсутствии у нее четких границ.

Поскольку четкие границы экспликации отсутствуют, вопрос о том, где нужно остановиться в процессе интерпретации высказывания, приобретает особую значимость при передаче аллюзий (пример 2). Для русских читателей, не знакомых с французской литературой XV в., имя адвоката Патлена ничего не значит, и связь между ним и главным героем романа ускользает. Прежде всего, переводчики объясняют в сноске, что речь здесь идет о персонаже фарса XV в. Связь между главным героем и адвокатом Патленом также является сильной импликатурой.

Тем не менее объяснение, предлагаемое переводчиками, хотя и весьма полезное, нельзя считать полным, поскольку оно не позволяет читателям ПЯ понять все мотивы данного сравнения. Если читатели ИЯ могут продолжить интерпретативный процесс дальше, сравнивая характеры обоих героев, их социальный и профессиональный статус, семейное положение и т.д., то читатели ПЯ вынуждены будут остановиться на следующих пресуппозициях:

- адвокат Патлен является комическим персонажем;
- он известен французской публике;
- герой романа тоже адвокат.

Возможно, автор, вводя это сравнение, брал за его основу только профессию героя. Следовательно, все остальные импликации в этом контексте являются слабыми. В таком случае углубляться в дальнейшую экспликацию не стоит, так как это может привести к неверному толкованию фрагмента и появлению новых импликаций, искажающих смысл оригинала [Старцева, 1999, с. 194]. Коммуникативные ключи ('communicative clues' в терминологии Э.-А. Гута, [Gutt, 1991, p. 127]), добавленные переводчиками (литературный персонаж, фарс), позволяют читателям получить достаточно релевантную интерпретацию первого уровня и продолжить чтение. Если же читатели готовы потратить больше усилий, то они могут самостоятельно обратиться к французской литературе XV в. и различным справочным материалам, чтобы получить доступ

до интерпретаций второго, третьего и т.д. уровней и самостоятельно проверить их релевантность для данного контекста.

Если же переводчик начинает эксплицировать слабые импликатуры, то он тем самым берет на себя ответственность за их интерпретацию. Иногда это приводит к появлению новых смыслов:

[...] тот, кто еще недавно полагал, что он чем-то управляет, оказывается вдруг лежащим в *деревянном ящике*. Окружающие, понимая, что толку от лежащего нет более никакого, сжигают его в печи [Булгаков, 2003, с. 12].

[...] celui-là se retrouve soudain gisant, immobile, *dans une caisse* et son entourage, comprenant qu'il n'a plus rien à faire du gisant, le brûle dans un four [Boulgakov, 2004, p. 393].

В комментарии, относящемся к этому фрагменту, Ф. Фламан проводит параллели не только с рассказом «Смерть Ивана Ильича» Л. Толстого, но и с рассказом И. Бунина «Господин из Сан-Франциско». Поскольку Господина из Сан-Франциско, умершего во время путешествия, за неимением гроба помещают в *ящик*, Ф. Фламан усматривает в тексте М. Булгакова аллюзию на рассказ Бунина. Тем не менее в русском языке слово «ящик» входит в устойчивое выражение «сыграть в ящик» и в разговорном языке вполне может заменять слово «гроб». Таким образом, подобное сближение весьма спорно, и, с нашей точки зрения, не стоит усложнять переводный текст дополнительными и, более того, неподтверждёнными аллюзиями на другие иноязычные для французской публики произведения.

Несмотря на свой частичный характер, экспликация в конкретном контексте может быть достаточной.

Достаточной экспликацию можно считать в том случае, если она позволяет осуществить релевантную интерпретацию.

Le verre d'eau arrive qui tremblote et Mariette qui dit:

— Tiens, bois.

Le roi boit. Sa couronne de carton à fleurs de lis dorées, il la porte parfois quand il découvre la fève [Bazin, 1967, p. 285].

У неё в руках стакан, в нём плещется вода, и Мариэтт говорит:

— Держи, пей.

Король пьет. Его корона с золочеными лилиями, но она из картона. Может, он ее и наденет на святках, если найдет боб, запеченный в слобную булку [Базен, 1977, с. 678].

В приведённом примере, содержащем аллюзии на католические традиции празднования Богоявления (Épiphanie), вновь про-

является частичный характер экспликации. Читатели ПЯ не получают из объяснений, привнесённых переводчиком, полной картины того, как празднуется этот праздник, но контекст позволяет им получить некое обобщённое представление об этом празднике. Переводчик не объясняет фразу «король пьёт», которая у французских читателей вызывает сразу ассоциацию с праздником Богоявления. Не объясняется также, и откуда происходит эта традиция, как выбираются король и королева, что значит боб и т.д. Эксплицируя только частично, переводчики тем не менее дают достаточно коммуникативных ключей, что производит «эффект близости», о котором говорит Ж. Ру-Фокар, когда сам текст вынуждает читателя воспринимать всё, как уже ему известно: “le texte le [= le lecteur] met de force dans la peau d’un lecteur qui connaît ce monde, même si, en réalité, il ne le connaît pas” [Roux-Faucard, 2002, p 283]. Таким образом, можно сделать вывод, что экспликация в данном примере является достаточной, поскольку позволяет читателям перевода получить несколько релевантных коммуникативных эффектов и продолжить свое погружение в культуру и традиции Франции.

Добавление минимально необходимой для понимания и интерпретации информации даёт возможность читателям или ограничиться полученными коммуникативными эффектами, или самостоятельно продолжить интерпретационный процесс и, получив тем самым доступ к другим уровням интерпретации, проверить их релевантность в контексте.

Языковая единица обладает большим количеством потенциальных смыслов, которые становятся реальными только во взаимодействии с определённым контекстом. Экспликация будет достаточной, если переводчик раскроет с помощью коммуникативных ключей реальные смыслы языковой единицы:

elle découvrit la bonne, Anna, en coiffe d’Auray [Bazin, 1980, p. 43].

матушка остановила взгляд на служанке Анне — в чепце, какие носят уроженки Орэ [Базен, 1977, с. 333].

Чтобы не смещать акценты, переводчики предпочли не давать развёрнутого описания головного убора служанки, но они тем не менее более эксплицитным, чем в оригинале образом, дают понять, что речь идет о традиционном головном уборе одного из регионов Франции, что оказывается достаточным в этом контексте.

В то же время объяснения, добавляемые переводчиками, иногда оказываются недостаточными и не способствуют релевантной для контекста интерпретации.

В следующем примере переводчики столкнулись с проблемой перевода образного выражения:

Je regrette, mesdames. Mais votre étonnement tournerait à l'indignation si vous consultiez mon agenda 1950. J'ai la faiblesse de me relire et je m'y suis référé récemment. En haut, le texte : *Voir Gustave à 13 h pour la moto. Odile, à 18 h rue d'Alsace. A 22 h, TT avec Mariette au Jardin des Plantes. TT*, avouons tout, c'est l'abréviation de l'époque pour tête-à-tête. Quelques CC (nous ne faisons pas de miracles) illustrent ailleurs les corps à corps [Bazin, 1967, p. 13].

Сожалею, милые дамы. Но ваше удивление сразу бы обернулось яростью, если б вы заглянули в мою записную книжку 1950 года. Мне приятно ее перечитывать, и недавно я перелистал ее вновь. Там есть маленькая запись от 18 апреля, за которой следует пометка, несомненно, сделанная на следующий день. Наверху записано: Повидать Густава в 13 часов по поводу мотоцикла. С Одиль в 18 часов на Эльзасской улице. В 22 часа tt с Мариэтт в Ботаническом саду. Признаюсь откровенно, что буквами tt я в то время сокращенно обозначал «tête-à-tête»⁴. Буквы же cc (тут уж не было никаких чудес), записанные в другом месте, обозначали «corps à corps»⁵ [Базен, 1977, с. 467].

Переводчики оставляют в тексте перевода французские заимствования 'tête-à-tête' и 'corps à corps' и добавляют в примечании их словарный перевод. Если в случае с 'tête-à-tête' подобное решение допустимо (в русском языке это выражение существует в виде транскрипции в том же самом значении, что и во французском языке — «тет-а-тет»), то выражение 'corps à corps' Базен использует скорее в буквальном смысле, играя на структуре выражения и на его составляющих, поэтому то же самое решение здесь уже не работает. Смысл, который Базен вкладывает в эти слова, а именно интимные отношения, будет понятен читателям, только если им будет известен смысл составляющих это выражение слов ('corps' — по-французски 'тело').

В примечании переводчики приводят словарный перевод выражения 'corps à corps', но по-русски аналог этого выражения образуется с помощью другого образа — «рука» ('схватка в рукопашную'), что не позволяет читателям извлечь имплицитное содержание из этой фразы. Возможно, переводчики просто не решились (из соображений цензуры, например) предложить более эксплицитный перевод своим читателям. Тем не менее буквальный (пословный) перевод выражения (например: «буквально — тело к телу, выражение обычно используется в значении 'схватки в рукопашную'») помог бы в большей степени читателям перевода понять истинный смысл сказанного.

⁴ Свидание наедине (фр.).

⁵ Буквально — схватка в рукопашную (фр.).

Таким образом, экспликация, предложенная переводчиками в примечании, является недостаточной, поскольку она не способствует пониманию имплицитных смыслов и может даже ввести читателей в заблуждение.

Экспликация может оказаться и избыточной, если глобальный контекст произведения содержит достаточное количество информации для понимания как отдельного элемента повествования, так и всего произведения. Так, например, М. Ледерер подчеркивает объясняющий потенциал глобального контекста, отмечая, что в процессе чтения читатели самостоятельно пополняют свои знания и их осведомлённость растёт по мере чтения [Lederer, 1998, p. 164]. Тем не менее переводчики часто излишне стараются помочь своим читателям, разворачивая эллиптические конструкции, устраняя двусмысленности, эксплицируя намеки и аллюзии.

Более того, недосказанность может участвовать в создании стилистического эффекта, а её нейтрализация повлечёт за собой обеднение авторского замысла.

Таким образом, экспликация является избыточной в том случае, если при достаточном контексте или при достаточных фоновых знаниях даётся объяснение имплицитной информации, которую читатели могли бы извлечь сами. С одной стороны, такая экспликация обедняет текст, лишая его стилистической окрашенности, с другой стороны, она привлекает избыточное внимание к второстепенным элементам повествования (особенно в случае примечания переводчика).

В следующем примере, ближайший контекст не оставляет сомнений по поводу значения латинского термина *Musca domestica*, но переводчики все-таки решают добавить примечание:

[...] au sein des chambres tièdes où dans un bruissement infernal tourbillonnaient des milliers de **mouches** (de la *Musca domestica* mélangée à de grosses **bleues** et même à quelques **taons**), j'épuisai la moitié d'une bombe [Bazin, 1980, p. 95].

[...] в натопленных комнатах, среди адского жужжания бесчисленного множества **мух** (*Musca domestica*⁶, круживших вперемешку с большими **синими мухами** и даже со **слепнями**), я снова наполовину опорожнил флакон дезинсектала [Базен, 1977, с. 357].

«Жужжание бесчётного множества мух», а также остальные элементы перечисления — большие синие мухи, слепни — дают достаточное количество коммуникативных ключей, чтобы читатели смогли догадаться о том, что *Musca domestica* — это тоже вид мух. К тому же фонетическое сходство из-за общности индоевропейских корней поддержит догадку, подсказанную читателям контекстом.

---

⁶ Муха домашняя (лат.).

Примечание переводчика придаёт термину *Musca domestica* большее значение, чем то, что оно имеет в тексте оригинала, где употребление латинских слов вписывается в привычный для Э. Базена приём, который он использует на протяжении всей трилогии «Семья Резо», напоминая тем самым об образовании, которое главный герой получил от своего отца.

Учитывая тот факт, что примечания переводчика нарушают отношения читатель — текст, прерывая процесс чтения, необходимо, чтобы эти примечания по крайней мере приносили информацию, необходимую для восприятия и интерпретации. Если этого не происходит, то читатель чувствует себя обманутым в своих ожиданиях, поскольку потраченные им интерпретативные усилия не приносят релевантных коммуникативных эффектов.

Je ne suis pas médecin et le fait d'avoir potassé certaines questions, d'avoir même travaillé un moment pour l'O.M.S. ne saurait que m'encourager à me méfier de mon sentiment [Bazin, 1980, p. 303].

Я не врач, а если я и изучал некоторые медицинские вопросы и одно время даже был связан с ВОЗ⁷, то тем более не мог позволить себе довериться своим предположениям [Базен, 1980, с. 446].

В примечании переводчика даётся расшифровка аббревиатуры международной организации, одинаково известной как французам, так и русским. Поскольку в любом тексте перевода прослеживается тенденция к большей эксплицитности по сравнению с исходным текстом, то можно понять желание переводчика (даже если оно в данном случае и необоснованно) максимально облегчить для читателей понимание переводимого текста. В данном случае более уместным было бы заменить аббревиатуру полным названием в тексте.

Избыточными могут быть не только примечания переводчика. Избыточная экспликация в тексте меняет отношения между автором и читателями, превращая последних из читателей, понимающих автора с полуслова, в тех, кому приходится всё досконально объяснять.

Ils apprendront peut-être un jour que groupe et entente ne sont pas synonymes, **que le p'tit oiseau** est souvent une pie-grièche, quand il ne s'agit pas d'un corbeau [Bazin, 1950, p. 67]

Возможно, в один прекрасный день они узнают, что слова «группа» и «согласие» отнюдь не синонимы, что **маленькая птичка, которая, по уверениям фотографов, должна вылететь из аппарата**, часто бывает сокопупом, если только не вороном [Базен, 1977, с. 185].

---

⁷ Всемирная организация здравоохранения.

В этом отрывке речь идет о трёх уже повзрослевших сыновьях Резо, приехавших в Хвалебное после долгого отсутствия. Вся семья в сборе, и фотограф делает их первую и последнюю совместную фотографию.

Возможно, история о маленькой птичке, которая должна вылететь из объектива фотокамеры, и не известна во всем мире, но по крайней мере в России её рассказывают всем детям. Общий контекст и фоновые знания делают эту аллюзию вполне доступной для понимания русского читателя, даже если для этого читателю понадобится сделать небольшое интерпретативное усилие. Все это делает внутритекстовый комментарий излишним и более того, противоречит замыслу автора.

Экспликация остается предметом многочисленных споров в переводоведении, но поскольку при межкультурной коммуникации переводчики стараются максимально снизить риск неуспеха коммуникации, то маловероятно, что они смогут отказаться от этого приема. Экспликация, основывающаяся на субъективной интерпретации переводчиком смыслов произведения и на оценке переводчиком фоновых знаний читателя, может оказаться как необходимой, так и избыточной, она может как направлять читателей в процессе интерпретации текста, так и вводить их в заблуждение, изменяя отношения автор — текст — читатель.

Опора на контекст произведения и на нюансы смысла, активируемые этим контекстом, должна помочь переводчикам избежать бесконечного порождения смысла, в который может превратиться экспликация. Таким образом, если в процессе экспликации акцент ставится не на смыслы, поддерживаемые конкретным контекстом, то экспликация становится избыточной и недостаточной одновременно, поскольку она не даёт возможности читателям получить доступ к релевантным коммуникативным эффектам.

Список литературы

- Базен Э.* Смерть лошадки // Базен Э. Семья Резо. Супружеская жизнь / Пер. с фр. Н. Жарковой. Кишнев: Картя Молдовеняскэ, 1977. 680 с.
- Базен Э.* Смерть лошадки / Пер. с фр. Н. Жарковой М.: Прогресс, 1982. 512 с.
- Базен Э.* Крик совы // Семья Резо. Супружеская жизнь / Пер. с фр. Н. Брандис, А. Тетеревниковой. Кишнев: Картя Молдовеняскэ, 1977. 680 с.
- Базен Э.* Крик совы / Пер. с фр. Н. Брандис, А.М. Тетеревниковой. М.: Прогресс, 1982. 512 с.
- Базен Э.* Супружеская жизнь / Пер. с фр. И. Жукова, Р. Измайловой. Кишнев: Картя Молдовеняскэ, 1977. 680 с.
- Булгаков М.* Мастер и Маргарита. М.: АСТ, 2003. 446 с.
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 243 с.

- Старцева Г.А.* Проблемы экспликации импликатур при переводе художественного текста // Федоровские чтения. СПб: СПбГУ, 1999. Вып. 1. С. 191—198.
- Bazin, H.* La Mort du petit cheval. Paris: Grasset, 1950. 316 p.
- Bazin, H.* Cri de la chouette. Genève: Editions Famot, 1980. 337 p.
- Bazin, H.* Le Matrimoine. Paris: Editions du Seuil, 1967. 285 p.
- Blum-Kulka, Sh. Shifts of cohesion and coherence in translation // Translation Studies Reader. London; New York: Routledge, 2006. P. 290—306.
- Boulgakov, M.* Le Maître et Marguerite // Le Maître et Marguerite et autres romans textes traduits, présentés et annotés par F. Flamant. Paris: Pléiade, 2004. 2016 p.
- Gutt, E.-A.* Translation and Relevance. Cognition and Context. Manchester and Boston: St Jerome, 2000. 271 p.
- Gutt, E.-A.* On the Nature and Treatment of Implicit Information in Literary Translation: A Relevance-Theoretic Perspective // Symposium on the Pragmatics of Literary Translation. Turku: Åbo, 1992. Режим доступа: <http://cogprints.org/2494/2/IMPINF8.htm>
- Klaudi, K.* Languages in Translation. Budapest: Scholastica, 2003. 473 p.
- Lederer, M.* Traduire le culturel : la problématique de l'explicitation // Palimpsestes N°11 : Traduire la culture. Paris: Presses Universitaires, 1998. P. 161—171.
- Pym, A.* Explaining Explicitation // New Trends in Translation Studies. In Honour of Kinga Klaudy. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. P. 29—43.
- Roux-Faucard, G.* Transtextualité et traduction : traduire le monde du récit / G. Roux-Faucard // Identité, altérité, équivalence, Colloque ESIT 2000. Paris-Caen: Cahiers Champollion, 2002. P. 277—292.
- Seleskovitch, D.* Interpréter pour traduire. Paris: Didier Érudition, 2001. 311 p.

С.В. Власенко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка при факультете права Государственного университета — Высшая школа экономики (ГУ—ВШЭ). E-mail: svetsign@stream.ru

ПЕРЕВОД В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ВОСПРИЯТИЕ И ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА ОТРАСЛЕВЫХ ТЕКСТОВ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ РАКУРСЕ НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА АНГЛО-РУССКИХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРЕЦЕДЕНТОВ

Статья посвящена рассмотрению темы, которая в равной мере актуальна как для теории, так и для практики перевода в сфере профессиональной коммуникации и отражает исследовательскую парадигму автора — психолингвистические аспекты англо-русского перевода. Отраслевые тексты, предназначенные для экспертных сообществ и специалистов различных отраслей знаний и областей деятельности, полагаются сложными для понимания переводчиков-филологов и переводчиков-нефилологов.

Основополагающими для смыслопостроения в переводе, т.е. для семантики перевода, являются референциальные связи текстовых единиц с актуализированной ситуацией мира, определяющие восприятие переводчиками денотативных ситуаций. Именно эти ситуации «реальны» для переводчика, представляя фрагменты внешней действительности, описываемые конкретными речезыковыми средствами текста оригинала. Речезыковые средства отражают некоторый единичный «кадр» описываемой в тексте реальности как смысловое соответствие денотативной ситуации. Приводятся англо-русские переводческие прецеденты, иллюстрирующие альтернативные варианты межязыкового перекодирования фразовых единств.

Ключевые слова: переводящий субъект, язык оригинала, текст оригинала, язык перевода, текст перевода, прецеденты перевода, анализ переводческих прецедентов; восприятие и понимание переводчика, перевод в сфере профессиональной коммуникации, отраслевые тексты, прозрачный-непрозрачный смысл, смысло-восприятие, альтернативность смыслопорождения

Svetlana V. Vlasenko,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor of English at the Law Department, State University — Higher School of Economics

Translation Across Professional Communication Domains from a Psycholinguistic Perspective: Perception and Comprehension of Specialized Texts through Matching English-Russian Translation Cases

The article outlines the author's views on translation in professional communication domains in terms of relevance for both translation theory and practice from a psycholinguistic perspective. Technical texts intended for communities of experts and/or professionals in various fields of knowledge and sector-specific activities are considered as complex in terms of perception and comprehension for translators or interpreters both with and without philological and non-philological backgrounds.

Referential relations between textual units and real-life situations are considered as fundamental for generating meaning in translation, i.e. for translation/interpretation semantics, since these are crucial for the translator's perception of denotational situations.

They are deemed “real” for the translator’s comprehension of beyond-the-text reality “fragments” represented in texts via specific speech and/or language elements. A “fragment” of the real-life situation actualized in the text is held to be semantically consistent with a denotational situation; this is exemplified by English—Russian translation cases as alternative cross-language renderings of decoded phrasal units.

Key words: a translating/interpreting individual, source language, source text, target language, target text, translation cases, translation case studies; translator/interpreter perception and comprehension, translation across professional communication domains, domain-specific texts, transparent—opaque meaning, sense perception, alternative sense generation.

Образ мира строится не из словесных (вербальных),
а из предметных значений

(А.А. Леонтьев, 2003)

В основе перевода как вида межъязыковой и межкультурной коммуникации лежит не столько нахождение соответствий отдельным языковым единицам, сколько продуцирование текста, адекватно заменяющего текст оригинала в другой культуре, другом языке и другой коммуникативной ситуации

(А.Д. Швейцер, 1988)

Целью настоящей статьи является рассмотрение ряда вопросов в рамках проблематики смысловосприятия и смыслопостроения, которая полагается основной в межъязыковом переводе при его рассмотрении в психолингвистическом ракурсе, независимо от вида исходного текста и его жанровой принадлежности. При этом выявление смысла переводимого сообщения понимается как базовый компонент переводческого процесса. Предлагается мнение, согласно которому смыслопоиск в межъязыковом переводе сводится к идентификации переводчиком возможных смыслов в исходном тексте и их последующей вербализации на переводящем языке в субъективном для переводчика, т.е. индивидуализированном, формате. Именно такое понимание процедурной составляющей перевода свидетельствует о том, что переводящий субъект — переводчик или иной участник двуязычной коммуникации, опосредованной межъязыковым переводом, — становится объектом всё более пристального анализа переводоведения и психолингвистики.

Проблема понимания в переводе остаётся, как и прежде, в центре наиболее актуальных теоретических проблем переводоведения, сближающем эту научную дисциплину не столько с филологической герменевтикой [Богин, 1982, 1986] и психологической герменевтикой [Брудный, 2005; Сорокин, 2003; Сорокин, Власенко 1998], сколько с психолингвистикой [Власенко, 1993, 1996, 2008б, 2009в, 2009г; Власенко, Сорокин, 2007; Залевская, 1982, 2005, 2007; Зимняя 1993; Клюканов, 1989; Сорокин, Клюканов, 1991; Чернов 1987, 1988; Швейцер, 2008]. При этом собственно вопросы смысловосприятия

и смыслопорождения в переводе как процессе применительно к сфере профессиональной коммуникации анализируются переводоведами далеко не часто.

Однако именно в этой сфере циркулируют отраслевые тексты, отличающиеся сложностью предметно-смысловой структуры, информационной насыщенностью, а также тематической полипредметностью, или междисциплинарностью, представленных в них знаний (о знаниях в переводе см.: [Рябцева, 2007а, 2007б; ТППСПК, 2006, с. 44—45; Schaffner, 1989]). Предназначенные для специалистов и экспертных сообществ отраслевые тексты выступают средством фиксации текущего статуса определённой проблематики и определения разнообразных приоритетов в соответствующих областях знаний и видах деятельности. Как правило, отраслевые тексты содержат единицы — отраслевую терминологию, профессионализмы, профессиональные жаргонизмы, реалии-терминологизмы и иную специальную лексику, которой полагается быть преимущественно непрозрачной для понимания переводчиков-филологов и переводчиков-нефилологов [Власенко, 2007а, 2007б; Суперанская и др., 2009].

Тактические приёмы переводчика в сфере профессиональной коммуникации во многом обусловлены как языковыми, так и неязыковыми контекстами реализации той или иной отраслевой проблематики, которые требуют от переводчиков особой техники понимания и декодирования [Власенко, 1996; 2006а]. При этом высокая понятийно-концептуальная насыщенность отраслевых текстов, наложение (пересечение) в них знаний, отражающих разные области деятельности, высокая гипотетичность таких знаний для переводчика [Сорокин, Власенко, 1998] и, как правило, достаточно условная соотнесённость терминологических систем отраслей знаний в русскоязычных и англоязычных странах [Авербух, 2006, с. 14; ОТЭС, 2006; Суперанская и др., 2009, с. 225—234] — вот лишь некоторые характеристики текстов, переводимых в сфере профессиональной коммуникации [Власенко, 1996, с. 2—3; Рябцева, 2007б, 2008; ТППСПК, 2006 с. 16—90]. Отдавая предпочтение психолингвистическому подходу к переводу как процессу, полагаем целесообразным указать на наличие мнений ученых-психолингвистов, согласно которым понимание рассматривается в качестве одного из главных механизмов собственно переводческого процесса [Власенко, Сорокин, 2007; Залевская, 1982, 2005, 2007; Зимняя, 1993; Караулов, 2007; Ключанов, 1989; Лаптева, 1988; Леонтьев, 2003; Сорокин, Ключанов, 1991; Сахно, 1986].

Современные коммуникативные процессы в рассматриваемой сфере отражают внутриотраслевое и межотраслевое взаимодействие экспертов, использование ими узкоспециальных или междисциплинарных текстов, характер которых указывает не только и не

столько на сложные и многообразные социально-экономические условия их протекания, сколько на сложность, многообразность и непредсказуемость количественных и качественных аспектов информации, передаваемой в межкультурном общении посредством отраслевого перевода¹. Поэтому неудивительно, что этот факт не оставляет места наивно-языковой картине мира переводчика, занятого в сфере профессиональной коммуникации, требуя от него языковой и коммуникативной компетентности, а также сформированной техники текстовосприятия и текстопостроения, реализованной в устойчивых навыках вербализации [ТСПСПК, 2006, с. 88—90].

Переводческий опыт автора статьи позволяет утверждать, что в преимущественном большинстве случаев в межъязыковом переводе, осуществляемом в сфере профессиональной коммуникации, у переводчика не может наблюдаться предсказуемой рефлексии в отношении переводимого текста [Власенко, 1996, с. 5, 13—14, 42; ТСПСПК, 2006, с. 17—18, 37—39, 56; Nida, 1975]. На данное обстоятельство не раз обращали внимание и психолингвисты, занимающиеся проблемами языкового сознания в связи с особенностями межкультурного общения. Так, в частности, Е.Ф. Тарасов отмечал, что «носители английского и русского языков будут понимать друг друга в той мере, в какой образы их сознаний пересекаются (обладают общностью), несовпадение этих образов и будет служить причиной неизбежного непонимания при межкультурном общении» [Тарасов, 1996, с. 8].

При восприятии текста оригинала (ТО) переводчик как воспринимающий и переводящий субъект прибегает к актам референции как составной части рефлексированного восприятия и понимания [Власенко, 1996, с. 7, 40; 1999а, 1999б]. Именно референциальные связи единиц ТО с прототипическими (денотативными) ситуациями позволяют переводящему субъекту соотносить ТО с континуумом экстралингвистических знаний. При восприятии и понимании текстов, в особенности узкоспециальных или междисциплинарных, как правило, срабатывает механизм вероятностного прогнозирования (по Г.В. Чернову [Чернов, 1987]). Однако не существует и, вероятно, не может существовать гарантии того, что рефлекслируемая переводчиком действительность, отражённая в ТО на исходном языке (ИЯ) и являющаяся для него гипотетической, обязательно совпадёт с реальной действительностью в том смысле, в каком она задана автором в ТО [Власенко, 2006б; Сорокин, Вла-

---

¹ В настоящей статье, как и в целой серии наших работ, посвящённых переводу в сфере профессиональной коммуникации, термины *отраслевой перевод* и *перевод в сфере профессиональной коммуникации*, а также *профессионально-ориентированный перевод* и *специальный перевод* полагаются синонимами.

сенко, 1998; Суперанская и др., 2009, с. 122—126; ТПСПК, 2006, с. 58—59; Roberts, 1993].

Понимание в профессионально-ориентированном переводе рассматривается нами как ***предметное понимание переводчиком текста оригинала в ходе активного восприятия им смысла сообщения, актуализированного в этом тексте***. Другими словами, понимание переводчиком смыслового содержания специального (отраслевого) текста можно представить как распрямление, основанное на корректной идентификации представленных в тексте специальных знаний и их расщеплении посредством успешного соотнесения выявленных в ТО знаний с априорными, фоновыми и (или) отраслевыми знаниями переводчика [Власенко, 1996, с. 5—14; ТПСПК, 2006, с. 67; Чернов, 1988; Черняховская, 1988]. Подобная позиция перекликается с мнением отечественного классика-психолингвиста Н.И. Жинкина, который не раз высказывался о понимании как результате работы механизма «эквивалентности смысловых замен» (цит. по: [Залевская, 2005, с. 324]).

Важно отметить, что именно смысловые трансформации, или замены, лежат в основе процедуры межъязыкового перевода. Это обусловлено непрозрачностью отраслевых текстов, которая выступает фактором неполноты условий для принятия корректного переводческого решения. Наша концепция в отношении перевода в сфере профессиональной коммуникации строится на убеждении, согласно которому данный вид перевода имеет базовую универсальную составляющую, приравнивающую его к любому другому виду перевода, а именно: перевод представляет собой акт коммуникации, нацеленный на понимание иной — «чужой» — национально-специфической картины мира, отражённой в ТО, и интерпретацию воспринятой переводчиком в ТО информации в терминах «своей» системы смысловых и ассоциативно-образных координат [Власенко, 1998]. Остановимся на данном аспекте проблемы подробнее.

Поиск смысла оригинала переводчиком как индивидуализация смысловых опор

Важная веха мыслительного процесса переводчика при восприятии ТО — определение им смысловых опор в общем смысловом пространстве переводимого текста. От высказывания к высказыванию смыслообразующие и смысломаскирующие элементы характеризуются разнородностью признаков, а следовательно, и разной степенью предсказуемости для переводчика как воспринимающего субъекта. Исходя из этого, ***понимание в переводе правомерно рассматривать как процесс непрерывного целеполагания***, в течение ко-

того цель постоянно смещается и передвигается в смысловом пространстве текста, представляя собой *плавающую точку* [Власенко, 1996, с. 12]. Экстремальность психической нагрузки при выполнении межъязыкового перевода в анализируемых языках-коммуникантах состоит в быстрой смене гипотетических для переводчика в данный конкретный момент прочтения ТО экзистенциально-деятельностных сценариев. Под сменой сценариев понимается не что иное, как смена парадигм привычной — «своей» — картины мира на «чужую»². Берём на себя смелость утверждать, что подобная смена сценариев осуществляется на основе не только принципа целеполагания, но и принципа рациональности как основы категоризации мира и воспринимаемых в нём объектов и явлений, которые использует переводящий субъект в ходе языкового перекодирования. Таким образом, *понимание в переводе — это направленный и непрерывный процесс целеполагания.*

Непрерывность целеполагания в межъязыковом переводе подчинена обеспечению внутреннего равновесия при принятии переводчиком решения о приписывании того или иного смысла единицам ТО, вынесению суждения путём взаимосбалансированности смысловых компонентов текста и той «реальности», которая в ТО актуализирована. Названные принципы и свойства переводческой рефлексии позволяют переводчику в конечном итоге обеспечить адекватность текстопостроения на ПЯ и соответствие главному текстовому критерию — когезии, т.е. непротиворечивости и связности смысловых связей в ТО, его концептуальному единству.

По признанию многих переводчиков [Калашникова, 2008], принятие переводчиком решений сопровождается высокой концентрацией внимания и интеллектуальным напряжением. Обратим внимание на то, что переводческое решение предшествует переходу с исходного языка на язык перевода (см. также [Toury, 1988]). Ниже приведены примеры некоторого набора вариантов переводов английской фразы, представляющие, на наш взгляд, интерес с точки зрения диапазона индивидуальных расхождений, выражающих разные картины мира переводчиков. Они также представляют некоторое множество возможных прочтений одного и того же текста (фразового единства). Переводческие прецеденты, собранные нами в ходе микроэксперимента³ в мае 2009 г., представляют также

---

² Среди обширной литературы по разным аспектам оппозиции «свой» — «чужой» в психолингвистике, теории коммуникации, см., например: [Красных, 2003], в анализе дискурса, прагматике и лингвистике текста [Yokoyama, 1996].

³ Переводы выполнены студентами-гуманитариями (преимущественно нефилологами) ряда московских вузов, в частности МГЛУ, РУДН, РПА Минюста России, а также ГУ—ВШЭ, АНХ и Финансовой Академии при Правительстве России и несколькими преподавателями английского языка названных вузов.

интерес с точки зрения определения удельного веса креативности в переводческом решении (о творческой составляющей в переводе см. работы Н.К. Рябцевой, в частности [Рябцева, 2008]). Индивидуальная креативность в общем объеме интеллектуального и ассоциативно-образного напряжения, которое затрачивается переводящими субъектами для выявления смысла ТО или его фрагмента в ходе межъязыкового перевода, наглядно иллюстрируется нижеприведёнными переводческими прецедентами.

Наряду с этим полагаем целесообразным в целях повышения качества текста перевода как конечного продукта переводческой деятельности популяризировать использование метода инвентаризации переводческих прецедентов, который позволяет более детально проанализировать реализацию переводческих решений через речезыковые воплощения, варьирующиеся в самом широком диапазоне (подробнее об этом см.: [ТППСПК, 2006, с. 78—79]). Отметим попутно, что рассматриваемый ниже пример не является ни сложным в части терминологической насыщенности, ни обязательным в части специальных знаний.

Пример I

*New CEO came all the way from the Netherlands, and that's because, there is a **global talent crisis** for this type of position right now* [Из открытых материалов зарубежной аудиторской фирмы].

Ниже следуют прецеденты англо-русских переводов приведённой английской фразы. Переводы выполнены испытуемыми информантами (далее — ии.). Полужирное шрифтовое выделение указывает на индивидуальные переводческие решения испытуемых. В целях настоящей статьи подчеркнем: предложенные ии. реализации следует рассматривать как исключительно индивидуальные прочтения ими тех единиц ТО-фразы, которые расцениваются нами как априори проблемные или потенциально проблемные с точки зрения прозрачности для понимания (см. ниже «Переводческий комментарий», кратко суммирующий оценку автора статьи):

ии.-1:

Нового генерального директора пришлось искать в Нидерландах, а все потому, что во всём мире сейчас наблюдается острая нехватка подходящих кандидатов на такие должности.

ии.-2:

Новый генеральный директор приехал из Нидерландов, и это связано с тем, что сейчас наблюдается повсеместная нехватка кадров, обладающих способностями, которые необходимы для должностей такого уровня.

иш.-3:

Новый генеральный директор приехал из Нидерландов, и это потому, что в данное время наблюдается глобальная нехватка талантов, подходящих для этой должности.

иш.-4:

Новый исполнительный директор — выходец из Нидерландов; это связано с тем, что сейчас наблюдается нехватка местных талантливых работников на данную должность.

иш.-5:

Новый глава (премьер) исполнительной власти Нидерландов покинул страну (уехал из страны) вследствие того, что (потому что) наступило тяжелое время для лидера этого поста.

иш.-6:

Новый генеральный директор прибыл из Нидерландов и только потому, что сейчас на такие позиции глобальный кризис талантов.

иш.-7:

Новый исполнительный директор проделал большой путь прямо из Голландии, а все это потому, что в данный момент существует проблема в отношении способных людей, занимающих данную должность.

иш.-8:

Новый генеральный директор приехал из Нидерландов, поскольку в настоящий момент на эту должность довольно большая нехватка кадров.

иш.-9:

(а) Новый исполнительный директор прибыл аж из Голландии, а все потому, что во всем мире сейчас нехватка талантливых специалистов, пригодных для этой должности.

Комментарий иш.-9 к первому варианту перевода: «Аж» употреблено, потому что не совсем ясна степень формальности речи, в которой используется фраза. Если это какая-нибудь презентация или «внутренний» доклад для сотрудников компании, «аж» уместно. Если это официальная речь, где ставят в пример абстрактную компанию, куда приехал голландец, то «аж» неуместно».

Переводческий комментарий: Употребление дискурсного маркера «аж»⁴ не оправдано контекстом употребления, поскольку маркер привносит разговорный регистр; стилистическая неод-

⁴ Называется также дискурсивной частицей [Путеводитель, 1993].

нородность привносится неоправданно (подобные примеры см. ниже у других ии.).

(б) *Во всем мире сегодня не хватает талантливых специалистов, которые могли бы заслуженно занять должность исполнительного директора — вот и новый исполнительный директор приехал из далекой Голландии.*

Комментарий ии.-9 ко второму варианту перевода: напрашивается притяжательное местоимение «...*приехал к нам*» или «*приехал наш директор*», но нет абсолютной уверенности, что речь идет о своей, «нашей», компании.

Переводческий комментарий: Нельзя не согласиться с комментарием ии.-9. Действительно, контекст чрезвычайно ограничен, что заметно снижает возможности «попадания» в правильный вариант перевода, приемлемый для отсутствующего здесь более широкого текстового фона.

ии.-10:

Новый главный менеджер проделал долгий путь от Нидерландов и всё потому, что сейчас возник глобальный дефицит кадров на эту должность.

ии.-11:

Преемник главного финансового директора проделал путь из Нидерланд, и все потому, что сейчас на лицо глобальная нехватка талантов / всемирный «кризис умов» / утечка умов на занятия данной должности / должности данной категории.

ии.-12:

(а) *Сейчас явно не хватает талантливых претендентов на такую должность, и поэтому **новым директором** был назначен голландец.*

(б) ***Новым директором** был назначен голландец, поскольку сейчас явно не хватает талантливых претендентов на такую должность.*

(в) *Поскольку сейчас явно не хватает талантливых претендентов на такую должность, **новым директором** был назначен голландец.*

Комментарий ии.-12 к представленным переводам: «Начинать с «поскольку» не очень хорошо, поэтому этот вариант представляется мне не самым удачным».

Переводческий комментарий: Следует положительно оценить высокий уровень самоконтроля ии.-12. Как правило, это говорит о практике и опыте испытуемого. В ряде случаев (более редких) испытуемые демонстрируют развитые механизмы контроля правильности речезыковых построений, которые следует рассматривать как врождённые.

(г) *Новый директор прибыл аж из Нидерландов, и это всё потому, что талантливые претенденты на такую должность сейчас в дефиците / на вес золота.*

Комментарий ии.-12 к представленным версиям перевода: «В переводе появляется элемент разговорности, отсутствующий в оригинале».

Переводческий комментарий: В этом варианте перевода ии.-12 также демонстрирует высокий уровень самоконтроля при текстопорождении ТП (ср. наши комментарии в отношении дискурсного маркера «аж» для ии.-9 выше).

(д) *Новый генеральный прибыл аж из Нидерландов, и это всё потому, что с талантливыми кандидатами на такую должность сейчас напряжёнка.*

Комментарий ии.-12 к представленным версиям перевода: «В переводе появляется элемент разговорности, отсутствующий в оригинале».

Переводческий комментарий: В этом варианте перевода ии.-12 еще раз демонстрирует самоконтроль при текстопорождении ТП, что говорит об устойчивости данного механизма, обычно являющегося результатом опыта.

Общий комментарий ии.-12 ко всем представленным версиям перевода: «Трудно переводить реалии, отсутствующие в русском языке (например, CEO). В официальных документах обычно за тем или иным термином закрепляется определённый перевод. Без более широкого контекста бывает трудно остановить свой выбор на том или ином варианте перевода. Не исключаю, что в более широком контексте некоторые предложения были бы переведены по-другому. Мне пришло в голову сравнение высказываний, изучаемых вне контекста (который является «естественной средой обитания» высказываний), с изучением животного в зоопарке, вне его естественной среды обитания. Впрочем, ряд функций и особенностей животного можно изучать и в зоопарке, поэтому, очевидно, отсутствие широкого контекста иногда вполне оправданно».

Переводческий комментарий: Отметим комментарии ии.-12, отражающие высокий уровень рефлексии, проявленный в процессе перевода, и высокий мотивационный уровень познания. При этом, однако, употребление в переводе дискурсивно маркированной частицы «аж» и разговорной лексемы «напряжёнка» переводит регистр институционального, в частности предпринимательского, дискурса в стилистически сниженный регистр разговорной речи.

иш.-13:

Новый **главный исполнительный директор** окончательно переехал из Нидерландов, поскольку на данный момент там наблюдается глобальный кризис должностей такого типа.

иш.-14:

Новый **генеральный директор** бесспорно из Нидерландов, потому что сейчас мировой кризис талантливых руководителей на этой позиции.

иш.-15:

Новый **финансовый директор** приехал из Нидерландов насовсем, и это потому, что там сейчас глобальный кризис талантов для такого типа должности.

иш.-16:

Новый **менеджер** прибыл из Нидерландов, и это потому, что на сегодняшний день существует глобальный кризис талантов в сфере его деятельности.

иш.-17:

(а) Новый **исполнительный/генеральный директор** приехал (аж) из Нидерландов, а все потому, что сейчас имеет место быть глобальный/мировой кризис талантливых специалистов в данной области.

(б) Новый **исполнительный/генеральный директор** прибыл из Нидерландов в связи с тем, что на данный момент существует нехватка мирового масштаба талантливых кадров на данную позицию.

В качестве продолжения альтернативных прочтений предложим три собственных варианта означивания смысла рассматриваемой английской фразы:⁵

(а) **Приезд кандидата на должность нового генерального директора компании из Нидерландов не случаен, а скорее закономерен, поскольку в настоящее время в мире ощущается глобальный дефицит талантливых администраторов, настоящих управленцев, готовых и способных организовать эффективную работу в организации.**

(б) **Новый генеральный директор приехал издалека — из Нидерландов — по той простой причине, что в настоящее время мир переживает глобальный кризис: дефицит профессионально подготовленных и эффективно работающих руководителей, настоящих лидеров,**

---

⁵ Здесь и далее по тексту статьи предлагаемые автором русскоязычные варианты сформулированы на основе соответствующих статей следующих англо-русских отраслевых словарей [АРФС, 2005; БАРФЭС, 2000; БАЮС, 2003; АВВУ, 2006].

способных занять подобную должность / которым под силу организовать эффективную работу организации.

(в) Кандидат на должность **генерального директора** приехал из Нидерландов, потому что в настоящее время во всем мире ощущается очевидный и серьезный кризис профессионально подготовленных **руководителей, лидеров-управленцев**, способных эффективно работать во главе организации.

Общий переводческий комментарий приведённых прецедентов перевода: наши комментарии к рассмотренным прецедентам англо-русского перевода сводятся к следующим основным положениям.

(1) Приведенные примеры служат убедительной иллюстрацией, позволяющей подчеркнуть субъективность локализации переводящими субъектами прозрачного или непрозрачного смысла на тех или иных единицах ТУ, которые далеко не всегда совпадают.

(2) Требования *внутренней логики изложения и предметности передаваемого смысла* требуют от переводчиков смыслового согласования двух лексем внутри номинативных комплексов — **new CEO** и **a global talent crisis**, что в свою очередь обуславливает необходимость выхода в «затекст». Другими словами, для данной английской фразы основное переводческое решение в отношении смысла строится с «опорой» не столько на макроконтекст, который отсутствует за исключением непосредственно фразового, сколько на «свою» картину мира. Подобный «выход» переводчика на «свою» картину мира связан с категоризацией предмета сообщения посредством интеллектуального напряжения, с процедурой *интерпретирующего логического вывода* [Мостовая, 2005, с. 129; ТППСПК, 2006, с. 19, 39, 77], а также принятием решений в условиях неопределённости [Власенко, 2006б]. Неопределённость заложена в значениях лексем **CEO** и **talent**; при этом лишь вторая из них является широкозначной.

Интерпретирующий вывод, безусловно, сопоставим с *вынужденным выводом*, который описывает итальянский лингвист М. Пранди, рассматривая компоненты смыслопостроения и виды значений языковых выражений [Мостовая, 2005]. Полагаем важным указать, что выделяемые М. Пранди в буквальной и небуквальной интерпретациях языковых построений типы логических умозаключений, а именно: *провоцируемый вывод (invited inference)*, *обогащающий вывод (inferential enrichment)* и *соединяющий вывод (bridging inference)* (пер. и цит. по: [Мостовая, 2005, с. 129]), коррелируют с предложенными нами видами логического вывода, используемого в переводе. Другими словами, в переводе как процедуре переработки смысла текста речь может идти о контекстно-стимулируемом или вынуж-

денном логическом умозаключении, на которое мы указывали ранее (см. [Власенко, 1996; ТППСПК, 2006, с. 40—43, 77]).

(3) Многие проблемы англо-русского перевода порождены одной причиной — широкозначностью английских лексем или лексических построений (словосочетаний, конструкций, фигур речи и т.п.), означивание которых на русском языке, как правило, сопряжено с большой интеллектуальной концентрацией при их восприятии вследствие реконструкции прототипического события или ситуации, являющейся гипотетической⁶. Полагаем, что широкозначность среди прочих свойств речевых единиц выступает отправной точкой интерпретации [Власенко, 1996, с. 30, 41; 2006б; 2007а, 2007б].

(4) Одной из сложностей рассмотренной английской фразы является пространственная референция, «следы» которой видны в разнообразии попыток локализовать «место кризиса», т.е. определить географию протекания собственно кризиса профессионалов, и, самое важное, найти область приложения профессионального мастерства претендента на должность, о котором идет речь. Вызывает много вопросов употребление в предложенных переводах детерминативов типа *окончательно [переехал], [приехал] насовсем, покинул страну (уехал из страны)* и т.п. В этой связи уместно указать на мнение В.З. Демьянкова, касающееся русских лексем — кванторов всеобщности *всегда обычно и обычно всегда*, который указывал, в частности, на множественность и разнообразие соответствий этим лексемам в западноевропейских языках, где «внутренняя форма переводного эквивалента для русского всегда вариативна: это и «*все способы, пути*»... и «*когда-либо и более*»... и «*все дни*» [Демьянков, 2007, с. 484].

(5) Традиционно переводческое решение, как и обычный процесс принятия решений, включает этапы формулирования проблемы, поиска альтернативных прочтений смысла и анализа найденных альтернатив, определения решающего правила или критерия выбора из некоторого набора альтернативных прочтений ТО, а также непосредственный выбор решения [ТППСПК, 2006, с. 28, 35]. При этом каждый указанный этап или некоторые из этих этапов могут оказаться не реализованными переводчиком в силу субъективных или объективных причин.

(6) Общим комментарием к предложенным выше переводческим прецедентам является сожаление о преобладании в них *текстовых*

---

⁶ Вопрос сложности означивания в переводе широкозначных лексем с неопределённым референциальным статусом на примере многих языков неоднократно поднимался многими переводоведами, включая отечественных классиков: В.С. Виноградова, В.Г. Гака, В.Н. Комиссарова, З.Д. Львовскую, Ю.А. Сорокина, Э.А. Черныховскую, А.В. Федорова, Т.А. Фесенко, А.Д. Швейцера и др.

швов, под которыми мы понимаем *стилистически не отшлифованные смысловые стыки*, которые не вызывают ощущения органично понятых и понятных — прозрачных для понимания — речезыковых реализаций.

Кроме того, важно отметить, что факт участия преподавателей английского языка вузов, наряду со студентами данных вузов, демонстрирует — хотя и в порядке предварительного вывода — отсутствие жёсткой зависимости качества перевода от гендерно-возрастного фактора и опыта. Другими словами, предварительный этап анализа переводческих прецедентов не обнаруживает принципиально иного прочтения смысла исходной фразы в массе прецедентов; если под качеством перевода понимать максимально полную идентификацию переводчиком смысла автора ТО и её адекватную передачу в ТП средствами, идиоматичными для ПЯ. Следовательно, основное различие выявленного смысла исходной фразы, нашедшее выражение в вышепредложенных прецедентах перевода, представляется нам зависимым скорее от индивидуальных алгоритмов восприятия и понимания ТО, используемых *переводящими субъектами*, от их интеллектуальных механизмов смысловорасщепления, основанных на способностях категоризировать субъективный предметно-деятельностный опыт (о факторе субъективности в определении значения слов см. подробнее [Бубнова, 2008]) или при отсутствии такового — предметно-деятельностные контексты [Власенко, 2006в].

В результате проведённого анализа переводческих прецедентов представляется возможным сделать вывод о том, что в межязыковом переводе выявление смысла ТО или его фрагмента есть не что иное, как индивидуализация переводящим субъектом смысловых опор автора ТО на основе применения к ним своего предметно-деятельностного опыта и картины мира посредством использования имеющихся на момент перевода навыков вербализации.

Тактика речезыковых «развёрток» смыслоразличительных компонентов лексических построений

Под речезыковыми «развёртками» мы понимаем такие варианты именованья (номинации) непрозрачных или не полностью прозрачных лексических построений, которые переводящий субъект выявил в ТО в ходе активного восприятия и которые, по его убеждению, являются существенными различительными компонентами общего смысла ТО. Существенность смыслоразличительных компонентов, которые могут иметь разную структуру, быть полилексемными (несколькословными) или монологемными (однословными), способна варьироваться в ходе установления переводчиком общего смысла ТО. При этом степень или «удельный

вес» общего смысла приписывается переводчиком каждому выявленному им смыслообразительному компоненту субъективно и индивидуально.

Одним из наименее прозрачных предстаёт в межъязыковом переводе «чужой» социум [Власенко, 2009a]. Даже при условии подробной маркировки социального значения на речезыковом уровне репрезентации смысла текстовые фрагменты способны оставаться достаточно непрозрачными в силу большой плотности представления в ТО — «плотной упаковки» — макросоциокультурных знаний. Лексические построения — не что иное, как речезыковые реализации, репрезентирующие некоторое организованное социопространство и характеризующиеся в силу своей непрозрачности для коммуникантов «извне» коммуникативной напряженностью и определённой синтаксической автономностью. Наше предложение основано на многолетних наблюдениях за межъязыковыми переходами, которые в основном не поддаются рутинным переводческим процедурам, требуя нетривиальных тактик передачи смысла в языке перевода.

В целях настоящей статьи рассмотрим прецедент англо-русского перевода, предлагаемый коллективом авторов многоязычного электронного словарного ресурса АBBYУ [АBBYУ, 2006]:

Пример II

Successful globalizers have had market-friendly but proactive governments and adequate social insurance [там же].

Перевод на русский:

В странах, успешно справляющихся с глобализацией, как правило, рыночно ориентированные, но активно действующие правительства и достаточно эффективная система социального обеспечения [там же].

Приведём четыре варианта прочтения трёх добровольно вызвавшихся испытуемых⁷, прецеденты перевода которых позволяют еще раз наглядно проиллюстрировать весьма серьёзный диапазон разночтений, возникающий при означивании деятеля (актанта) пропозиции. Вероятно, не следует недооценивать важность выбора переводчиком средств вербализации смысла, касающегося действующего субъекта пропозиции — актанта. Можно с определённой долей уверенности предположить, что именно этот этап переводческого выбора — важнейший этап индивидуализации смыслопоиска в переводе (см. собственный комментарий ии.-1):

---

⁷ Двое из них (иш.-1 и иш.-2) — преподаватели иностранных языков московских вузов, один (иш. — 3) — студент-гуманитарий московского вуза.

иш.-1:

Те страны, которые успешно прошли через процесс глобализации, имели для этого основания: дружелюбно настроенное по отношению к рыночной экономике, но активное правительство и социально защищенное население.

Комментарий иш.-1: «Было ощущение, что не перевозжу, а досочиняю».

иш.-2:

Страны, успешно адаптируемые в систему глобального мироустройства, имеют рыночно ориентированные, но не зависимые от рынка активные действующие правительства и компетентную систему социального обеспечения.

иш.-3:

Успех агентов и субъектов международных отношений обеспечивался правительством, соблюдающим условия рынка, и необходимыми социальными гарантиями.

Адепты международных отношений потому **имели успех**, что их распространению способствовало правительство и их поддерживало население.

Комментарий иш.-2: «Переводить вне контекста сложно: не понятно о чем речь, к чему все относится, с каким событием или событиями соотносится фраза».

Переводческий комментарий: В обоих случаях понятно, что испытуемые не приветствуют отсутствие контекста. При этом перевод выполнен. Укажем на вывод, который органично вытекает из рассмотрения даже столь малого количества прочтений ТО-фразы, а именно: этапы построения предикации и общей пропозиции при построении ТП-фразы на языке перевода подчинены индивидуальному выбору переводящим субъектом (в нашем случае — испытуемыми) средств вербального — речезыкового — воплощения деятеля (актанта). Общий вывод: смыслоподчиненность действий переводящего субъекта индивидуальной логике умозаключений.

Сопоставим вышеприведённые прецеденты англо-русских переводов анализируемой английской фразы с нижеприведёнными вариантами, предлагаемыми автором статьи. Они, как и вышеприведённые, основаны на тактике речезыковых «развёрток». Именно данная техника перевода позволила получить следующие альтернативные варианты прочтения фразы ТО на ИЯ:

• **Правительствам стран, успешно позиционирующихся в условиях глобализации,** видимо, удалось понять механизмы и законы рыночной

экономики и проводить адекватную социальную политику, а также действовать упреждающе в интересах будущего развития своих стран.

Страны, которым удаётся успешно развиваться на фоне процессов глобализации, достигли этого благодаря действиям исполнительной власти, которая, приняв законы и механизмы рыночной экономики, осуществляла адекватную политику социального обеспечения граждан и при этом сумела предвосхитить/предвосхищать возможные сценарии развития.

В странах, развитие которых протекает успешно на фоне глобализации, система государственного управления гибко отреагировала на правила функционирования рынка, используя адекватную систему социального обеспечения своих граждан, что послужило практической гарантией позитивного движения этих стран вперед.

В тех странах, которые успешно позиционируются в условиях глобализации, были правительства, сумевшие учесть рыночные механизмы и проводить адекватную социальную политику, действуя в интересах будущего развития.

В тех странах, на положение которых не повлияла глобализация, органы государственного управления учитывали рыночную конъюнктуру и осуществляли адекватную политику социального страхования граждан, при этом делая удачные попытки предопределить вероятностные параметры развития (возможный дополнительный вариант: ...при этом их попытки предугадать вероятностные параметры развития своих стран оказались удачными).

Переводческий комментарий: анализ сопоставляемых альтернативных прецедентов перевода представляется иллюстративным с точки зрения рассматриваемой проблематики смысловосприятия и смыслопостроения, поскольку указывает на безусловную множественность вариантов означивания одного и того же смысла ТО-фразы. Несмотря на альтернативность приведённых прецедентов, их эквивалентность, степень релевантности и конкурентоспособности оценивается целиком переводящим субъектом, принимающим решение в отношении употребления тех или иных средств вербализации. При этом такое решение обусловлено знанием целевой аудитории.

Небезынтересно отметить, что проанализированные прецеденты подтверждают процитированные выше слова Н.И. Жинкина о понимании как эквивалентности смысловых замен. Бесспорно, что не только переводящий субъект, но и целевая аудитория наделена правом оценки эквивалентности перевода. Вместе с тем во всех прецедентах перевода Примера II смысловосприятие целевой аудиторией предложенного переводчиком текста как результата

его индивидуализированного смыслопостроения будет подчинено «своим» предпочтениям осмысления и категоризации.

Смысл, заключенный в лексических построениях, включающих *globalizers* и *governments*, представляет своего рода самостоятельную пропозицию. Предложенные нами русскоязычные переводческие соответствия непосредственно указывают на заметное расширение (экспликацию) референтного пространства как технику перевода, на инкорпорирование макроконтэкстных знаний в переводческие решения, реализованные в построениях на русском языке. Уместно привести мнение отечественного классика-психолингвиста А.А. Леонтьева, в частности мнение об источниках интеллектуальной активности, среди которых ученый отдавал приоритет социальному знанию. Он утверждал, что «социальная память или социальный опыт социальной группы, этноса или всего человеческого рода, принятый и интериоризованный каждой отдельной личностью», включен в мыслительную активность человека наряду с «деятельностью личности в окружающем мире, в реальности материальных и идеальных предметов» [Леонтьев, 2003, с. 369]. В этой связи знаменательны и другие слова А.А. Леонтьева о том, что «независимо от того или иного ситуативного использования общения, оно представляет собой не процесс установления контакта между личностями, психологическими «монадами», а способ внутренней организации и внутренней эволюции общества [Леонтьев, 2008, с. 25]. Представляется, что английские лексемы-социологемы *globalizers* и *governments* — это единицы языковых кодов, воплощающие в речезыковой форме смысловые пучки социального знания, многослойные по своей структуре и представляющие соответствующие ячейки социума в виде «плотно упакованной» информации об устройстве социально-экономических систем тех или иных стран и о национально-культурных архетипах (см. подробнее [Власенко, 2009a]). С формально лингвистической точки зрения подобные лексемы—носители социального знания занимают существенную часть номинативного ядра, значительную по удельному весу в субъектно-предикатной структуре.

Единицы или группы единиц (блоки) лексической непрозрачности — это информационно плотные лексические построения в отраслевых текстах, которые, как правило, включают широкозначные термины, или термины широкой семантики; отраслевые акронимы, отраслевую идиоматику и термины-концепты со структурой фрейма или сценария типа правового термина *attornment*, имеющего значение *признание арендатором нового собственника недвижимости в качестве арендодателя* или *delay rentals* → *дополнительные арендные платежи собственнику при задержке начала работ (или использования арендованного объекта)*.

В самом деле, правомерно утверждать, что основополагающим положением семантики перевода, который касается механизмов смысловосприятия и смыслопостроения, используемых переводящим субъектом, является собственно пространство означивания, индивидуально им устанавливаемое. Следовательно, референциальность можно считать одним из базовых компонентов перевода как процесса, от которого зависит качество перевода — текста как конечного продукта переводческой деятельности. Именно референциальное пространство (денотативная ситуация) «реально» для восприятия переводчика в том смысле, что представляет обозримые фрагменты внешней действительности, которые в тексте представлены конкретными речезыковыми средствами. При этом речезыковые средства отражают некоторые единичные «кадры», описываемые автором в тексте и отражающие авторские смысловые соответствия денотативной ситуации.

С позиций переводоведения широконезначность английских лексем понимается как их способность одновременно характеризоваться более чем одной областью референции или одним означиваемым референтным (денотативным) пространством [Власенко 1996, с. 5, 13—14, 42; 2008а, с. 66—68, 72—74, 2008б; ТППСПК, 2006, с. 50—51, 58]. Примеры в рассматриваемых языках-коммуникантах поистине неисчислимы: *full house* в театральном контексте → *анишлаг*, а в правовом → *палата законодательного органа в полном составе* или *полный состав законодателей на пленарном заседании*. Данные примеры означивания указывают на жёсткую контекстную зависимость термина и, самое важное, на разные референциальные пространства, обозначаемые одним и тем же словом *house* → *театр* и *законодательный орган (законодательное собрание)*. При этом речь не идёт ни об омонимии, ни о синонимии, а именно об онтологической семантике термина [Власенко, 2009б; ОТЭС, 2006, с. 138—143, 172—175]. Термин *system house* в информационно-технологическом контексте, в контексте вычислительной техники имеет значение *фирма по проектированию, выпуску и сбыту (или поставкам) вычислительных систем*, что почти синонимично значению, которое существует в политехническом контексте → *фирма-разработчик системотехники, системотехническая фирма*, с тем дополнением, что само собой разумеющимся полагаются такие функции фирмы-разработчика, как проектирование, выпуск и прочее.⁸

---

⁸ Отметим, однако, что современная корпоративная культура вовсе не предполагает, что организационное устройство и структура, функции и иные обстоятельства ведения дел в той или иной фирме могут быть предметом досужего интереса коммуникантов «извне», вследствие чего понятие корпоративной этики штатных сотрудников компании обязательно включает условия неразглашения служебной информации, доступной этим сотрудникам в силу занимаемой ими должности и предписанных служебных обязанностей.

Отечественный терминолог В.А. Татаринов называет данное явление «амбисемией терминов», объясняя её как «одну из разновидностей неоднозначности термина» и как «свойство функционировать в языке с разным объёмом семантики» [Татаринов, 2000, с. 14]. Укажем на важный для переводоведения комментарий В.А. Татаринова о том, что «особенно рельефно неоднозначность проявляется при сопоставлении терминосистем разных языков, так как обнаруживается различная у разных культурно-языковых коллективов сегментация внеязыковой действительности, которая сопровождается самобытностью формирования объёмов и систем понятий, особенно в интеллектуальных сферах деятельности людей» [там же, с. 14—15]. Именно с данным комментарием мы не можем не согласиться, полагая его обоснованным. Еще раз подчеркнём очевидное присутствие референциального аспекта в процитированном мнении терминоведа, т.е. связанность значения термина внетекстовым предметным контекстом.

Речезыковые развёртки собирательной лексемы *globalizers* на русский возможны посредством внутритекстовой референции — эндореференции, а именно катафоры с её реверсивным прочтением при развёртке, соответствующей *whose governments*, т.е. на основе установления референциального тождества, исходя из последующего контекста. Наиболее продуктивные суффиксы деятеля в английском *-ist* и *-er (-or)* несут в себе значения деятельного воплощения специальных навыков (например, *cardiologist, physicist, engineer, advisor* и т.п.). Исходя из этого прозрачность для понимания лексем *globalist* и *anti-globalist* вовсе не предопределяет прозрачности лексемы *globalizers*, если только не прибегнуть к синонимическому восприятию *globalist* и *globalizer*, ставя их в один ряд в качестве сторонников глобализации, *globalist* как идеи мирового развития и как активных поборников глобализации — *globalizer*, активно претворяющих идею в жизнь, что вовсе не отвечает заданному контексту фразы.

Второй блок речезыковых развёрток более предсказуем: он связан с пониманием и приписыванием соответствующих значений собирательной лексемы *governments*, варианты русскоязычного представления которой включают: (а) *правительства*, (б) *исполнительная власть* и выводное значение путем расширения фокуса референции — *действия исполнительной власти*, (в) *система государственного управления*, (г) то же, что (а), (д) *органы государственного управления* и выводное значение — *действия органов госуправления*.

Примеры, рассмотренные нами в статье, иллюстративны, наглядно показывают, что текст оригинала, содержащий прозрачные или почти прозрачные на этапе восприятия смысловые фрагменты, может быть вовсе не прозрачен на этапе означивания, требуя от переводчика использования активных тактик и приемов языко-

вого перекодирования: использования субъективного опыта, знаний и языковой компетенции в двух языках-коммуникантах. Среди прочего техника перевода отраслевых текстов, содержащих непрозрачные смысловые фрагменты, сводится к комплексной тактике, используемой переводчиком и включающей: *расширительное толкование* и *связующий вывод* [ТППСПК, 2006, с. 19—20, 34]. Именно эти методы в комплексе способны обеспечить переводчику возможность принятия адекватных переводческих решений в условиях смысловой неопределенности переводимого текста, его фрагментов или отдельных единиц. Полагаем, что данная тактика англо-русского перевода есть один из видов режима восприятия и понимания текста оригинала переводчиком, который способен гарантировать ему нахождение коммуникативно и функционально эквивалентных, а потому сопоставляемых переводческих соответствий, независимо от сложности оригинала и форматов выполнения перевода [там же, с. 36—37].

В заключение отметим, что убедительным подтверждением активной рефлексии переводящего субъекта при порождении им ТП является факт множественности прочтений смысла ТО как в первом случае — в Примере I, где переводческие прецеденты содержали по два возможных прочтения, так и во втором случае — Примере II, содержавшем пять *альтернативных переводческих прочтений* [ТППСПК, 2006, с. 37, 44, 77—80]. Вероятно, правомерно сделать вывод о том, что выражение выявленного переводчиком смысла ТО сопряжено с *индивидуализацией алгоритмов сопряжения «своей» и «чужой» картины мира* [Власенко, 1993] в рамках данного предметно-деятельностного контекста на фоне исключительно субъективной оценки переводящим субъектом смысловой полноценности — прозрачности или непрозрачности — тех или иных единиц ТО. Анализ приведенных в статье переводческих прецедентов позволяет сделать общий вывод об особенностях восприятия и понимания отраслевых текстов в межъязыковом переводе, протекающем в сфере профессиональной коммуникации в языковой паре английский—русский: *корректное восприятие переводчиком отраслевого текста и предметное понимание его смысла — главные предпосылки адекватного перевода, который предполагает максимально полное распрямление переводчиком смыслового содержания текста оригинала для дальнейшего корректного означивания на переводящем языке при порождении текста перевода.*

Список литературы

- Авербух К.Я. Терминология // В.А. Татаринев. Общее терминоведение: энциклопедический словарь / Авт.-сост. В. А. Татаринев. М., 2006. С. 14.
Богин Г.И. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982.
Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин, 1986.

- Брудный А.А.* Психологическая герменевтика. М., 2005.
- Бубнова И. А.* Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект): Автореф. ... докт. филол. наук. М., 2008.
- Виноградов В.С.* Индивидуально-авторское словотворчество и способы его воссоздания в переводе // В.С. Виноградов. Перевод: Общие и лексические вопросы. М., 2004. С. 122—137.
- Власенко С.В.* Стратегии понимания // Понимание и рефлексия: Материалы 3 Тверской герменевтической конф. в 2-х частях. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1993. Ч. 1. С. 110—115.
- Власенко С.В.* Факторы лакунизации текста (на основе анализа англо-американских и русских текстов разного коммуникативного статуса): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Ин-т языкознания РАН. М., 1996.
- Власенко С.В.* Двухфокусность понимания в переводе // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании: 6-я Тверская междунар. герменевтическая конф. (Тверской гос. ун-т). Тверь, 1998. С. 92—94.
- Власенко С.В.* Проблема референции в переводе // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сб. науч. тр. Московского гос. лингвистического ун-та. Вып. 444. М., 1999а. С. 24—33.
- Власенко С.В.* Перевод: акт коммуникации или акт референции? // Теория перевода и методика подготовки переводчиков: Материалы научно-практической конференции (Военный ун-т Минобороны России, фак-т иностранных языков). М., 1999б. С. 38—43.
- Власенко С.В.* Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский — русский: Учебник по спец. «Юрист-переводчик», «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». М., 2006а.
- Власенко С.В.* Перевод лакунизированного текста как процесс принятия переводческих решений в условиях неопределенности // Межкультурная коммуникация и перевод: Материалы 5-й межвуз. науч. конф. / МОСУ. М., 2006б. С. 211—214.
- Власенко С.В.* Перевод и лингводидактика: типы контекстов и контекстная зависимость юридической терминологии в курсе англо-русского перевода для юристов-международников // Филологические науки в МГИМО. Сб. науч. тр № 22 (37) / МГИМО-университет. М, 2006в. С. 46—66.
- Власенко С.В.* Отраслевой перевод: синонимизация терминологии как метод компенсации системного диссонанса англо-русских терминосистем // Теория и практика лексикологических исследований / Вестн. МГЛУ. Сер. Лингвистика. Вып. 532. М., 2007а. С. 171—183.
- Власенко С.В.* Прагматический аспект текстовосприятия в англо-русском отраслевом переводе // Лексическая системность английского языка в культурологическом ракурсе (семантика и функционирование) / Вестн. МГЛУ. Сер. Лингвистика. Вып. 537. М., 2007б. С. 208—221.
- Власенко С.В.* Современное переводоведение: необозримые горизонты и актуальные проблемы развития (очерк к 85-летию со дня рождения проф. А.Д. Швейцера) // Вопросы филологии. 2008а. № 3 (30). С. 65—75.
- Власенко С.В.* Понимание отраслевых текстов в межъязыковом переводе: тактика дифференцированного торможения при восприятии плотно

лакунизированных текстовых единиц // Понимание текста: междисциплинарный подход к исследованию и обучению / Журнал Международного института чтения им. А.А. Леонтьева: 12-я научно-практ. конф. по психологии и педагогике чтения, посвященная 20-летию Ассоциации исследователей чтения; МГУ им. М.В. Ломоносова, психол. фак-т. М., 2008б. № 8. С. 31—33.

Власенко С. В. Социологемы — комплексные наименования социально-экономических институтов и внутриведомственных должностей (англо-русские сопоставления) // Актуальные проблемы изучения комплексных языковых знаков: Матер. Междунар. науч. конф. к 100-летию проф. А.В. Кунина / МГЛУ. М., 2009а. С. 32—34.

Власенко С.В. Синонимия и полисинонимия как феномен избыточности терминологических систем отраслевых субязыков: англо-русские переводческие сопоставления // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Е.А. Баженовой. Пермь, 2009б. Вып. 13. С. 279—292.

Власенко С.В. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: психолингвистические аспекты декодирования лексических лакун (англо-русские переводческие сопоставления) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22: Теория перевода. 2009в. Вып. 2. С. 3—20.

Власенко С.В. Дискретность текстовосприятия в переводе как результат нарушения непрерывности речемыслительных операций // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы: Матер. XVI Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации (14—17 июня 2009 г., ИЯз РАН, Москва). М., 2009. С. 258—259.

Власенко С.В., Сорокин Ю.А. Текст как плотно лакунизированное пространство // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. С. 41—45.

Демьянков В.З. Осциллирующая интерпретация предложений с сочетанием *всегда* *обычно* // Язык и действительность: Сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. М., 2007. С. 481—489.

Залевская А.А. О некоторых аспектах связи между формой и значением слова // Текст как психолингвистическая реальность: Сб. ст. / ИЯ АН СССР. М., 1982. С. 42—60.

Залевская А.А. Понимание как перевод (системно-семиотических подход) // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово и текст: Избр. тр. М., 2005. С. 364—366.

Залевская А.А. Понимание и интерпретация: вопросы теории // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сб. ст. / Под ред. Н.В. Уфимцевой. М.; Барнаул, 2007. С. 24—39.

Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность: Сб. ст. М., 1993. С. 51—58.

Калашникова Е. По-русски с любовью: Беседы с переводчиками. М., 2008.

Караулов Ю.Н. Способы существования элементарных единиц знания в обыденном языковом сознании // Язык и действительность: Сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. М., 2007. С. 53—61.

Клюканов И.Э. Психолингвистические проблемы перевода. Калинин, 1989.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

- Лантева О.А.* Экстралингвистика и смысл (синтаксические двусмысленности) // *Язык: система и функционирование*. М., 1988. С. 145—151.
- Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избр. психологич. тр. М.-Воронеж, 2003.
- Леонтьев А.А.* Проблемы и методы психолингвистики в межличностном общении // *А.А. Леонтьев. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации*. М., 2008. С. 25—37.
- Львовская З.Д.* Современные проблемы перевода: Пер. с исп. М., 2008.
- Мостовая А.Д.* Рецензия на книгу *M. Prandi. The building blocks of meaning*. Amsterdam: John Benjamins, 2004. 520 p. // *Вопросы языкознания*. 2005. № 4. С. 128—135.
- Рябцева Н.К.* Металингвистические знания в теории и практике перевода // *Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний*: Сб. науч. тр. М.; Калуга, 2007а. С. 102—111.
- Рябцева Н.К.* Язык и рефлексия // *Язык и действительность*: Сб. науч. тр. Памяти В.Г. Гака. М., 2007б. С. 62—71.
- Рябцева Н.К.* Стереотипность и творчество в переводе // *Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр.* / Под ред. Е.А. Баженовой. Пермь, 2008. Вып. 12. С. 12—26.
- Сахно С.Л.* Следы номинативной деятельности говорящего в тексте // *Проблемы перевода текстов разных типов*: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Д. Швейцер. М., 1986. С. 34—45.
- Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003.
- Сорокин Ю.А., Власенко С.В.* Переводческая рефлексия: эмпирический и гипотетический референт в переводе [Электронный ресурс] // *Hermeneutics in Russia*. Tver State University, Russia. 1998. Vol. 2. N 2. Режим доступа: <http://www.tversu.ru/Science/Hermeneutics/1998-2/1998-2-10.pdf>
- Сорокин Ю.А., Ключанов И.Э.* Психолингвистика и перевод // *Введение в психолингвистику: Текст лекций. Ч. II* / МГЛУ. М., 1991. С. 57—77.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология. Вопросы теории. 5-е изд. М., 2009.
- Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // *Этнокультурная специфика языкового сознания*: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 1996. С. 7—21.
- Татаринов В.А.* Амбисемия терминов // *В.А. Татаринов. Общее терминоведение: энциклопедический словарь*. М., 2006. С. 14—17.
- Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). М.; СПб., 2002.
- Фесенко Т.А.* Концептуальные основы перевода. Тамбов, 2001.
- Чернов Г.В.* Основы синхронного перевода. М., 1987.
- Чернов Г.В.* Контекстно-свободная и контекстно-связанная имплицативность и проблема переводимости // *Текст и перевод*: Сб. науч. ст. / Под ред. А.Д. Швейцера. М. 1988. С. 51—63.
- Черняховская Л.А.* Информационная структура текста как объект перевода // *Текст и перевод*: Сб. науч. ст. / Под ред. А.Д. Швейцера. М., 1988. С. 17—24.
- Швейцер А.Д.* Предисловие // *Текст и перевод*: Сб. науч. ст. М., 1988. С. 3—5.

- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика: эволюция связей // Вопросы филологии. 2008. № 3 (30). С. 62—64.
- Nida E.A.* Words and Thoughts // Language Structure and Translation. Essays by Eugene A. Nida / Comp. by A.S. Dil. Stanford: Stanford University Press, California, 1975. P. 190—199.
- Roberts L.D.* How Reference Works: Explanatory Models for Indexicals, Descriptions, and Opacity. — Albany: State Univ. of New York Press, USA, 1993.
- Schaffner C.* An account of knowledge use in text comprehension as a basis for frame-based interference // Interferenz in der Translation. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopedie, 1989. P. 65—72.
- Toury G.* The Coupled Pair of “Solution + Problem” in Translation Studies // Translation Theory in Scandinavia / Proceedings of the Scandinavian Symposium on Translation Theory (SSOT) III / Ed. by Chaffey P.N. et al. Oslo, 1988. P. 1—23.
- Yokoyama O.T.* Discourse and Word Order. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamin, 1986.

Лексикографические источники

- АРФС: Англо-русский финансовый словарь: В 2 т. / Авт.-сост. В.Я. Факков. Т. 1: Англо-русский словарь. М., 2005.
- БАРФЭС: Большой англо-русский финансово-экономический словарь / Сост. А.Г. Пивовар. Под ред. В.И. Осипова. М., 2000.
- БАРЮС: Большой англо-русский юридический словарь / Сост. А.Г. Пивовар. М., 2003.
- ОТЭС: Общее терминоведение: энциклопедический словарь / Сост. В.А. Татаринев. М., 2006.
- Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / Авт.-сост. А.Н. Баранов, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. М., 1993.
- ТППСПК: Теория и практика перевода в сфере профессиональной коммуникации: толковый словарь // Власенко С.В. Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский русский: Учеб. по спец. «Юрист-переводчик», «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». М., 2006. С. 16—90.
- АВВУУ: АBBYU LINGVO 12: Electronic Multilingual Dictionary, 2006. www.Lingvo.ru

А.А. Костикова,

доцент, заместитель декана философского факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, кандидат философских наук.
E-mail: Akostirova04@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ МЕТАФОРЫ П. РИКЁРА

В статье представлен анализ философской концепции Поля Рикёра. В сфере философского интереса П. Рикёра. история, социология, культурология, психология, нейропсихология, этика, политика и философия права, т.е. весь спектр гуманитарного знания. П. Рикёр сформулировал и реализовал свой метод философского творчества. Создание метафоры, т.е. интерпретация, представляет собой производство новых смыслов, некую «семантическую инновацию», по ту сторону логики и контроля над словами.

Ключевые слова: современная французская философия, интерпретация, философская метафора, концепция признания.

Anna Kostikova,

PhD, Associate Professor, Deputy Dean, Philosophy Faculty, Lomonosov Moscow State University

P. Ricoeur's Philosophy of Metaphor

The article analyzes a philosophical concept of Paul Ricoeur. Ricoeur's interests include history, sociology, culture studies, psychology, neuropsychology, ethics, politics, law, and philosophy, i.e. the entire range of the humanities. Ricoeur expressed and applied his method of philosophic creation. Metaphor invention, i.e. interpretation, is the production of new meanings (zdes' slovo "meanings" nuzhno, tak esli skazat' "senses" eto sozdaet putanitsu s angliiskom znacheniem etogo slova "chuvstvo" — LV) and represents a "semantic innovation" beyond logical and verbal control.

Key words: contemporary French philosophy, interpretation, philosophical metaphor, recognition concept.

Поль Рикёр — философ XX в., обращенный к философии века будущего, XXI. За свою более чем полувековую философскую биографию ему удалось сформулировать, осмыслить и во многом реализовать «основные тенденции исследований в области социальных и гуманитарных наук»¹. И это связано не только с ангажированностью французских интеллектуалов, но и с личным — чрезвычайно цельным, укорененным прежде всего в феноменологической традиции — пониманием задач философии как «интерпретации». Обнаряжение в самом языке философии, в самой логике философского

¹ Именно Поль Рикёр проанализировал «господствующие тенденции живого будущего научной деятельности» в области философии: в двухтомном труде, подготовленном под эгидой ЮНЕСКО в 1978 г., П.Рикёр написал обе главы, посвященные философии, — «Мысль и порядки реальности» и «Язык, действие, гуманизм». Tendances principales de la recherche dans les sciences sociales et humaines Deuxieme partie / Tome second: Science juridique. Philosophie. // Moutan éditeur / Unesco, Paris — La Haye, New York, 1978.

развития — вне моды и философских школ — новых тем для философских исследований стало визитной карточкой философии самого П. Рикёра. Как он заметил в интервью 2000 г., «мы не выбираем себе современников. Мы прокладываем свой путь через череду философических пейзажей, обмениваясь налево и направо, чтобы продолжать тем не менее прямо перед собой»². Исследование горизонтов феноменологии «Зла»³, «вольного и невольного»⁴ и «вины»⁵, герменевтическое рассмотрение мифа и поэзии как «живой метафоры»⁶, изучение различных форм производства смысла во «времени и рассказе»⁷, парадокс «любви и справедливости»⁸, обращение к «самому себе как Другому»⁹, задача «мыслить Библию»¹⁰ — вот краткая и далеко неполная картина тем и концепций П. Рикёра. По его собственному свидетельству, каждая его новая книга оставляла что-то «нерассказанным» и оказывалась для него самого провокацией к следующей теме и следующему исследованию¹¹. История, социология, культурология, психология, нейропсихология, этика, политика и философия права — весь спектр гуманитарного знания — в сфере философского интереса П. Рикёра. Все философы, и древние, и современные (а это вся вторая половина XX века!) — в поле его чтения, диалога и интерпретации: К. Ясперс, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Гегель, З. Фрейд, Платон, Э. Левинас, А. Бергсон, Августин и многие-многие другие. Внимательный к слову Других, мысли Других, философии Других П. Рикёр сформулировал, осмыслил и реализовал свой метод философского творчества: рассказывая или создавая метафоры, т.е. интерпретируя различными возможными способами, мы производим новые смыслы — эта «семантическая инновация», по ту сторону логики и контроля над словами, и есть наше «историчное бытие в мире посредством языка».

---

² Entretien avec Paul Ricouer, propos recueillis par Francois Ewald. Un parcours philosophique // Magazine litteraire. 2000. N 390. Sept.

³ Le mal. Un defi a la philosophie et a la theologie (conference a la Faculte de theologie de l'Universite de Lausanne). Geneve, Ed. Labor et Fides, 1986.

⁴ Philosophie de la volonte. 1. Le volontaire et l'involontaire. Ed. Aubier, 1950.

⁵ Philosophie de la volonte. 2. Finitude et culpabilite: L'homme faillible. Ed. Aubier, 1960; La symbolique du mal. Ed. Aubier, 1960.

⁶ La metaphore vive. Ed. Seuil. 1997.

⁷ Temps et Recit. Tome 1 — L'intrigue et le recit historique. Ed. Seuil, 1983; Tome 2 — La configuration dans le recit de fiction. Ed. Seuil, 1984; Tome 3 — Le temps raconte. Ed. Seuil, 1985.

⁸ Amour et justice. Tubingen / Ed. J.C.B. Mohr. 1990.

⁹ Soi-meme comme un Autre. Ed. Seuil, 1990.

¹⁰ *Lacocque A., Ricouer P.* Penser la Bible. Ed. Seuil, 1998.

¹¹ Entretien avec Paul Ricouer, propos recueillis par Francois Ewald. Un parcours philosophique // Magazine litteraire. 2000. N 390. Sept.

Одна из последних работ Поля Рикёра «Признание»¹² кажется лучшей иллюстрацией творческого подхода французского философа, во многом — итог его размышлений последних лет — об идентичности, о справедливости, об истории. Но самое главное — в ней на различных примерах П. Рикёр обращается к сути смысла, к корням существования метафорического мышления и языка, к природе управления неоднозначностью нашей культуры. С точки зрения П. Рикёра, это — процесс признания. Эту проблему П. Рикёр изложил в цикле из трех лекций, прочитанных дважды, — сначала в Венском Институте Наук о человеке, затем в Центральном Архиве Гуссерля во Фрейбурге.

Действительно, как это отмечает П. Рикёр в самом начале работы, признание никогда не становилось предметом концептуальной разработки, хотя теорий знания, концепций познания существует множество. Термином «признание» тем не менее пользовались многие философы, создавая новый аспект классической проблемы, но не рефлексируя по этому поводу специально. «Признание» — очень ёмкое, богатое понятие. П. Рикёр подчёркивает конструктивную сторону полисемии этого слова и предлагает определённый порядок её рассмотрения: «динамика развития аргумента этой книги ведёт нас от самого общего понимания идентификации чего-либо к признанию самих себя целостностями специфических Я, затем от признания себя к взаимному признанию, вплоть до полного отождествления признания и благодарности, которое поддерживается во французском языке, в этом смысле являясь редким исключением»¹³. Это движение оказывается завершённым и по сути самодостаточным — самоидентификация субъекта во многом обусловлена потребностью быть признанным в этом качестве, а будучи признанным, я выражаю свою признательность, благодарность именно за то, что меня признали в определённом качестве, в определённой, моей, идентичности. То, что обнаруживается прежде всего как активное, действующее — «признание» как активное узнавание объекта, как в определённом смысле власть моего Я, затем опрокидывается в пассив — зависимость от признания этого Я окружающими Другими. Признавать и быть признанным, признание как результат моих действий и признание как результат действия Других — две стороны одного смысла.

В основании движения признания — работа различения. Но процедуре различения поставлена цель признания, достижение единства, сообразия. Различение оказывается в парадоксальном, не свойственном самому различению специфическом ожидании признания. По мысли П. Рикёра, исследование взаимосоотношения

¹² *Parcours de la reconnaissance. Trois études.* Ed. Stock, 2004.

¹³ *Item.* P. 10.

разделения и отождествления в контексте стремления к признанию наиболее полно показывает все аспекты работы языка как «искусства поименования».

Здесь взгляды П. Рикёра, пожалуй, в третий раз перекрещиваются с идеями Ж. Дерриды, во многом воспроизводя всю историю их заочного полемизирования. И П. Рикёр, и Ж. Деррида, отталкиваясь от идей Э. Гуссерля, сосредоточились на проблеме смысла и пришли к идее его бесконечного созидания, понимая, правда, это созидание по-разному: как прочитывание и рассказывание текста или как деконструкцию текста. В центре внимания обеих концепций оказывается метафора. П. Рикёр полагает, что Ж. Деррида, считая основной характеристикой традиционной метафизики метафоричную платоновскую метафизику, абсолютизирует частный случай. По мнению П. Рикёра, философский дискурс использует метафору, точнее, метафорический способ созидания смысла. Деррида же исходит из метафорической природы метафизики как стремления всегда и везде свести невидимое к видимому. Это принципиальное исходное расхождение лежит в основании различного понимания долга, греха и прощения как забвения. В этой работе П. Рикёр обращается к одной из ключевых тем философской антропологии с начала XX в., которой Ж. Деррида посвятил специальное исследование — теме дара. П. Рикёр считает взаимное признание ключом к парадоксам дара и ответного дарения, т.е. к системе обмена дарами. Главной проблемой для П. Рикёра становится специфический смысл взаимодействия дарителя и одариваемого, принятие подарка и уверенность в необходимости ответить подарком. Дар не может быть сведён ни к социальному действию, ни к социальному факту. Антропологический подход М. Мосса, от которого отталкиваются почти все толкователи дарения, оставляет, по мнению П. Рикёра, неразгаданной загадку необходимости ответного дара. К. Леви-Стросс даже обращается в своей интерпретации М. Мосса к неосознанности необходимости ответного дара. И смысл акта дарения и ответного дара, таким образом, либо утрачивается, становится бессознательным, либо оказывается встроен в структуру самого акта как любого другого акта обмена. Рынок же, по мысли П. Рикёра, не предполагает индивидуальных качеств, например щедрости дарителя: индивидуальность, а вместе с этим и все рассуждения о даре исчезают в момент расплаты — оплата не предполагает обязательство, ответственность не означает, таким образом, взаимности. Действительно, следует говорить о парадоксе дара в его классическом — расселовском — определении: процедура обмена должна была бы быть отделена от индивидуальных отношений дарителя и принимающего дар, т.е. их отношения взаимного признания, хотя только последнее может

быть основанием обмена. П. Рикёр вспоминает здесь и диалог «Федон», и «Никомахову этику», и современные исследования медиэвистов — дар как процедура интеллектуальная противопоставляется рыночному акту обмена. В третьей лекции, где речь идет о «взаимности», П. Рикёр выстраивает всю новоевропейскую историю понимания общественного существования, начиная с Гоббса и подводя к Йенскому периоду философии Гегеля и его понятию *Anerkennung*, а затем уже к взаимопризнанию как состоянию мира.

Следует отметить, что, с точки зрения П. Рикёра, идеи интерсубъективного признания в формах любви, права и социального уважения актуализируются сегодня в целом ряде исследований, прежде всего в нормативных теориях этики и права¹⁴. Дело в том, что позитивные структуры предполагают соответствующее негативное дублирование — триадичное построение неприятия и ненависти. Примерно так, как Гоббс описывает в Левиафане естественное состояние человека. Именно в связи с этим и возникает конфликтность, борьба, которая в новом контексте акцента на признании может быть «снята» стратегией мира — возвращением к признанию самого себя. П. Рикёр, считая свою точку зрения разрешением заочного спора между спекулятивной и практической социологией, между Гегелем и Мидом, подчеркивает, что в конфликтной интеракции следует видеть источник расширения индивидуальных способностей человека, познающего самого себя.

Концепция признания, по собственному заключению П. Рикёра, оказывается развитием тематики идентичности — не индивидуальной, не логической, а сначала «общей идентификации чего-либо» к «идентификации кого-либо». Таким образом, «нарративная идентичность ...пробегаёт модальности возможности, по словам Ханны Арендт, которая объявляется там, где рассказ объявляет «кто» акции». Объявленная П. Рикёром «диалектика признания и непризнания» раскрывает нам, наконец, механизм образования и функционирования смысла.

---

¹⁴ П. Рикёр ссылается здесь прежде всего на исследования Оннета: А. Honneth. *La lutte pour la reconnaissance*. France: Passages, 2000.

В.В. Миронов,

член-корреспондент РАН, профессор, декан философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук. E-mail: info@philos.msu.ru

ФИЛОСОФИЯ КАК СМЫСЛОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В статье философия предстаёт как наука, не имеющая своей целью стремление к точности наподобие частных наук. Её важнейшей особенностью выступает меньшая однозначность и гибкость понятийной системы. Результатом философской рефлексии выступает текст, который фактически представляет собой собственную, личностную интерпретацию философом проблем, что, в свою очередь, порождает известную многозначность философского понимания даже одних и тех же проблем. Последнее проявляется в особой «непереводимости» философского текста на язык другой культуры. Перевод философского текста, т.е. языковой системы насыщенной смыслами и значениями, связанными с данной культурой, всегда представляет его интерпретацию и адаптацию к воспринимающей культуре. В философском переводе как особом произведении вполне допустима ситуация, когда авторский текст после интерпретационно-адаптационной работы над ним переводчика может значительно отличаться от своего изначального варианта с позиции передачи смысла и значения при сохранении внешней схожести с ним.

Ключевые слова: философия, многозначность философской интерпретации, непереводимость философских текстов

Vladimir V. Mironov,

Doctorate, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

Philosophy as Sense Interpretation

The article describes philosophy as a science that, in contrast to specific sciences, is not aimed at accuracy. Philosophy's overarching characteristic is that it is less unequivocal and has a flexible system of concepts. The result of philosophical reflection is a text that represents the philosopher's personal interpretation; thus, multiple philosophical perceptions of the same problems are possible. This is manifested in the "untranslatability" of a philosophical text into another language. A philosophical text is a language system rich in senses and meanings; its translation, therefore, is always an interpretation and adaptation to the receiving culture. After the translator has completed the work of interpretation and adaptation, though the target text may remain externally similar to the original, it may differ considerably from it in terms of sense and meaning.

Key words: philosophy, multiple philosophical interpretations, untranslatability of philosophical texts.

Философия является самосознанием культуры, что придаёт специфику её предметной сфере. Она размышляет над феноменами, попадающими в предметную область как естественных, так и гуманитарных наук, объектом её исследований являются как рациональные, так и внерациональные формы постижения бытия. Однако одной из сущностных характеристик философии останется

выявление значимости постановки и решения тех или иных проблем для отдельного человека, человечества в целом с позиции некой предельной интерпретации так называемых «вечных» вопросов бытия.

Эта гуманитарная сущность философии доминирует в ней, ибо чем бы ни занимался философ в своих размышлениях, будь то вопросы логики, онтологии, этики или эстетики, в центре его внимания всегда оказывается Человек, который мыслит, живет, верит, оценивает и преобразовывает мир. Иначе говоря, он рассуждает о живом объекте, «а не о безгласной вещи и естественном явлении», что как раз и выступает, по определению Бахтина, главным признаком гуманитарной науки¹.

Конкретные науки, определив собственный предмет исследования, даже если последний не является проявлением только естественных закономерностей, рассматривают его вне системы иных, присущих ему связей и отношений. Например, человек здесь может трактоваться только как биологический или физический объект. Это главное условие конкретно-научного познания, позволяющее конструировать относительно однозначный понятийный каркас науки и достигать высокой степени точности и доказательности. Но своеобразной платой за это является значительное, иногда предельное «огрубление» действительности. Эти огрубления задают специфику предметной области науки, которая реализуется в виде идеализированного концептуального каркаса, отличающего одну науку от другой. Чем выше степень идеализации объектов предметной области науки, тем выше точность её результатов, которая в ряде случаев, как в логике, может быть просто заведомо задана системой принятых доказательств.

Научная объективность и точность (как предельная характеристика адекватного соответствия предметной области) естественных и математических наук реализуется как своеобразное «безразличие» к исследуемому объекту. Учёный сознательно отстраняется от целостной внутренней сущности объекта. Такой подход эффективен при исследовании недуховных образований, но искажает реальное положение дел, например при исследовании человека, культуры, общества. В таком опредмечивании исследуемых феноменов заключается сила науки и залог практической реализуемости ее результатов. Для создания инвалидной коляски понимание человека как совокупности рычагов более эффективно, чем философские рассуждения по этому поводу. Но в этом и ее неизбежная слабость, связанная с невозможностью выйти за границы предметной области, что порождает агрессивную экспансию наук, которые претендуют на исследование чего угодно и уверены в реализуемо-

---

¹ См.: *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 300.

сти этой познавательной установки. Наука точна внутри собственной предметной области, но неточна и всегда неполна по отношению к исследованию сущности объекта как такового. При исследовании некоторых объектов и феноменов человеческой культуры такой ограниченный подход просто неправилен.

В онтологическом смысле абсолютная точность недостижима уже в силу субъектно-объектного характера познавательной деятельности. Только непонимание этого факта может лежать в основе утверждений, например, о большей точности естественных наук по отношению к гуманитарным. Да и в конкретных науках дело обстоит не столь однозначно. В естественных науках точность связана с возможностью формализации и использования математической интерпретации, что, как известно, имеет очень серьезные ограничения, даже для заведомо формальных систем².

Указанное различие в отношении к объекту исследования приводит к тому, что наиболее адекватной формой конкретно-научного знания выступает монолог: «интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект — познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только безгласная вещь»³. Философ имеет перед собой в качестве объекта исследования бытие и человека, от качеств которого он полностью абстрагироваться не может. Поэтому формой выражения знания здесь является диалог, как и вообще для гуманитарных наук. А в диалоге, в котором активность обеих сторон (субъекта и объекта) очень высока и важна не точность, достигаемая за счёт сильного огрубления, а глубина проникновения в исследуемый объект. «Познание здесь направлено на индивидуальное. Это область открытий, откровений, узнаваний, сообщений.

---

² *Морис Клайн* (известный математик), исследуя проблему неопределенности математического знания и оценивая, в частности, особенности математического доказательства, приводит ряд высказываний известных математиков по этому поводу: «Строго говоря, того, что принято называть математическим доказательством, не существует... Любое доказательство представляет собой то, что мы с Литтлвудом называем *газом*, — риторические завитушки, предназначенные для психологического воздействия... средство для стимуляции воображения учащихся» (*Годфрид Гарольд Харди*). «Совершенно ясно, что мы не обладали и, по-видимому, никогда не будем обладать критерием доказательства, не зависящим ни от времени, ни от того, что требуется доказать, ни от тех, кто использует критерий... в математике не существует абсолютно истинного доказательства, хотя широкая публика убеждена в обратном» (*Реймонд Луис Уидлер*). Таким образом, делает вывод *М. Клайн*: «Доказательство, абсолютная строгость и тому подобные понятия — блуждающие огоньки, химеры, «не имеющие пристанища в математическом мире». Строгого определения строгости не существует... То, что некогда считалось неотъемлемой особенностью математики — неоспоримый вывод из явно сформулированных аксиом, — навсегда отошло в прошлое» (см. *Клайн М.* Математика. Утраченная определенности. М., 1984. С. 363—364).

³ *Бахтин М.М.* К методологии литературоведения // Контекст-1974. М., 1975. С. 206.

Здесь важна и тайна, и ложь...»⁴. Пример с Гадамером о молчаливом диалоге.

Познание в гуманитарной науке выступает как постижение смыслов, заложенных в исследуемом явлении. Достигается это на особом идеальном уровне, который реализуется через диалог текстов. Текст есть особое смысловое единство или смысловая целостность. Понять текст и через него целостный смысл явления это не то же самое, что и познать его. Познать — в узком смысле означает наложить на исследуемый объект некую познавательную форму или структуру, заведомо избавившись от его целостного смысла.

Философия в этом смысле оказывается на определенном метауровне. Она по определению не только не может достичь точности аналогичной точности частных наук, но её спецификой выступает меньшая однозначность и гибкость понятийной системы, то, что в человеческой культуре было зафиксировано как диалектическое отношение к бытию. Но средством передачи смысла в любом случае выступает текст, т.е. философия имеет дело с опосредованной действительностью. Поэтому при столкновении двух культур (внутри культурного диалога) возникает задача перевода смысла одной культуры на язык другой, а это не аналогично задаче постановки в формально однозначное соответствие системы значений понятий одного словаря другому. Это не просто перевод одних понятий в другие, а поиск смысловых компонентов, отражающих сущность смысла.

Посредством текста бытие говорит с нами. Целостность текста, то есть появление в нем смысла, который отсутствует в той совокупности знаков, из которой он состоит, возникновение нового как бы из ничего, является важнейшей особенностью, с которой неизбежно имеет дело представитель гуманитарного знания. Как отмечал Бахтин: «Всякая система знаков (то есть всякий язык)... принципиально всегда может быть расшифрована, то есть переведена на другие знаковые системы (другие языки)... Но текст (в отличие от языка как системы средств) никогда не может быть переведён до конца, ибо нет потенциального единого текста текстов. Событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов»⁵. А это и есть диалог. Диалог между отдельными субъектами, являющимися представителями разных культур, и тем самым диалог культур как таковых. Поэтому миссия настоящего переводчика весьма велика и значима, ибо часто именно через его индивидуальную интерпретацию, пусть и опосредованную знанием и воспитанием, огромное количество людей приобщается к иной культуре.

⁴ Там же. С. 204—205.

⁵ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 300—301.

Диалог реализуется как диалог текстов в широком смысле, что выступает коммуникационным смысловым пространством многих культур. Наверное, абсолютное понимание текста другой культуры невозможно, что и порождает бесконечное множество истолкований. Текст содержит некое потенциальное множество смыслов, которые постигаются людьми, вносящими в эти смыслы свое собственное «Я», признаки собственной культуры. Полностью адекватное понимание текста в узком смысле (как достижение смыслового тождества, полной адекватности) смог бы гипотетично достичь только человек, его создавший (автор), и то, если бы он предстал перед нами как некий идеальный участник диалога с самим собой, находящийся в застывшей пространственно-временной ситуации. Кроме того, не всякий текст предназначен для абсолютного понимания. Сфера абсолютного понимания лишь идеальная модель. Если бы такое было достигнуто, это, говоря философски, была бы сфера тождественности, и представляло бы собой скучное, зеркальное понимание, подразумевающее совпадение жизненных пространств субъектов.

Поэтому любое понимание текста осуществляется через его личностную интерпретацию, которая представляет собой адаптацию не менее двух индивидуальных «Я», или культур, друг к другу. Интерпретация — это поиск смысла сквозь призму собственного «Я». Перевод Пастернаком Шекспира это уже отдельное самостоятельное произведение, а не просто постановка одной системы знаков в однозначное соответствие к другой. Более того, формальная точность может исказить понимание смысла. Приведу еще один любопытный пример. Существует известное стихотворение Гёте, которое выглядит следующим образом на немецком языке (1) с подстрочным переводом (2) и в широко известном стихотворном варианте Лермонтова (3):

1)	2)	3)
Über allen Gipfeln ist Ruh.	Над всеми вершинами тишина.	Горные вершины Спят во тьме ночной;
In allen Wipfeln spürest du kaum einen Hauch.	Во всех кронах деревьев Ты едва ли ощущаешь дыхание.	Тихие долины Полны свежей мглой; Не пылит дорога,
Die Vögelein schweigen im Walde.	Птицы молчат в лесу.	Не дрожат листы...
Warte nur, balde ruhest du auch.	Подожди, скоро отдохнешь и ты	Подожди немного, Отдохнешь и ты

Изумительный перевод Лермонтова, которому удалось остаться и достаточно близко к оригиналу и передать смысл или настрое-ние автора. Хотя уже здесь мы видим безусловное расхождение формального значения смысла отдельных слов. Но история сти-

хотворения на этом не завершилась. Дело в том, что оно странным образом попало в Японию, но в варианте перевода на японский стихов Лермонтова как самостоятельного произведения. Затем оно вновь вернулось в Германию и было переведено на немецкий язык как японское стихотворение и ещё раз вернулось в Россию как перевод (подстрочный) немецкого стиха. Вот как выглядел последний вариант (за полную точность я не ручаясь, так как привожу текст по памяти): «Мы с тобою простились // Я сижу в беседке один // Надо мною летят журавли // Я сижу и плачу». Как видим, перед нами совершенно иное стихотворение, адаптированное к иной культуре. Но самое поразительное, что даже в этом виде оно передает изначальное настроение Гёте (ну как если бы он был японцем).

Философия как смыслообразующая деятельность всё время конструирует вторичную реальность, вторичное бытие. Результатом этой мыслительной рефлексивной работы выступает прежде всего текст, который фактически представляет собой собственную, личностную интерпретацию проблем, что в свою очередь порождает известную многозначность философского понимания даже одних и тех же проблем. Поэтому для философии текст является источником информации, источником новых смыслов и прочтений, но не только. Здесь не менее важны ценностно-эмоциональные критерии. Философским текстом можно восхищаться как продуктом высокохудожественного творчества, можно быть удивленным или даже оскорбленным, встречая слишком обидную терминологию, и почти всегда испытывать трудности, связанные с пониманием философского языка. Последнее проявляется в особой «непереводимости» философского текста на язык другой культуры. Многие философские тексты (хотя бы таких философов как Хайдеггер или Сартр) представляют собой огромную проблему для переводчиков. Перевод философского текста, т.е. языковой системы, насыщенной смыслами и значениями, связанными с данной культурой, всегда представляет его интерпретацию и адаптацию к воспринимавшей культуре. В философском переводе как особом произведении вполне допустима ситуация, когда авторский текст после интерпретационно-адаптационной работы над ним переводчика может значительно отличаться от своего изначального варианта с позиции передачи смысла и значения, при сохранении внешней схожести с ним. В свою очередь, понятно, что читатель перевода в этой ситуации может быть введён в заблуждение, так как различия между содержанием первичного текста и переводом могут оказаться весьма существенными.

Философия реализуется в создании текстов, являющихся личностными смысловыми конструктами разных культур, представляя собой разновидность особой, предельной интерпретации. Интерпретационное поле философии носит безграничный во времени

характер, что определяет смысловую вечность философских проблем, которые независимо от времени интерпретации могут приобретать новый смысл и значение для современника, переходя от эпохи к эпохе. С позиции философии важен вечно привносимый и вечно интерпретируемый смысл. В этом проявляется вечность и значимость текстов Платона и Аристотеля, Шекспира и Гёте, которые предоставляют нам безграничные возможности их интерпретации с сегодняшних позиций. Читая Платона, я персонифицирую его текст, я не могу его читать, так как его читал бы сам Платон. Я вношу в него свое «Я», развиваю близкие мне смысловые возможности текста, которые детерминированы иным пространственно-временным положением, другими социокультурными обстоятельствами.

Ю.М. Лотман в связи с этим обращал внимание на то, что даже история как одна из наиболее точных гуманитарных наук, прежде всего, хорошо «объясняет настоящее»⁶, поэтому как только общество оказывается на эволюционной стадии своего развития, интерес к истории оборачивается чаще всего ее переписыванием и интерпретацией. Происходит конструирование, «но уже не будущего, а прошлого. Родается квазиисторическая литература, которая особенно притягательна для массового сознания, потому что замещает трудную и непонятную, не поддающуюся единому истолкованию реальность легко усваиваемыми мифами»⁷. Такая противоречивость истории как разновидности гуманитарного познания, нравится нам это или нет, неизбежна. И причина заключается в том, что реальная история предстает перед нами в виде совокупности текстов, в основе которых могут быть смешаны как реальные, так и вымышленные события. Первичный текст может зависеть от личных и социокультурных обстоятельств, в которых оказался летописец, дающий оценки действиям исторических лиц и событиям, ранжируя их согласно собственным представлениям. Следовательно, мы имеем здесь дело не с самой реальностью, не с фактами, а со вторичной действительностью, выраженной в текстах. Весь массив исторических текстов представляет для нас лишь своеобразную цитату из прошлого. Первичным в историческом тексте оказываются не столько сами исторические события, сколько идея автора, который интерпретирует данные события. Часто перед нами особого рода историческая интерпретация — интерпретация не только самих фактов, но и первичных интерпретаций этих фактов. Не случайно Р.Дж. Колингвуд, являющийся представителем объективной научной истории, иронизировал, обозначая её как «историю ножниц и клея»⁸. Идея, мысль оказываются здесь

---

⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994 С. 12.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ См. Колингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. С. 125.

первичными, а фактический материал изначально вторичен и не сёт нам информацию об области вторичного бытия, области уже проинтерпретированных фактов. История есть «не что иное, как воспроизведение мысли прошлого в сознании историка»⁹.

Текст — это не только совокупность знаков и предложений в виде книги, текст — это ещё и конкретный язык, на котором данная совокупность фиксируется, т.е. это средство коммуникации. Таким образом, текст реализуется как особая форма общения между людьми, в котором в конкретно-историческом виде фиксируется культура человека в целом и в ее конкретных вариантах. И культуру можно рассматривать как знаковую систему, как Текст с большой буквы, а значит, она также выступает источником смысла, т.е. имеет коммуникационную и символическую природу¹⁰. Исходя из этого выяснение сущности всей системы культуры является предметом философии, которая исследует культуру как Текст, в его наиболее широком понимании. Задача философского исследования заключается в расшифровке символов данного текста посредством интерпретации, исходящей из сегодняшней социокультурной и пространственно-временной заданности. Именно поэтому философию часто обозначают как самосознание культуры. Философское исследование культуры — это сознательная постановка познающего субъекта одновременно внутрь конкретной культуры с целью уяснения ее синхронной сущности¹¹, т.е. со стороны такого её качества, как локальная (этническая, национальная и др.) стабильность. А с другой стороны — постановка познающего субъекта вне рамок отдельной культуры, его освобождение от локальных ценностей и традиций, что позволяет осуществлять познание собственной культуры, сквозь призму иной культуры. Исследуя культуру, философ участвует в межкультурном диалоге в рамках особого семиотического пространства.

Философия представляет собой вторичный интерпретационный уровень, на котором происходит «интерпретация интерпретаций» (Поль Рикёр). Она осуществляется как особая герменевтическая деятельность. Философская интерпретация основана на том, что её объектом выступает текст, который вообще может не иметь никакой связи с реальной действительностью, с материальными фактами и явлениями. Любая интерпретация представляет собой работу мышления, «которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенный в буквальном значении»¹². Философская интерпретация, основываясь на этой общей основе, одновременно выступает как деятель-

---

⁹ Там же. С. 218.

¹⁰ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. М., 1994. С. 6.

¹¹ Синхронная культура, т.е. ее «организационная структура, объединяющая людей живущих в одно время» (там же).

¹² Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 1995. С. 18.

ность мышления, приумножающая смыслы. Именно поэтому её место в центре того, что когда-то было принято называть «науками о духе». Она оперирует не просто со вторичным бытием, представленным нам в виде текстов, а с интерпретациями этого бытия. Более того, даже та часть философии или те философские концепции, которые претендуют на познание мира как такового, также представляют лишь его интерпретации. Предметная область философии, т.е. область применения герменевтического метода, принципиально неограниченна. Анализируя «вторичный» материал, в качестве «первичного» философ имеет дело с иной реальностью, чем фактическое, материальное бытие. Работая на уровне понятий и категорий, на уровне идей, он, в каком-то смысле всегда является идеалистом. Именно поэтому философия всегда носит личностный характер, фиксируя самовыражение человека посредством мышления, запечатленного в тексте.

Таким образом, философия представляет собой особое смысловое пространство (семиосферу, использую термин Лотмана), в котором осуществляется вневременной диалог между эпохами и мыслителями, их представляющими. Здесь нет понятия истории как чего-то прошедшего и нет понятия будущего как чего-то наступающего. Здесь все мыслители прошлого и настоящего являются современниками, ведут между собой диалог, взаимоотрицая и взаимодополняя друг друга. Преодолевая временное расстояние, «становясь современником текста, интерпретатор может присвоить себе смысл: из чужого он хочет сделать его своим, собственным; расширение самопонимания он намеревается достичь через понимание другого. Таким образом, явно или неявно, всякая герменевтика выступает пониманием самого себя, через понимание другого»¹³. В этом смысле философ выступает как наиболее свободный интерпретатор текста, что может достигать силы импровизации. В науках однажды открытый смысл, зафиксированный в соответствующей концепции, остается в истории. Смысловое поле науки как бы «вытянуто» к будущему, и связь с предшествующими концепциями выступает лишь как генетическая, а смысловое богатство ушедшей в историю концепции незначительно. Философский текст (кроме специальных историко-философских задач) не является только культурно-историческим памятником, смысл которого был задан раз и навсегда, а представляет собой открытую концептуальную систему, в которой находят новые смыслы. Это один из источников приращения философского знания. Бывает, что именно поэтому мысль философа, которая была второстепенна в контексте ушедшей эпохи, может оказаться современной в наше время. Изучение истории философии поэтому осуществляется не само по себе, ради того, что было, а для уяснения наших сегодняшних мыслей о бы-

---

¹³ Там же. С. 25.

тии и человеке. Платон или Кант современны для меня не в силу внутренней ценности их размышлений (что само по себе важно), а в силу потенциальной возможности интерпретации их текстов сегодня.

Философия интерпретирует исходя из анализа предельных взаимоотношений (закономерностей), которые существуют между миром и человеком на всех уровнях, и личностных переживаний мира, самого себя. Именно масштаб личности философа будет в первую очередь определять и метафизическую глубину отправляемого им в мир философского текста, и новые смысловые истолкования тех текстов, которые он получит от предшествующей традиции. Именно личностная позиция философа, постоянное обращение к истории философии как источнику общечеловеческой мудрости порождает ситуацию принципиальной незавершенности философии. «В абстракции завершённого знания нет места ничему неопределённому, но там нет места и философским категориям... есть знание, но нет познания. В любом реальном (человеческом) познании всегда существует непознанное, для предварительного охвата которого необходимы ступени познания — философские категории»¹⁴. Конечно, эта неопределённость может быть в некоторых случаях абсолютизирована, и тогда характеристикой философской концепции является только «смутность» и непонятность, затрудняющая ее трактовку как формы рационально-понятийного освоения бытия. Философия вообще, в отличие от естественных наук, не претендует на обязательное открытие чего-то нового. В философии такое событие чрезвычайно редко. И непонятно, кто может оценить нечто произошедшее в философии как новое. Или, напротив, кто может сказать, например, о том, что устарела философия Сократа, Канта или Платона? В философии постановка вопроса может быть даже более важна, чем ответ на него, который всегда носит относительный характер.

Таким образом, повторим ещё раз, философия является двойственной формой сознания, в которой органично переплетаются рационально-теоретические и ценностные аспекты духовного взаимодействия Человека с Миром. Разброс философских направлений — от попыток строить её по образу и подобию наук до отказа видеть в ней форму рационального познания — не опровергает вышесказанного. Как рационально-теоретическая форма сознания философия выступает самосознанием теоретической деятельности. Как ценностная форма сознания она является самосознанием форм ценностно-мировоззренческого постижения мира. И это позволяет ей быть самосознанием общечеловеческой культуры, выдвигая рациональные и ценностные ориентиры перед Человеком и Человечеством.

---

¹⁴ *Баженев Л.Б.* Структура и функции естественнонаучной теории. М., 1978. С. 79.

Мишкuroв Э.Н.,

доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: Mishkurov@inbox.ru

**СМЫСЛ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОД СМЫСЛОВ
(социально-исторические, логико-философские
и лингвокультурологические этюды)**

В статье исследуется проблема корреляции между идеальным представлением об «общественном предназначении» перевода, конкретным «общественным заказом» на перевод и реальной практикой «перевода смыслов» в свете известной максимы А.Н. Леонтьева о том, что «смысл порождает не значением, а жизнью». В качестве фактуальной базы использованы разновременные переводы сакральных (библейских, коранических) текстов соответственно с древнееврейского, греческого и арабского языков на латинский, славянский и русский, выполненные видными переводчиками-учеными (философами-теологами, законоучителями, ориенталистами-филологами и т.д.). Учитывая ограничения на «свободу выбора», накладываемые на переводчика «жёсткими рамками семантического, исторического, языкового, социального, психического и иных порядков» [Н.К. Гарбовский], автор тем не менее трактует личность переводчика не как «незаметного посредника», а как активного субъекта переводческого процесса, творческий, мировоззренческий, лингвокультурологический и этносоциальный потенциал которого обязательно находит свое отражение в выборе интерпретативных моделей, форм, способов и приемов передачи смыслов в переводном дискурсе.

Ключевые слова: общественное предназначение перевода, общественный заказ на перевод; перевод смыслов, переводной дискурс; сакральные тексты, Тора, Библия, Коран; языки — древнееврейский, арабский, греческий, латинский, славянский, русский.

Eduard N. Mishkurov,

Professor, Dr. Habit. Arabic Studies, Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University.

The meaning of translation and translation of meanings (socio-historical, logical-philosophical and linguo-cultural essays)

The paper deals with the study of the correlation between an ideal (eto — не po-angliiski, не poniatno i zvuchit smeshno. Predlagaiu: “a socially targeted concept”) of translation, a concrete “social proposal” for translation and the real process of translation of certain meanings and implications in the light of A.N. Leontyev’s well-known maxim, “It is not the meaning but life that generates sense”. As a factual basis for this investigation the author makes use of translations of the sacred (Biblical and Koranic) texts done at different times from Hebrew, Greek and Arabic into Latin, Slavic and Russian. It is especially noteworthy that most of them were the work of outstanding translator-scholars (philosophers-theologians, teachers of religion, orientalist-philologists etc.). Taking into account that the translator’s “liberty of choice” is rigorously restricted within the semantic, semiotic, historic, linguistic, social, psychic and other boundaries of translation competence (N.K. Garbovsky), the author nevertheless does not see a translator’s personality as an “invisible intermediary”; on the contrary, he perceives him as an active

subject of the translation process whose creative, linguo-cultural and ethno-social potential and mentality are inevitably reflected in the choice of interpretative examples, forms, devices and in the manner of sense expression in a translated discourse.

Key words: socially targeted concept of translation; social proposal for translation; translation of senses and implications; translated discourse; sacred texts, Torah, Bible, Koran; languages- Hebrew, Arabic, Greek, Latin, Slavic, Russian.

1.1. Смысл перевода, понимаемый как цель, общественное предназначение этого вида интеллектуальной деятельности ярче всего проявляется в серии, исторической цепочке переводных дискурсов одного и того же социального значимого произведения в виде цельного текста или корпуса текстов определённой тематической направленности на одном и том же или нескольких языках со сходной (одинаковой) перлокутивной установкой.

Л.К. Латышев, разрабатывая концепцию общественного предназначения перевода, подчеркивает, что толкование его сущности «формируется отнюдь не переводчиками-профессионалами и тем более не учёными-переводоведами». По его мнению, «общественное предназначение перевода — это объективная реальность, которой вынуждены подчиняться все переводчики независимо от того, нравится им это или нет. Те, кто действуют не в русле общественного предназначения перевода, подвергаются критике, получая разного рода негативные оценки: “неточный перевод”, “чересчур буквальный перевод”, “плохой стиль перевода” и т.д. Причём такого рода критика может исходить не только от специалистов, но и от простых заказчиков перевода, имеющих, однако, представление о том, каким ему надлежит быть (т.е. интуитивно чувствующих его общественное предназначение)» [Латышев, 2005, с. 24].

Формулируя общественную сверхзадачу переводческой деятельности — «перевод призван обеспечить такую опосредованную двуязычную коммуникацию, которая по своим возможностям максимально приближалась бы к обычной, одноязычной коммуникации», — Л.К. Латышев фактически усматривает её в сугубо профессиональных языковых достоинствах перевода, оставляя в стороне социально-идеологические, мировоззренческие и психокультурологические аспекты переводных дискурсов гуманитарного типа [там же, с. 21].

А.С. Семёнов солидаризируется с точкой зрения Л.К. Латышева и в свою очередь вполне справедливо напоминает, что «существует множество примеров, когда люди не могли принять необходимые решения без переводчика, когда принимались неправильные решения из-за некомпетентности переводчика или, наоборот, переводчик подводил к единственно правильному взаимовыгодному решению» [Семёнов, 2005, с. 12].

Однако история переводческой практики со всей очевидностью доказывает, что однозначная интерпретация «общественного предназначения перевода» как «традиционного общественного заказа» [там же, с. 6] не совсем точна. Конкретный «общественный заказ» на перевод может не совпадать с идеальной трактовкой его общественного предназначения.

Известно, что одной из задач «общественного заказа» переводчикам является служение в качестве «почтовых лошадей» просвещения, межкультурных контактов на всех уровнях взаимодействия разноязыких социумов. Однако все эти контакты в мировоззренческих и межкультурных ракурсах зиждутся на явных и неявных глубинных интересах и мотивах взаимодействующих сторон — «потребителей» цивилизационного (когнитивного, этического, экстаического, философского, богословского и пр.) дискурсивного ресурса.

Вопреки устоявшемуся мнению переводчик далеко не всегда выступает в одной и той же ипостаси — «незаметного посредника» в межъязыковой коммуникации. Нередко переводчик — это крупный профессионал, специалист не только в теории и практике перевода, но и в соответствующих предметных областях знания. Обычно переводчикам-специалистам принадлежит пальма первенства в отборе, оценке и первичной интерпретации нескольких оригиналов для перевода на соответствующий язык. Они сами по себе могут выступать в роли «субъектов влияния» в различных сферах межкультурного общения. А это значит, что их субъективный взгляд на толкование смыслов переводимых произведений, использование различных переводческих приемов — замен, опущений, добавлений, парафраз и прочих трансформаций, соответствующих, по их мнению, задаче адекватной передачи содержания оригинала, придают последнему «субъективное звучание» на языке перевода. С другой стороны, переводчик может сознательно «нюансировать» содержание перевода с ожидаемой неким социумом мировоззренческой, этнопсихологической, конфессиональной и тому подобной направленностью. И такой перевод не будет считаться ошибочным в глазах «властителей дум» данного общества, хотя будет трактоваться негативно в иной цивилизационной или этнической группе интеллектуалов.

В этой связи представляется весьма показательным сам факт появления прагмафункциональной модели перевода под названием «скопос» (от *греч.* *skopos* — цель), важным достоинством которой, по мнению её исследователя Дж. Мандея, является то, что она позволяет «переводить один и тот же текст по-разному в зависимости от цели перевода и характера данного переводчику заказа» (цит. по [Минченков, 2007, с. 32]).

Таким образом, мы полагаем, что в формулировке «общественное предназначение перевода» следует отражать не только сугубо профессиональный переводческо-технологический аспект, но и широкий социально-исторический, логико-философский и лингвокультурологический план.

Наглядным примером подобной верификации данного понятия могут служить многовековые споры по поводу «интерпретационных переводов» сакральных книг.

1.2. Если обратиться к восприятию и толкованию истории цивилизаций, то в качестве методологического базиса можно применить одно из ключевых понятий философии истории — «смысл истории», характеризующее ту цель, которая стоит перед человечеством и которую оно стремится реализовать в ходе своей постепенной эволюции. Смысл истории предполагает его целевую ориентированность на определённые аксиологические установки, получающие в сознании представителей разных цивилизаций (социумов) как объективную, так и субъективную идентификацию. При наделении истории объективным смыслом считается, что она является средством для достижения или постижения соответствующих социальных идеалов «ценностей», реализация которых хотя и является итогом исторического развития, но не зависит от планов людей, их понимания исторического процесса и их сознательной деятельности. Субъективный подход к смыслу истории предполагает, что сам человек способствует своими действиями достижению определённых идеалов, способствуя по возможности реализации задач объективного хода исторического развития.

Проф. А.А. Ивин считает, что адекватными примерами объективного смысла истории могут служить религиозные концепции истории. «Так, — пишет он, — иудеи, исходя из своего понимания призванности, отражённого в книгах пророков, усматривали объективный С[мысл] и[стории] в установлении господства Яхве над всеми народами. Человек может пытаться способствовать этому процессу или, напротив, препятствовать ему — от этого ничего не зависит. История, написанная в соответствии с христианскими принципами, также является провиденциальной и апокалиптической. Она приписывает исторические события не мудрости людей, но действиям Бога, определившего не только основное направление, но и все детали человеческой деятельности» [Ивин, 2006, с. 706].

Прочитируем в этой связи также высказывание известного российского философа-теолога В.С. Соловьёва (1853—1900) о генезисе ислама: «Если видеть во всемирной истории дело случая, — результат внешнего, механического сцепления мелких факторов, тогда, конечно, Мухаммед не имел никакой миссии, но единственно только потому, что с этой точки зрения вообще никто никакой

миссии иметь не может. Если же признавать в истории *внутренний смысл и целесообразность*, тогда, без сомнения, такое огромное мировое дело, как создание ислама и основание мусульманской культуры, должно иметь провиденциальное значение, и миссия Мухаммеда не может быть отнята у него; а способ каким он получил её, совершенно согласуется с психологическим опытом и историческими аналогиями» [Путь к Корану, 2004, с. 6].

Законоучителя и отцы церкви, считая, что хотя ход истории предопределён свыше, тем не менее стремились повседневно способствовать укреплению позиций своих вероучений. Основопологающую роль в этом процессе должны были сыграть «богодухновенные» сакральные книги в оригинале или в переводах с требуемым догматическим толкованием.

1.3. Трудно найти более значимую книгу, оказавшую и до сих пор оказывающую на историю человечества беспрецедентное влияние, чем Библия. В новейшее время неуклонно растет число почитателей Корана. История переводов этих сакральных книг на разные языки весьма показательна с точки зрения уяснения сущности общественного предназначения переводческой деятельности. Наиболее важными и приемлемыми для соответствующих религиозных течений являются переводы, выполненные переводчиками-богословами с учётом догматики своей конфессии.

Известно, — пишет исследователь истории переводов Библии в России отечественный библеист М.И. Рижский (1911—2000), — что по мере того как иудаизм все более приобретал черты универсального монотеизма, Яхве — первоначально племенной бог Израиля — стал рисоваться в образе творца и промыслителя всего мира, определяющего судьбы целых народов и каждого отдельного человека. Богу приписываются черты этического совершенства, высшая справедливость, милосердие и т.п. «Чтобы подчеркнуть всемирный характер божьей власти, в переводе Септуагинты **Яхве**, имя национального бога, было повсеместно заменено на описательное **Кюриос**, что по-гречески **господин, господь**; другое имя бога — **Шаддай** (Всемогущий) — заменили на **Пантократор**, или **Пантапойэсас** (Все сотворивший)» [Рижский, 2007, с. 15—16].

В этой связи заметим, что имя Бога в Ветхом Завете обозначено древнееврейской консонантной тетраграммой YHWH. Точное произношение слова неизвестно. Позже в масоретской огласовке оно звучало как **Иегова**. Проблема, однако, заключается в том, отмечает библеист-переводчик М.Г. Селезнёв, недавно представивший новый перевод Книги Бытия на русский язык, что этому корню придали огласовки от другого слова — **аденай**, т.е. «господин». В результате получилось такое гибридное название [Коран]. Видимо, в целом по вышеуказанным причинам произнесение имени Яхве (Иегова) было вообще табуировано.

«Переводчики, — замечает М.И. Рижский, — сочли вполне целесообразным и допустимым... вносить соответствующие изменения в Священное писание <...> В еврейской библии написано о боге, что «Праведного и злодея он губит». В контексте смысл этого места совершенно ясен: Иов бросает богу в лицо упрёк в несправедливости — бог одинаково расправляется со всеми людьми независимо от их поведения, дурного или хорошего. Перевод Септуагинты дает совершенно иной смысл: «Великого и сильного губит гнев». Английский текстолог замечает по поводу этого перевода: «Без всякого колебания богохульные слова Иова были переводчиками нейтрализованы» [там же, с. 16].

Между тем «неприкосновенность» сакральных текстов постоянно подчеркивалась законоучителями. Д.В. Щедровицкий в своей книге «Введение в Ветхий Завет. Книга Бытия» напоминает об одном предостережении, издревле передававшемся от учителя к ученику: «Сын мой, будь крайне осторожен при переписывании Слова Божьего, ибо, не дописав один знак или внеся один лишний, ты можешь разрушить всю вселенную!».

Действительно, — отмечает автор, — «древнееврейский таков, что, поменяв одну букву в слове, можно полностью изменить его смысл» [Щедровицкий, 2008, с. 26—27].

Вместе с тем, когда Ветхозаветный дискурс в грекоязычной версии, выполненной в III—II вв. до н.э. и получившей название «Септуагинта», стал использоваться в интересах молодой христианской религии, иудейские законоучители предпочли позже создать другой, более близкий к еврейскому тексту перевод Ветхого завета на греческий язык. Такой перевод осуществил в первой четверти II в. Аквила (или Акила), который старался в своём переводе достигнуть максимальной близости к оригиналу, даже буквализма, вплоть до сохранения числа и порядка слов еврейского текста. Естественно поэтому, что перевод Авилы много потерял в литературном отношении, но зато выиграл в точности [Рижский, 2007, с. 18].

Естественно, что такая версия перевода не могла быть принята христианской церковью, так как она рушила догматику учения о Христе и непорочном его зачатии.

А когда св. Иероним (340–420) по поручению римского папы Дамасия переводил с греческого языка на латинский Новый Завет, а Ветхий Завет — непосредственно с древнееврейского, то он старался, по его же заверениям, «ни в чём не изменить еврейской истине». Перевод св. Иеронима в самом деле достаточно близко отражает еврейский оригинал, но «только до тех пор, пока не затрагивалась христианская догматика». В этих случаях для перевода избирались требуемые фрагменты из Септуагинты, позволявшие

не нарушать христианскую экзегетику. В латинский перевод было перенесено слово «Христос» (помазанник) без перевода, позволяющее воспринимать его как имя собственное. Сохраняет св. Иероним и «деву» Исаяи, переводя это слово латинским **virgo**, которое, как и греческое **партенос**, в переводе Септуагинты означает «девственница». Перевод Библии св. Иеронимом, объявленный вначале «еретическим» за его отклонения от Септуагинты, в 1546 г. признаётся Тридентским собором «богодухновенным» и имеющим достоинства «подлинного» и «совершенно достоверного» [там же, с. 21].

Разобрав несколько примеров «консонантных игр» с древнееврейской Библией в Септуагинте, О.М. Лазаренко подчеркивает, что переводчики достаточно свободно обращались с сакральным текстом и что им «явно не было свойственно такое буквалистическое понимание боговдохновенности, как в исламе или в некоторых видах современного протестантизма <...>. Парадоксальным образом в древних переводах библейского текста уживаются трепетное отношение к букве и содержанию оригинала со смелым переистолкованием первоначального смысла или даже заменой его новым смыслом» [Лазаренко, 2008, с. 12].

Мусульманские богословы, соглашаясь, что Библия — и Ветхий Завет и Новый Завет — являются сводом подлинных божественных откровений, считают вместе с тем, что эти сакральные книги были перетолкованы на свой лад людьми. Кроме того, в них имеются изъятия и дополнения, сделанные последователями своих пророков. Восстановить же истинный смысл пророчеств могут только последователи Аллаха. Среди них, в частности, большим авторитетом пользуется книга «Мухаммад в Библии», которую написал бывший сиро-католический священник, принявший ислам, профессор Абдуль-Ахад Даууд (1867—1940) — видный богослов, знаток древнесемитских языков, на которых писались священные книги монотеизма, а также арабского — языка Корана, древнегреческого и латинского языков. «Знание этих языков, — пишет в предисловии к российскому изданию указанной книги доктор Али Вячеслав Полосин, — позволило ему свободно читать священные тексты в оригинале и сравнивать их друг с другом и с их переводами, выявляя их подлинный смысл и определяя возникшие впоследствии вольные или невольные ошибки и искажения» [Даууд, 2006, с. 3].

Выражая как бы личную точку зрения и не желая, как он пишет, «задеть религиозные чувства моих друзей-христиан», А.-А. Даууд тем не менее путём сложных филолого-этимологических трансформаций и реконструкций ряда родственных древнесемитских корней и соответствующих словоформ пытается доказать, что приход пророка Мухаммада есть не что иное, как явление миру последнего

истинного посланника единого Бога, и что появление посланника Аллаха было предсказано как в Ветхом Завете, так и Новом Завете. Конечной целью Завета, считает он, является не Христос, а Мухаммад! «Если бы христианские священники и богословы, — подчеркивает профессор, — смогли ознакомиться со своими священными книгами не в переводах, а на их изначальном древнееврейском языке, им стало бы ясно, что Аллах — это древнее семитическое имя, обозначающее высочайшее Существо, Которое открылось и вещало Адаму и всем пророкам» [там же, с. 16].

Любопытно, что, рьяно защищая основы и символику своей веры и выказывая недоверие к истинности толкования священных текстов представителями другой религии, все стороны религиозного противостояния винят во всех грехах переводчиков, забывая, что последние сами, как правило, были богословами и законоучителями своей веры.

На XIX Международной богословской конференции в Свято-Тихоновском Православном гуманитарном университете в октябре 2008 г., посвящённой проблемам перевода древних библейских рукописей, западно-католические богословы, в частности из Римского папского вечного института, возложили вину за раскол христианской церкви на католическую и православную исключительно на переводчиков (sic!), которые «неправильно перевели» Священное писание.

Взаимное недоверие к переводческим версиям священных текстов и их толкованию у различных религиозных конфессий имеет многовековую историю. Так, например, блаженный Августин (354—430), отмечает У. Эко, засвидетельствовал парадоксальную языковую ситуацию: «Христианская мысль базируется на Ветхом Завете, который написан по-еврейски, и на Новом Завете, который большей частью изложен по-гречески», а он «совсем не знает еврейского, а в греческом разбирается с трудом. Его проблема, проблема толкования Писаний, — понять, что на самом деле значит божественный текст, а этот божественный текст ему известен только в латинских переводах. Мысль, что можно было бы прибегнуть к еврейскому оригиналу, приходит ему на ум, но богослов её отвергает, ибо не доверяет евреям, которые, вероятно, исказили источник, изъяв из него указания на пришествие Христа. Единственная процедура, которую он допускает, — это сравнение разных переводов с целью установить наиболее вероятное прочтение...» [Эко, 2007, с. 24]

В предисловии к еврейско-русской Торе, изданной в XX в. в Иерусалиме, проф. Г. Брановер пишет, что «многие русскоязычные евреи, жаждущие приобщиться к Торе, и особенно те, что живут в России, за неимением русского перевода обращаются к Библии

на русском языке, которая при всём кажущемся сходстве с Торой принципиально от неё отличается, не передает истинного смысла текста оригинала и неприемлема с еврейских позиций». Учитывая это, было решено издать свой русский перевод всех пяти книг [Тора, 1992, с. 9].

Об отношении мусульманских богословов к Библии речь шла выше. Естественно, что когда встает вопрос о «переводах смыслов Корана», то из всех имеющихся переводческих версий предпочтительнее должно отдаваться тем, которые выполнены единоверцами (см. п. 2).

Очевидно, что никакой «филологический перевод» сакральных книг, затрагивающий догматические основы и телеологические установки церкви, не будет признан «адекватным» и «богодуховенным» в оцерковлённом обществе.

В средние века с неугодными переводчиками расправлялись весьма жёстко. Их предавали анафеме. За обвинением в ереси могла последовать и физическая расправа. Знаменитые славянские просветители, создатели славянской азбуки, первые переводчики христианских богословских книг с греческого языка на славянский Кирилл (ок. 827—869) и Мефодий (ок. 815—885), направленные византийским императором в Моравию для проповеди христианства на славянском языке, подвергались постоянным гонениям со стороны немецкого католического духовенства, усмотревшего угрозу своему влиянию среди населения данного региона. Солунские братья были обвинены в ереси и богоотступничестве за то, что, ведя в Моравии богослужение на греческом языке, Библию при этом читали по-славянски. А Мефодий уже после смерти Кирилла был вызван на собор немецких епископов в Баварию, подвергнут побоям и посажен на 2 года в темницу [Рижский, 2007, с. 27; Никитин, 1973, с. 180].

Максим Грек (ок. 1475—1556) — видный греческий богослов, замечательный полиглот, филолог, переводчик, приехавший в 1518 г. в Русское государство по приглашению князя Василия III «для перевода церковных книг», попал в опалу за поддержку церковной оппозиции и за «еретическую» переводческую деятельность дважды в оковах бросался в монастырские темницы. Обвинения в его адрес звучали следующим образом: «В сих трудах... нашедши множество ошибок в словено-русских книгах, не только от переписчиков, но и от первых переводчиков, по неискусству их в греческом языке, огласил он в народе словено-русские книги неисправными и несколько нескромными и при всех случаях опорачивал оные. За сие жарко вступились приверженные к древлеписьменным книгам, почитавшимся у них переведенными от богодуховенных переводчиков. Они вопияли, что по древлеписьменным книгам

спасались Святые Отцы Российские и что Максим портит только поправками своими древние славянские книги» [Рижский, 2007, с. 91; БСЭ, т. 15, 1974, с. 254].

Церковь, к примеру, не могла принять замену в «священном тексте формы аориста на форму перфекта», сделанную переводчиком «с целью избежать омонимии форм второго и третьего лица». Переводчик, разумеется, «впал в ересь, поскольку перфект имеет временной предел, и тем самым Максим по существу отрицал вечность божественного бытия» [Хухуни, 2005, с. 83].

И хотя после восшествия на престол Ивана IV М. Грек был фактически реабилитирован, тем не менее по существу до конца дней своих он находился под домашним арестом. Но жизненные невзгоды не сломили его. В 1552 г. он сделал второй перевод Псалтыря с греческого, но уже без «еретических толкований». В работе над переводами ему помогал ученик Нил Курлятев, которому, по его словам, М. Грек «диктовал перевод псалмов по-славянски, а он, Нил, записывал так, как стоит в греческом, всё по порядку, прямо и без украшения». Труд Максима, — считал профессор богословия И.Е. Евсеев, — «состоял в упрощении славянского Псалтыря и в его приближении к тогдашнему виду языка» [Рижский, 2007, с. 96]. Несмотря на очевидные заслуги в совершенствовании церковно-славянских текстов, неприязнь со стороны части духовенства он ощущал до своей смерти.

Примеры «черной неблагодарности» в отношении переводчиков со стороны общества в разные эпохи можно приводить, к сожалению, до бесконечности.

1.4. Распространение христианства и перевод Библии более чем на 2000 языков благотворно сказались на развитии самых различных стран и народов, огромных империй и целых континентов. Титанический труд бесчисленных поколений переводчиков, совершивших поистине исторический интеллектуальный подвиг, заслуживает в целом глубокой общественной благодарности и высокой оценки.

В истории многих христианских народов можно найти немало ярких примеров позитивной роли переводческой деятельности.

Переводчики, в частности, внесли свой значительный вклад в создание новых и совершенствование ряда имевшихся старинных систем письменности, развитию письменной культуры у разных этносов. Так, для переложения Библии с греческого языка на древнеегипетский во II в. н.э. переводчики на основе греческого алфавита разработали коптское письмо.

Известно, что после крещения на Русь вместе с новой верой пришла богатая переводная славяноязычная литература. Подсчитано, что в период с XI по XIII в. на Руси в обращении находилось

не менее 100 тыс. книг. Резко выросла грамотность населения. Страна в целом приобщилась к более высокой по тем временам культуре византийско-греческого мира. Междивизиационные и межгосударственные контакты потребовали прилива новых поколений переводчиков светских и богословских.

Византия, бережно собиравшая античные рукописи, в своих библиотечных фондах в IX в. имела порядка 400 тыс. свитков. По договору с Арабским Халифатом император Михаил III обязался предоставить халифу по одной копии всех имевшихся в его распоряжении рукописей. Массовый их перевод и дальнейшая научная работа ученых-переводчиков из проживавших в молодом мусульманском государстве сирийцев, евреев, персов, представителей других исламизированных этносов, а также самих переводчиков-арабов обеспечили научное и культурное процветание Арабского Халифата (подробнее см. [Мишкур, 2008; Canard, 1964]).

С XIII в. большое количество древнегреческих рукописей стало поступать в Западную Европу из Константинополя. Ученый мир, основательно познакомившийся с античным научным наследием посредством арабоязычных переводов, мог отныне изучить первоисточники на греческом языке или в переводах на латынь.

Неоспоримым является тот факт, что на путь цивилизованного развития многие средневековые страны Средиземноморья смогли встать не в последнюю очередь благодаря мощному переводческому движению в VI—XIII вв. на греко-сиро-арабо-латинской языковой основе. Этот период времени заслуженно можно именовать «великой эпохой переводов».

После мусульманского вторжения (711) в Испанию в последующие века хлынул поток арабоязычных переводов античных гуманитарных и естественнонаучных трудов, а также работ самих мусульманских ученых. Многие из них сами были высококвалифицированными переводчиками-профессионалами [Al-Bashari, 1997].

«В философском и научном развитии мусульманский Запад, — отмечает В.В. Соколов, — зависел от Востока». Все важнейшие учения, идеи и произведения в арабоязычной форме — переводы и собственные труды — были известны в Кордовском Халифате. А соединение научного потенциала «с тем производственным опытом, который пришел сюда из ближневосточных стран в условиях Арабского Халифата, определили подъем материальной и духовной культуры этой наиболее отдаленной тогда части мусульманского мира» [Соколов, 2001, с. 203—204].

Освоение арабоязычного рукописного научного фонда сопровождалось беспрецедентной по масштабам работой по переводу его на латинский язык. В Западной Европе, указывает итальянский историк Ф. Кардини, существовало по меньшей мере три

центра интенсивной переводческой деятельности — испанский, английский и южно-итальянский, среди которых важнейшим был испанский. Столетие между серединой XII и серединой XIII в., подчеркивает ученый, стало «важнейшим периодом в интеллектуальной жизни средиземноморских областей Европы... Началась великая эпоха университетов» [Кардини, 2006, с. 126—127]. В последних «под влиянием арабоязычной науки знания на философских факультетах стали подразделять на философию натуральную, рациональную и моральную, а затем в результате влияния аристотелевских идей — на философию теоретическую и практическую. Главным образом из мусульманской Испании распространялся интерес к математике, астрономии, химии и медицине, которые изучались в высших школах Кордовы и других андалусских городах» [Соколов, 2001, с. 234—235].

Значительную роль в распространении «древнегреческой и арабоязычной научной мудрости» в Европе сыграли евреи. «В некоторые периоды еврейские ученые, — пишет В.В. Соколов, — возглавляли, например, Кордовский университет — самый крупный центр науки и образования в арабоязычном Магрибе. Эти ученые, поставлявшие, в частности, кадры переводчиков, писали, как правило, на арабском языке <...> в дальнейшем, уже в XIII—XIV вв. их произведения переводились на древнееврейский язык». По значимости для интеллектуальной жизни Запада их часто сравнивали с сирийцами в Арабском Халифате [Соколов, 2001, с. 222; Айхенвальд, 1990, с. 13]. Большой вклад в «латинизацию» арабоязычных трудов внесли именно еврейские переводчики.

Освоение научного и культурного наследия античного и мусульманского миров, создание в Испании, а затем и в других странах Западной Европы своих научных школ подготовили Эру Возрождения в этом регионе. Вклад переводчиков в этот процесс очевиден.

2.1. Несомненно, между осознанным переводчиком общественным предназначением, «смыслом перевода» и избираемой им методологией «перевода смыслов» иноязычного текста существует тесная взаимосвязь.

Если обратиться к опыту профессиональных переводчиков сакральных книг человечества в разные времена, то мы обнаруживаем огромный разброс применяемых стратегий и тактик в их работе. Примеры средневековых практик мы приводили выше. Что касается современных подходов, то они также крайне неоднозначны. Н.К. Гарбовский отмечает, что в настоящее время господствует так называемый «филологический перевод». Переводчики стремятся сделать древние тексты переводов понятными читателю. Они интерпретируют их как художественные произведения, «создавая

художественные же произведения на языках перевода». По их мнению, «каждое поколение хочет иметь свою Библию, понятную и удобную для чтения», а потому необходимо «сделать тексты адекватными новому читателю» [Гарбовский, 2004, с. 39].

Однако можно с большой долей уверенности утверждать, что, например, новый франкоязычный перевод Библии, который его авторы представляют как «книгу, родившуюся в «мире разочарованных», книгу без прикрас, книгу-кочевника, не принадлежащую ни иудеям, ни протестантам, ни католикам, без названия, без церкви, без инструкций» [там же, с. 39], никогда не будет принят церковью (оцерковлённым обществом) как «канонический», «богодухновенный», так как он, с точки зрения последней, не имеет конфессионально-дискурсивной коннотации. Скорее всего он станет объектом исследования специалистов как древний литературно-исторический памятник. Другие же филологи-библеисты, также радуя за современный более адекватный характер перевода данных текстов, тем не менее полагают, что их нельзя лишать исходной сакрально-смысловой окраски. Так, один из ведущих переводчиков и главный редактор Российского библейского общества М.Г. Селезнёв придерживается в работе следующих принципов:

— не утрачивать чувства исторической дистанции между миром, когда создавалась Библия, и нынешним миром; читатель должен понять, что Библия — это как некое древо, корни которого уходят в мир Древнего Востока, а он является наследником того мира;

— воспринимать тексты священного писания не как учебники физики, географии, истории и т.п., а как собрание символических образов. Соответственно толкование этих образов, мыслей древних и есть смысл Писания, в противном случае переводы вызовут «либо безумие, либо разочарование»;

— видеть задачу современной библейской филологии в том, чтобы на базе имеющихся рукописей и с учётом исторического позитивного и негативного опыта переводов Библии максимально приблизиться к передаче их истинного содержания, чтобы перевод не выглядел как «испорченный телефон» и т.д. [Кротов, 2008].

Особое внимание при переводе сакральных текстов на языки этносов, проживающих в отдалённых от родины Священного писания регионах, с отличающимися природой, климатом, животным миром и т.д., должно уделяться адекватному выражению языковыми средствами символических смыслов (концептов), своеобразных образов, жизненных реалий (сценариев) и т.д. без потери, содержащейся в них пропозициональной информации. Так, к примеру, не столь уж существенно для прагматики перевода, какой вид плодов — смоковницу (инжир), абрикос или яблоко [Рижский, 2007] — отведали Адам и Ева, а главным для сакрализации смысла сценария

(«грехопадение, прикрытие наготы человеческого тела») является сам факт постижения истины от «древа познания добра и зла».

2.2. Существенных успехов в переводе Корана на русский язык и толковании его смыслов достигла отечественная школа исламоведения. Если отвлечься от сугубо богословского объяснения причин «непереводимости» священной книги по определению — как ниспосланного Аллахом откровения через пророка Мухаммеда, — то устоявшаяся практика «перевода смыслов» исламского вероучения вполне соответствует современной теоретико-методологической стратегии перевода сакральных, философско-теологических, художественно-религиозных и других ментально-символических и образно-знаковых дискурсов.

Показательно, что на титульных листах переводных версий Корана, как правило, стоит ремарка «Перевод смыслов / Смысловой перевод и комментарии», которая формально отвечает требованиям исламских богословов, а по существу отражает прагмагерменевтические установки смыслового толкования и переложения текстов с арабского языка на русский. Значительный интерес представляют мнения переводчиков Корана о профессиональных достоинствах и недостатках работ своих коллег. Так, Э.Р. Кулиев в интервью журналу «Минарет» в 2004 г. констатировал, что «труд академика И.Ю. Крачковского имел определённые преимущества над предыдущими переводами, но нуждался в тщательной литературной редакции и изобилует неточностями и даже грубыми смысловыми ошибками». Переводы, выполненные профессорами М.-Н.О. Османовым и Б.Я. Шидфар, «тоже содержали множество смысловых ошибок, некоторые из которых явно противоречили самой сути мусульманской веры» (цит. по [Путь к Корану, 2004, с. 2]). Позже он повысил оценку качества переводов своих предшественников и в предисловии к 7-му изданию своего «перевода смыслов» Корана написал: «Переводы Д.Н. Богуславского, И.Ю. Крачковского, М.-Н.О. Османова — это шедевры мирового востоковедения <...> каждый из переводов Корана несёт на себе отпечаток определённого исторического этапа, все они характеризуются преемственностью и высоким мастерством авторов» [Коран, 2004, с. 7].

Многовековой опыт «перевода смыслов» сакральных книг свидетельствует, что способы и формы их передачи нередко зависят от тех задач, которые ставит перед переводчиком общество, а также от личных устремлений и наклонностей. С этой точки зрения негативная оценка поэтического перевода Корана В. Пороховой как книги для «легкого чтения» со множеством смысловых ошибок при передаче значения «многих коранических слов и тем более терминов» [Путь к Корану, 2004] явно незаслуженна. Эта версия действительно отличается от «научного, осторожного, сухого

и тонкого» перевода И.Ю. Крачковского, а также от перевода М.-Н.О. Османова, который «наиболее точно передает юридические аспекты ислама, содержащиеся в Коране» [Коран на русском языке, 2008]. Ее стиль кажется неприемлемым для Э.Р. Кулиева, который сам стремился, как он пишет, «передать смысл каждого аята правдиво, без каких-либо искажений, добавлений и убавлений». Несомненной заслугой автора является его тщательный предпереводческий этимологический и терминологический анализ тезауруса Корана. Он не ставил своей целью «показать богатство русского языка, используя оригинальные обороты, чуждые духу Священного Корана» и не стремился «изошряться в художественной обработке текста» [Путь к Корану, 2004, с. 4; Коран, 2004, с. 8—9].

В. Порохова, отстаивая свое право на художественно-экстатический подход, утверждает, что «традиционно выполненные переводы не только лишают Коран его духовно-поэтической окраски (а Коран изложен в форме высокопафосного стиха), но и приводят к выраженному оскуднению передачи смысла Писания» [Коран, 1992; Коран, 1997, с. 8].

Что касается уже упоминавшегося перевода проф. Б.Я. Шидфар, то в нем автор стремилась «как можно точнее передать не только фактическую сторону, но и художественные особенности Священной Книги». Она также считала, что переводчик не имеет права игнорировать основную стилистическую особенность Корана — наличие рифмы и определённого ритма, неодинакового во всех сурах», так как ритм и рифма имели не только чисто художественную, но и практическую функцию, облегчая запоминание» [Коран, 2006, с. 684—685].

Очевидно, что удачные переводческие решения в этих аспектах не могли быть проигнорированы в последующих версиях даже сторонниками строгого, чисто богословского подхода к верификации переводного дискурса. «Давление жанра» можно проследить на традиции переводов эпитетов Аллаха. Если у И.Ю. Крачковского он «высокий, великий, слышащий, знающий», что словарно соответствует значению словообразовательной модели положительной степени прилагательного САСА:С-, т.е. ‘azi:m «великий», sami:‘ «слышащий», ‘ali:m «знающий», реализованных в Коране (2:255, 256), см. [Коран, 1992, с. 56], то в переводах Османова, Пороховой, Шидфар и др. уже используется сакрально-традиционный элатив, ср. соответственно «Всевышний Он, превеликий», «Всеслышащий Он, всеведующий» [Коран, 1999, с. 55]; «В Своем могуществе велик Он / И (в высшей степени) возвышен» [Коран, 1997, с. 61]; «он — Всевышний, Величайший», «Ведь Аллах всеслышащ и всеведущ» [Коран, 2006, с. 42]. Кулиев же, следуя за Крачковским, старается сохранить верность исходному тексту — Аллах у него «Возвышен-

ный, Великий» и «Слышащий, Знающий» [Коран, 2004, с. 61]. Для повышения пафосности им используются прописные буквы.

2.3. Общественный статус перевода, как справедливо отмечает Н.К. Гарбовский, в значительной степени определяется социальным статусом коммуникантов, в том числе и самого переводчика, условиями коммуникации, общественной значимостью создаваемого переводчиком «продукта» и рядом других факторов. Соотнося философскую проблему «свободы воли» с субъективной деятельностью переводчика, учёный подчёркивает, что переводчик сам по себе есть «продукт своего общества, определённой исторической эпохи» и что в основе его деятельности всегда лежит некий выбор — «постигать смысл в хитросплетениях значений слов», «создавать новые формы из множества теоретически возможных», «делать непонятное понятным» [Гарбовский, 2004, с. 210; Гарбовский, 2008, с. 39].

Несомненно, переводчик — это творец. Особенно это становится очевидным, когда речь заходит об их особой когорте — переводчиках-учёных, в данном случае — о переводчиках-библистах, корановедах и т.п. Переводя в самых разнообразных формах и посредством самых разнообразных способов сакральные тексты, они тем не менее ощущают всю тяжесть «общественного заказа» на конечный продукт их творческой деятельности, проявляющуюся в ограничении свободы выбора «жёсткими рамками семантического, семиотического, исторического, языкового» порядка, с одной стороны, и рамками «социального, психического и иных порядков» — с другой [Коран, 2006, с. 39]. В этом теоретики переводоведения усматривают самую сущность перевода.

Однако даже в рамках этих социально-языковых ограничителей всегда есть место для новых оригинальных переводческих решений — тому свидетельство множественность переводов одних и тех же конфессиональных, философских и художественных произведений.

Одно из возможных объяснений этому феномену кроется в неоднозначности толкования сущности логико-философского понятия «смысл» и концепции «перевода смыслов».

Так, М.М. Бахтин, осознав коммуникативную природу смысла и открыв его «диалогичность», утверждал, что «смысл потенциально бесконечен, но актуализироваться он может лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего» [Совр. философ. словарь, 1996, с. 484]. В духе данной концепции авторы учебника «Основы теории языка и речи» пишут: «Смысл есть явление не текста, но коммуникативной деятельности с ним». В смысле они усматривают «субъективно переживаемое значение», которое может «переживаться только в живой коммуникативной деятельности человека». В тексте же

отражается «сопряжённая знаковая модель смыслов отправителя и смыслов адресата». Поэтому смысловая структура текста — это не структура самого живого смысла, а структура знаковой модели, сопрягающей смыслы отправителя и смыслы адресата [Сидоров, 1991, с. 247]. Более широкий подход к истолкованию смыслов языковых выражений (текстов) предполагает учёт не только собственно коммуникативных аспектов, но и роли контекстов (ситуации, культуры и др.), интертекстуальности, пресуппозиций носителей языка и т.д.

Современная теория смыслов благодаря развитию когнитологии и науки о речевых актах значительно пополнила свой понятийный арсенал такими единицами, как «семантическая категория», «предметно-аргументная структура», «речевой/субъективный смысл», «смысл высказывания и текста» и т.д. Постепенно преодолевается пессимистическое суждение о том, что логику и лингвисту трудно «достичь консенсуса» при толковании понятий «смысл», «значение», «содержание» и т.п., так как появились убедительные доказательства того, что «смысл порождается не значением, а жизнью» (А.Н. Леонтьев), что «система смыслов» опирается не только на языковые формы, но и включает в себя смыслы разной когнитивности и функциональности.

Очевидно, что развитие логико-философской и общегуманитарной базы теории смысла не могло не сказаться на концепциях «смыслового перевода/перевода (системы) смыслов». Так, А.Г. Минченков взамен традиционных лингвистических моделей перевода, в основе которых лежит понятие эквивалентности, предлагает «когнитивно-эвристическую модель», которая объясняет сущность перевода «с точки зрения когнитивных и речемыслительных процессов, происходящих в голове переводчика-интерпретатора». В рамках своей теории автор толкует понятие «концепт-смысл» как «ментальную сущность, единицу мысли, которая, в отличие от значения, формируется как результат процесса интерпретации, в котором посредством знака устанавливается отношение между его значением и новым смыслом» [Минченков, 2007, с. 4, 120, 127, 231].

Анализ достоинств и недостатков «традиционных» и «новационных» моделей перевода, находящихся скорее всего в отношениях функциональной дополнительности, — предмет другого исследования. Несомненным считаем лишь общий пафос настоящей работы — роль личности переводчика как активного субъекта переводческого процесса и значение экстралингвистических факторов для порождения на языке перевода адекватной системы смыслов в свете достижений современного переводоведения и других общих и специализированных гуманитарных наук требуют «свежего взгляда» исследователей.

Список литературы

- Айхенвальд А.Ю.* Современный иврит. М.: Наука, 1990.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. Век XXI: от эмпиризма к рационализму // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 1.
- Гарбовский, Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
- Дауд Абдуль-Ахад (Кельдани, Давид Бенджамин).* Мухаммад в Библии. М.: Умма, 2007.
- Ивин А.А.* Смысл истории // Философия. Энциклопед.словарь. М.: Гардарики, 2006.
- Кардини Франко.* Европа и ислам: История непонимания. Сер. «Становление Европы» / Пер. с итал. Е. Смагиной и др. СПб.: Александрия, 2007.
- Коран / Перевод смыслов и комментарии Валерии Пороховой / Гл. ред. Мухаммед Шейх Саид Аль Рошд.* М.: АО «Аюрведа».
- Коран на русском языке [Электрон. ресурс] / Славянская Библия для Windows.* 2008. Режим доступа: <http://sbmodules.boom.ru/quran.htm>.
- Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского.* 2-е изд. М.: Наука, 1986.
- Коран / Перевод смыслов и комментарии В. Пороховой.* Тегеран: International Publishing Co., 1997.
- Коран / Пер. с араб. и коммент. М.-Н. О. Османова.* 2-е изд. М.: Ладомир, 1999.
- Коран / Смысловой пер. Б.Я. Шидфар.* 3-е изд. М.: Умма, 2006.
- Коран / Пер. смыслов и коммент. Э.Р. Кулиева.* М.: Умма, 2004.
- Кротов Яков.* С христианской точки зрения: Перевод Библии (беседа с переводчиком-библеистом М.Г. Селезневым) / Радио «Свобода». 2008. 25 окт.
- Кротов Яков.* С христианской точки зрения [Электрон. ресурс]. 2008. 29 марта. Режим доступа: <http://www.krotov.info/yakov/3-vera/3-radio/20080329.htm>.-14с.
- Лазаренко О.М.* Трансформации консонантного текста еврейской Библии в переводе Септуагинты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2008. № 3.
- Латышев Л.К.* Технология перевода. М.: Academia, 2005.
- Максим Грек* // БСЭ. 3-е изд. Т. 15. М.: Сов. энциклопедия, 1974.
- Минченков А.Г.* Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб.: Антология, 2007.
- Мишкuroв Э.Н.* История арабоязычной переводческой традиции: Начало пути (VIII—XIII вв.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 2.
- Никитин С.А.* Кирилл и Мефодий // БСЭ. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1973.
- Порохова В.* Вступление (от переводчика) // Коран. Перевод смыслов и комментарии В. Прохоровой. М.: Аюрведа, 1993. С. 5—10.
- Путь к Корану [Электрон. ресурс] / Сайт Кулиева Эльмира.* 2004. Режим доступа: <http://www.waytoquran.net/cgi-bin/e-cms/vis/vis/pl?s=0018cp=00168cn=0000118cg=>.
- Рассел Бертран.* История западной философии. Кн. 2: Католическая философия [Электрон. ресурс] / Бертран Рассел. 2008. Режим доступа: <http://nkozlov.ru/library/other/s299/d2217/prim/?full=1>.

- Рижский М.И.* Русская библия: История переводов Библии в России. 2-е изд. СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2007.
- Семенов А.Л.* Основные положения общей теории перевода. М.: Изд-во РУДН, 2005.
- Сидоров Е.В., Ширяев А.Ф.* Основы теории языка и речи. М.: Воен. ин-т, 1991.
- Смысл // Современный философский словарь / Под ред. В.Е. Кемерова. М.: Одиссей, 1996.
- Соколов В.В.* Средневековая философия. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Тора (пятикнижие Моисеево) с русским переводом / Под общ. ред. Г. Браувера. Иерусалим: «Шамир», 1992.
- Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И.* Средневековая христианская культура и проблемы перевода // Теория и практика перевода. 2005. № 1.
- Щедровицкий Д.В.* Введение в Ветхий Завет. Книга Бытия. 5-е изд. М.: Оклик, 2008.
- Эко Умберто.* Поиски совершенного языка в европейской культуре. Сер. Становление Европы // Пер. с итал. и примеч. А. Миролюбовой. СПб.: Александрия, 2007.
- Al-Bashari Saad Abdulla. Al-haya:tu-l-'ilmiyya fi: 'asri-l-hila:fa fi-l-Andalus/ Saad Abdulla Al-Bashari.*-(Ал-Башари, Саад Абдулла. Научная жизнь в эпоху Халифата в Андалусии (316—422 хиджры / 928—1030 христ. эры — на араб. яз.). Мекка: Изд. ун-та Умму-л-Кура, 1997.
- Apple [Электрон. ресурс] // WebBible — TM-Encyclopedia-Christian Answers. Net. 2009. Режим доступа: <http://www.christiananswers.net/dictionary/apple.html>.
- Canard Marius.* Les relations politiques et sociale entre Byzance et les arabes. Dumbarton Oaks Papers: The Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies. N 18. Glückstadt: J.J. Augustin, 1964.
- Latin translations of the 12th century [Электрон. ресурс] // Wikipedia, the free encyclopedia. 2008. Режим доступа: http://wikipedia.org/wiki/Translations_into_Latin_%28c.1050-c.1250%29.

В.С. Наумова,

студентка-магистр факультета истории и филологии Российского Государственного гуманитарного университета. E-mail: werasergeewna@e.ru

КРИТИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА С ПОЗИЦИИ АДЕКВАТНОСТИ

**(на примере перевода на немецкий язык стихотворения
В. Маяковского «Нате!»)**

В данной статье рассматривается критика перевода как наука, тесно связанная с процессом перевода, имеющая свои цели, задачи, предметы, методы исследования. В теории и на практике нами исследовано понятие предпереводческого анализа на примере оригинального стихотворения В. Маяковского «Нате!» и его перевода — стихотворения Х. Хупперта «Da habt ihr!». Работа по критике перевода с позиции адекватности была проведена на четырех уровнях языка: коммуникативном, лексическом, синтаксическом и фонетическом. Выводы о соблюдении переводческой нормы поэтического текста сделаны на основании результата, полученного путем многоуровневого предпереводческого и сравнительного анализа двух стихотворений — оригинального и переводного.

Ключевые слова: переводческая адекватность, коммуникативная адекватность, переводческая эквивалентность, теория уровней эквивалентности, предпереводческий анализ, сравнительный анализ, переводческая норма поэтического текста, критерии оценки поэтического перевода.

Vera S. Naumova,

Student-master, Russian State Humanities University, Department of history and philology.

Criticism of poetic (slovo “poetical” imeet drugoe znachenie chem. “poetic” — LV) translation from the perspective of adequacy (based on a German translation of Vladimir Mayakovsky’s poem “Take that!”)

In this article, translation criticism is considered as a science closely connected to the translation process and having its own objects, tasks, research subjects and research methods. From the perspective of both theory and practice, the author researches the concept of pre-translation analysis using the example of Vladimir Mayakovsky’s poem «Hate!» (Take that!) and its German translation “Da habt ihr” by H. Huppert. From the perspective of adequacy, translation criticism is researched at four language levels: communicative, lexical, syntactical and phonetic. Conclusions regarding the degree of compliance with the translation norm are based on the result of a multilevel pre-translation and comparative analysis of the two poems.

Key words: translation adequacy, communicative adequacy, translation equivalence, theory of equivalence levels, pre-translation analysis, comparative analysis, translation norm of poetical text, assessment criteria of poetical translation.

Потребность мира в переводе растет с каждым днем. Требования к качеству перевода становятся все жёстче. Но единые требования к качеству перевода для всех поэтических текстов невозможны, так как талант творца оригинального произведения

самобытен, а искусство перевода его на иностранный язык не может толковаться однозначно, как и любое другое искусство. Именно поэтому существует множество авторских переводов одного и того же литературного произведения. Там, где нет единого решения, невозможно установление жёстких рамок, поэтому данная работа посвящена проблеме адекватности поэтического перевода. Выбранная тема актуальна, так как художественные тексты живут веками. И люди постоянно возвращаются к ним; от того, как переведён художественный или поэтический текст, зависит качество и количество эстетической информации, полученной читателем перевода. Порой неудачный перевод может оттолкнуть читателя и наоборот — нередки случаи, когда перевод по некоторым художественным характеристикам превосходит оригинал. В чём же причина данного явления? Как достичь максимально качественной передачи информации средствами другого языка в поэтических текстах? Исходя из вышесказанного, мы выбрали темой нашей работы проблему адекватности поэтического перевода на примере творчества В. Маяковского.

Материал исследования — стихотворение В. Маяковского «Нате!» и его перевод — стихотворение Х. Хупперта «Da habt ihr!».

Целью исследования является установление степени адекватности перевода стихотворения В. Маяковского «Нате!» на немецкий язык. **Объект** — различные уровни переводческой эквивалентности, обеспечивающие адекватность художественного перевода стихотворного текста с точки зрения когнитивной и эстетической информации.

Предмет исследования — переводческие трансформации, которые обеспечивают эквивалентность перевода оригинального текста на коммуникативном, лексическом, синтаксическом и фонологическом уровнях языка.

Метод исследования — сравнительный анализ на различных языковых уровнях: коммуникативном, лексическом, синтаксическом и фонологическом.

Остановимся подробнее на понятии критики перевода. Основным методом критики перевода является сопоставительный анализ языковых текстов подлинника и перевода.

Результат процесса перевода (качество перевода) обуславливается степенью смысловой близости перевода оригиналу, жанрово-стилистической принадлежностью текстов оригинала и перевода, прагматическими факторами, влияющими на выбор варианта перевода [Брандес, 2006, с. 8].

Таким образом, норма перевода складывается в результате взаимодействия пяти различных видов нормативных требований: 1) нормы эквивалентности перевода; 2) жанрово-стилистической нормы

перевода; 3) нормы переводческой речи; 4) прагматической нормы перевода; 5) конвенциональной нормы перевода [Комиссаров, 1973, с. 236].

Как известно, в художественном переводе существуют следующие типы информации:

— *денотативная*, или *предметная*. Содержанием денотативной информации являются события, предметы окружающего мира, отношения между ними.

— *художественная*, или *поэтическая*. Этот тип информации включает в себе субъективное восприятие автором предметов и явлений окружающего мира, выражает его эмоции и отношение к изображаемому. Таким образом, существуют две экстремальные точки в науке о переводе: перевод вольный и перевод буквальный.

Переводы вольный и буквальный не являются основными, поскольку полностью противоположны друг другу и потому допустимы, пожалуй, только в поэтических текстах [Левый, 1974, с. 43]. Теперь необходимо рассмотреть два основных вида перевода, которые к тому же еще и служат критерием для переводных текстов вообще. Это перевод адекватный и перевод эквивалентный. Обратимся к вопросу о том, являются ли две категории текста перевода — «адекватность» и «эквивалентность» — синонимами. Авторы научных трудов по переводоведению придерживаются в данном случае различных взглядов. Многие из них признают только категорию «адекватности» (Т.А. Казакова, И. Левый), другие, наоборот, пишут о «эквивалентности» переводного текста (В.Н. Крупнов, В.Н. Комиссаров). Лишь некоторые исследователи пытаются выявить разницу между ними. Н.К. Гарбовский уделяет большое внимание данному вопросу. Автор рассматривает «эквивалентность как основное свойство текста перевода в его отношении к тексту оригинала», тогда как «...адекватность перевода предполагает его соответствие тем ожиданиям, которые возлагают на него (перевод) участники коммуникации, а также тем условиям, в которых он осуществляется». Определение «адекватный» обладает более широкой сферой применения, чем определение «эквивалентный». Первое из них, как правило, относится к тексту в целом, второе — к определенным его аспектам.

Эквивалентность перевода заключается в максимальной идентичности всех уровней содержания текстов оригинала и перевода. Теория уровней эквивалентности основывается на выделении в плане содержания оригинала и перевода пяти содержательных уровней: 1) уровень языковых знаков; 2) уровень высказывания; 3) уровень сообщения; 4) уровень описания ситуации; 5) уровень цели коммуникации.

В процессе перевода устанавливаются отношения эквивалентности между соответствующими уровнями оригинала и перевода. Единицы оригинала и перевода могут быть эквивалентны друг другу на всех пяти уровнях или только на некоторых из них. Конечная цель перевода заключается в установлении максимальной степени эквивалентности на каждом уровне.

Термин «адекватность» обозначает особую категорию теории перевода, и его сосуществование с категорией эквивалентности не только допустимо, но и целесообразно. **Адекватным переводом** называется перевод, который обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса языка перевода, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно признанной конвенциональной норме перевода [Казакова, 2006, с. 126].

Итак, мы рассмотрели два понятия: «эквивалентность» и «адекватность» перевода. На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что категория эквивалентности не совпадает полностью с категорией адекватности, а лишь составляет её значительную часть [Горбачевский, 2001, с. 11]. Основываясь на том, что эквивалентность заключается в максимальной идентичности всех уровней содержания текстов оригинала и перевода [Комиссаров, 1973, с. 134], можно сделать вывод, что «возможность воздействия перевода на его потенциального читателя» не входит в область категории эквивалентности.

Исходя из понятия эквивалентности, нужно отметить, что эквивалентность не предусматривает выполнение текстом перевода следующих основных функций, которые свойственны переводу адекватному: оценочная, предписывающая, систематизирующая. Адекватность перевода связана с раскрытием смысла текста как системы. Смысл — это не нечто аморфное, а более или менее строго организованная сущность. Для полноценного изучения данной сущности необходим предпереводческий анализ [Брандес, 2003, с. 3, 4]. Предпереводческий анализ художественного текста складывается из трех этапов:

- внимательное, многократное вчитывание в текст и выявление общих, жанрово-стилистических особенностей текста;
- выявление того, в какой роли выступает говорящий субъект и на какой композиционно-речевой форме базируется такое впечатление читателя;
- анализ конкретного языка текста.

Особенности любой поэтики в их конкретных проявлениях могут обернуться наиболее спорными, трудно переводимыми элементами текста. Поэтому необходимо рассмотреть специфику поэзии

В. Маяковского на материале анализируемых нами произведений. Одним из классических образцов сатиры Владимира Маяковского является стихотворение «Нате!», написанное в 1913 г. Неприятие существующей действительности — основной мотив ранней лирики Владимира Маяковского.

Нате!

Через час отсюда в чистый переулочек
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир,
а я вам открыл столько стихов шкатулок,
я — бесценных слов мот и транжир.

Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
Где-то недокушанных, недоеденных шей;
вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей.

Все вы на бабочку поэтиного сердца
взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош.
Толпа озверевает, будет тереться,
ощетинит ножки стоглавая вошь.

А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется — и вот
я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам
я — бесценных слов транжир и мот.

Композиция содержания представляет собой трехчастную структуру. Первая часть содержит тезисы, которые на примерах доказаны в основной части, а третья часть содержит умозаключения, к которым приходит поэт в процессе всего стихотворения. Язык автора в целом не выходит за пределы литературного языка, но имеет лексические особенности, характерные для устно-разговорной его разновидности, и синтаксические особенности, связанные с некоторым упрощением синтаксических конструкций [Пицкель, 1964, с. 39]. Поэтический перевод стихотворения, выполненный Х. Хуппертом, приводится ниже.

Da habt ihr!

In einer Stunde wälzt sich von hier in die Gassen
Mann um Mann, euer Schmalz euer Schmutz;
doch ich erschloss euch die Kasten und Kassen
verschwenderischer Worte, vergeudeteten Guts.
Ihnen, mein Herr, hängt vom Schnurrbart runter
als Kohlsuppenrest eine Faser Kraut;
und Sie, Frau, blicken gepudert nicht bunter —
als die Auster
aus der
Muschel schaut.

Auf Schmetterlingsflügel stampft ihr mit Galoschen
und tretet poetische Funken aus,
vertiertes Gezücht, bis die Farben erlöschen
unterm Schreiten der tausendköpfigen Laus.
Wenns heute mich reut, den Hunnen euch räudig,
vorzugaukeln, zu gar nichts nutz,
dann spei ich ins Antlitz euch
kichernd und freudig!
Ich Wortfex, Vergeuder unschätzbaren Guts

[Huppert, 1968, с. 58, 59]

На основании сравнительного анализа двух стихотворений, оригинального и переводного, нами был сделан вывод о том, что перевод оригинального текста стихотворения В. Маяковского «Нате!» эквивалентен на коммуникативном, лексическом, синтаксическом и фонологическом уровнях языка. Сопоставительный анализ привёл к следующим результатам:

— *тема, идея и основная мысль стихотворения «Нате!»* переданы автором перевода с максимальной точностью;

— *со стилистической точки зрения* значительная часть лексического состава двух стихотворений относится к разговорной речи [Ковтунова, 1986, с. 167];

— *с семантической точки зрения* новые слова В. Маяковского, такие, как «поэтинога», «недокушанный», не представлены вариантами соответствиями в тексте перевода. Оригинальное стихотворение обладает меньшим количеством лексем, чем переводное, доминирующие семы совпадают, все лексические замены проведены в соответствии с правилами сочетаемости немецкого языка [Алексеева, 2006, с. 338]. Отступления от оригинала и добавления прослеживаются только там, где невозможны однозначные варианты соответствия, переводческие трансформации или замены, например:

вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин **вещей**
(выделено мной. — *Н.В.*).

Перевод:

und Sie, Frau, blicken gepudert nicht bunter —
als die Auster
aus der
Muschel schaut.

Перевод-подстрочник: И вы, госпожа/женщина, напудрившись, глядите не более пестро, чем устрица смотрит из своей раковины.

В немецком тексте никак не отражена лексема «вещей», что приводит к потере части конотативной информации, которая содержится в словосочетании «смотреть из раковин вещей».

На уровнях структуры высказывания и описания ситуации перевод является эквивалентным, так как:

— воспроизводится большая часть грамматических значений синтаксических структур оригинала;

— вся работа подчинена образному контексту;

— передана характерная для Маяковского интонационно-синтаксическая структура стиха со словами-фразами, с восклицательными и вопросительными резко эмоциональными формами:

А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется — **и вот**;
(выделено и подчеркнуто мной. — *Н.В.*).

Эта особенность прослеживается в переводе:

und tretet poetische Funken aus,
vertiertes Gezücht
(выделено и подчеркнуто мной. — *Н.В.*),
bis die Farben erlöschen
unterm Schreiten der tausendköpfigen Laus;

Звуковое оформление стихотворения В. Маяковского «Нате!» отличается многообразием художественных приёмов и не является ведущим средством выразительности, в то время как переводчик широко использует звукопись в тексте перевода. Происходит компенсация ярко выраженного смыслового ударения оригинала богатством звукового оформления переводного стихотворения.

Все вышесказанное позволяет заключить, что стихотворение-перевод Х. Хупперта «Da habt ihr!» обладает наивысшей степенью эквивалентности переводного текста на всех уровнях. Рассмотренное нами выше понятие адекватности с коммуникативной точки зрения включает в себя все вышеназванные уровни эквивалентности, а также более расширенные требования к тексту перевода с точки зрения содержания подлинника и полноценного функционально-стилистического соответствия ему. Результаты практического исследования позволяют утверждать, что перевод Х. Хупперта соответствует данным критериям, т.е. он адекватен. Таким образом, задачи исследования полностью выполнены, цель достигнута.

Список литературы

Алексеева И.С. Письменный перевод. Немецкий язык: Учебник. СПб.: Союз, 2006. 368 с.

Брандес М.П. Предпереводческий анализ текста. М.: Тезаурус, 2003. 223 с.

- Горбачевский А.А.* Оригинал и его отражение в переводе / Челябинский гос. пед. ун-т. Челябинск, 2001. 202 с.
- Казакова Т.А.* Художественный перевод: в поисках истины / Филологический ф-т СПбГУ. СПб., 2006. 221 с.
- Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 205 с.
- Комиссаров В.Н.* Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 214 с.
- Левый И.* Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 397 с.
- Пицкель Ф.Н.* Маяковский: художественное постижение мира. М.: Наука, 1978. 406 с.
- Huppert, Hugo.* Wladimir Majakowski, Gedichte. Ausgewählte Werke. Berlin: Volk und Welt, 1968. 455 S.

Н.М. Нестерова,

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации ПГТУ.

E-mail: nest-nat@yandex.ru

SENSUM DE SENSU: СМЫСЛ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается проблема определения «смысла» как основного понятия в науке о переводе. Традиционно считается, что смысл — это объект и инвариант перевода. Однако анализ феноменологической природы смысла дает все основания считать, что смысл не может быть инвариантом перевода, поскольку он принадлежит не тексту, а сознанию воспринимающего субъекта. Это означает, что определённый смысловой сдвиг является неизбежным, он есть онтологический признак перевода.

Ключевые слова: перевод, смысл, доминанта, текст оригинала, текст перевода, понимание, проекция.

Natalya M. Nesterova,

PhD, Professor, Department of Foreign Languages, Linguistics and Cross-cultural communication, Perm State Technical University. E-mail: nest-nat@yandex.ru

SENSUM DE SENSU: Sense as the Object of Translation

The paper deals with the problem of defining “sense” as a fundamental category in translation studies. Though traditionally “sense” has been considered as the object and the invariant in any translating process, an analysis of the nature of sense shows that it cannot be the invariant because it is an attribute of the recipient, not of the text. Such an understanding of sense means that in the process of text perception the sense is not “extracted” from the text, but is rather “ascribed” to it by the reader (the translator), and therefore is always subjective. This means that some semantic shift is unavoidable, for this is an ontological characteristic of translation.

Key words: translation, sense, dominant, source text, target text, understanding, projection.

Переводческий дуализм (переводить «слово в слово» или «смысл в смысл»), сложившийся еще в античные времена, как правило, решался и решается в пользу «смыслового» перевода. Формула Иеронима «Non verbum de verbo, sed sensum exprimere de sensu» стала аксиомой в теории и практике перевода. Однако если первая часть формулы (переводить «слово в слово») понятна, то вторая (переводить «смысл в смысл») требует уточнения и размышления из-за расплывчатости самого понятия «смысл».

Слово «смысл» является одновременно словом и «житейским», и научным. Мы живем в мире различного рода смыслов. Человек ищет смысл жизни и смысл какого-либо вербального или невербального знака, смысл поступка, действия и смысл текста, картины. Так что же это такое — смысл? Дать точный ответ на этот вопрос, по-видимому, сегодня не может никто.

Подтверждением этому является отсутствие дефиниций смысла в большинстве энциклопедических изданий, в частности в Лингвистическом энциклопедическом словаре, а также образные сравнения смысла с таинственной исчезающей Золушкой (М.Б. Крилмен) и изменчивым Протеем (Д.А. Леонтьев).

Однако в настоящее время делаются интенсивные попытки определить смысл как научное понятие. Так, в отечественной науке появляются серьезные психологические, философские и лингвистические исследования его феноменологической сути, в частности последние работы Д.А. Леонтьева, В.В. Налимова, А.И. Новикова. Концептуальное определение смысла становится все более и более необходимым практически для всех гуманитарных исследований. Особо ощутима эта необходимость в науке о переводе, поскольку считается что именно смысл является объектом перевода, тем инвариантом, который должен быть сохранён в тексте перевода. Не случайно один из сборников научных трудов, посвящённых переводу, имел название «Смысл текста как объект перевода» (1986). С точки зрения определения понятия «смысл» представляет интерес опубликованная там статья Л.А. Черняховской «Содержательная структура и перевод», где можно найти косвенное определение смысла как «психического переживания» индивидом (сначала автором, а затем реципиентом) экстралингвистической реальности, представляющей содержательную структуру текста. При этом оговаривается, что соответствующее психическое переживание содержательной структуры возникает у реципиента только в том случае, если он «обладает необходимым и достаточным для адекватного восприятия уровнем фонового знания, как языкового, так и энциклопедического. Это переживание задается нелинейным и недискретным комплексом информации, которая содержится и в знаках текста, и в фоновом знании реципиента, актуализуемом этими знаками» [Черняховская, 1986, с. 26].

Из приведённых слов следует, что смысл — это экстралингвистический феномен¹, относящийся к сознанию индивида, порождающего и воспринимающего текст. Говоря о проблеме определения смысла, нужно отметить, что отсутствие чётких дефиниций компенсируется в какой-то мере теми характеристиками, которые даются смыслу. Вот некоторые из них:

«Смысл не задан а priori, он создается на каждом этапе описания; он никогда не бывает структурно завершён» (Ж. Гийом и Д. Мальдидье).

---

¹ Одна из первых работ, посвящённых смыслу, имела название «Смысл как экстралингвистическое явление» (1963). Автор — замечательный отечественный лингвист Н.А. Слюсарева.

«Он (смысл) дрейфует. Он теряется в самом себе или умножается. Что касается времени, то здесь речь идет о мгновениях. Смысл нельзя приклеить. Он нестабилен, все время блуждает <...> смысл в значительной мере неконтролируем» (Э. Пульчинелли Орланди).

«Источником, приписывающим смысл вещам, является сознание, актуальный упорядоченный опыт» (Э. Гуссерль) (Цит. по: [Леонтьев, 2003, с. 10—11]).

Приведённые характеристики смысла позволяют выделить следующие его признаки и противопоставить их признакам значения:

- смысл субъективен, в то время как значение объективно;
- смысл не бывает заданным, он всегда производится, в то время как значение задаётся знаком/текстом;
- смысл изменчив, нестабилен, в то время как значение стабильно.

И вот вывод Г. Фреге, который касается смысла и значения по отношению к тексту: «Текст может иметь только одно значение, но несколько смыслов, или же не иметь значения (если в реальности ему ничто не соответствует), но иметь при этом смысл» [там же, с. 11].

Итак, вышеперечисленные свойства смысла рисуют его как нечто «нестабильное», «субъективное», «текучее». Представляется, что для исследования перевода, в котором смысл есть объект и инвариант межъязыкового преобразования текста, необходимо более строгое определение смысла, которое позволило бы им оперировать, моделируя процесс перевода. Таким определением, на наш взгляд, является определение, предложенное А.И. Новиковым.

Однако прежде, чем перейти непосредственно к той дефиниции смысла, которую формулирует учёный, нужно отметить, что он рассматривает смысл в контексте теории текста и его понимания. А.И. Новиков видел свою задачу «в том, чтобы рассмотреть проблему текста сквозь призму смысла как **основного интегрального механизма его порождения и понимания**» (выделено мной. — *Н.Н.*) [Новиков, 2007, с. 30]. Данный подход абсолютно закономерен, поскольку совершенно очевидно, что теория смысла и теория понимания невозможны одна без другой. «Любая теория смысла, которая не является теорией понимания или не даёт ее в итоге, не удовлетворяет той философской цели, ради которой нам требуется теория смысла», — писал английский философ М. Даммит (Цит. по: [Гусев, Тульчинский, 1985, с. 42]). Теория смысла, предлагаемая А.И. Новиковым, как раз и является, на наш взгляд, такой интегративной теорией смысла и понимания.

Свои «смысловые» поиски учёный начал с нахождения принципиального различия между понятиями «содержание текста» и «смысл текста», с ответа на вопрос, что и в каком виде реально существует в тексте. Известно, что «содержание» и «смысл» часто

употребляются как синонимы. Отмечая синонимичность их использования, исследователь подчёркивает их феноменологическое различие. Оба они представляют собой ментальные образования, оба есть результат понимания, но в основе их формирования лежат различные речемыслительные механизмы. «Содержание формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл — это мысль об этой действительности, т.е. интерпретация того, что сообщается в тексте. Содержание базируется на денотативных (референтных) структурах, отражающих объективное «положение вещей» в мире. Смысл же базируется в определённой степени на уяснении «сути дела», запрограммированной автором в замысле текста, который при восприятии предстаёт как некоторый код, который следует расшифровать» [там же, с. 143]. Итогом рассуждений учёного становятся чёткие определения содержания и смысла как ментальных образований: **содержание — это проекция текста на сознание, а смысл — это проекция сознания на текст.** Из вышесказанного можно сделать вывод: содержание объективно (и поэтому его можно моделировать), смысл же всегда субъективен. Отсюда и следует самый, на наш взгляд, важный вывод: «Текст сам по себе не имеет смысловой структуры. **Смысловая структура является принадлежностью не текста, а смысловой сферы личности, воспринимающей и осмысливающей текст.** Принадлежностью текста является структура содержания, понимаемая как такое образование, которое формируется в сознании под непосредственным воздействием всей совокупности языковых средств, составляющих этот текст, и которое базируется на координатах объективной действительности, отражаемых сознанием и позволяющих ориентироваться личности в этой действительности» (выделено мной. — *Н.Н.*) [Новиков, 2002, с. 179]. Так появляется ответ на вопрос о том, что объективно представлено в самом тексте. Это содержание, но не смысл.

Что из этого следует? На наш взгляд, это позволяет описать процесс перевода как многоразовое и разнонаправленное проецирование.

Принято представлять перевод как двухэтапный процесс: первый этап — восприятие текста оригинала, второй — порождение текста перевода. Если использовать сформулированные А.И. Новиковым дефиниции содержания и смысла, тогда можно предложить следующую модель процесса перевода. При восприятии оригинала его содержание (как модель некой предметной ситуации, представленная соответствующими языковыми средствами) проецируется на сознание переводчика, сознание «реагирует» на эту проекцию и «включает» имеющуюся в нем информацию относительно спроецированной ситуации и ее элементов, а также весь спектр ассоциаций. Происходит рациональная и эмоциональная

оценка данной ситуации, т.е. «придание» («приписывание») смысла воспринимаемому тексту. Причем, как нам кажется, этот процесс имеет челночный характер, т.е. проецирование «текст → сознание» и «сознание → текст» происходит неоднократно, и оно зависит как от текста, так и от воспринимающего его сознания. В результате в сознании переводчика как реципиента создается образ текста или «контртекст» (термин Н.И. Жинкина).

Второй этап — это непосредственно порождение текста, т.е. языковление возникшего в сознании «контртекста», что заключается в отборе и комбинировании языковых средств. Этим процессом и «руководит» тот самый смысл, который возник в сознании в результате отражения в нем содержания текста и его языковой оболочки.

А ригио считается, что переводчик стремится «приписать» тексту тот смысл, который в него вкладывал автор, но здесь мы уходим в чисто герменевтическую проблематику, в вопрос о возможности совпадения интенционального (авторского) смысла и рецептивного (переводческого), о принципиальной возможности понимания Другого. В случае перевода этот Другой думает и пишет на чужом языке, а «иноязычность», как считал Х.-Г. Гадамер, означает «предельный случай общей герменевтической сложности: чуждости и её преодоления» [Гадамер, 1988, с. 450]. В данном случае уместно вспомнить известные гумбольдтовские слова о том, что любое понимание «всегда есть вместе с тем и непонимание», поэтому вряд ли возможно говорить о полном преодолении «чуждости».

А.И. Новиков в своем исследовании понимания и смысла обращается к теории доминантности А.А. Ухтомского, полагая, что последняя может во многом объяснить природу смысла и понимания. Термином «доминанта», как известно, выдающийся русский физиолог обозначал «господствующий очаг возбуждения, предопределяющий в значительной степени характер текущих реакций центров в данный момент» [Ухтомский, 2002, с. 39]. При этом он считал, что о принципе доминантности можно говорить как о об общем *modus operandi* всей центральной нервной системы, а не только коры головного мозга. Именно этот «более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров» вне зависимости от того, каким раздражителем он был вызван, определяет наше поведение, включая восприятие и понимание, поскольку «в высших этажах и в коре полушарий принцип доминанты является физиологической основой акта внимания и предметного мышления» [там же, с. 46].

Говоря о роли доминанты в нашем поведении и восприятии мира, Ухтомский, в частности, подчёркивал: «Нам кажется, что мы принимаем решение и действуем на основании того, как представляем себе положение вещей в мире, а фактически мы и существу-

ющее положение вещей в мире видим сквозь призму наших доминант», другими словами — «мы **можем воспринимать лишь то и тех, к чему подготовлены наши доминанты**» (выделено мной. — *Н.Н.*) [там же, с. 39].

Именно доминанта как очаг возбуждения, возникающий в момент восприятия текста и вызванный этим текстом, определяет то, как мы «видим» воспринимаемый текст, какой смысл мы ему «приписываем». Возникновение той или иной доминанты зависит от наших прошлых доминант, от их следов. Этим и объясняется различие восприятия одного и того же текста разными людьми и даже одним и тем же человеком в разные периоды его жизни. Вот почему мы читаем и перечитываем одни и те же тексты, «открывая» для себя каждый раз новые смыслы. Вот почему так отличаются переводы, выполненные не только разными людьми, но одним и тем же переводчиком. Классическим примером могут служить переводы «Сельского кладбища» Т. Грея (*An Elegy Written in a Country Churchyard*), выполненные В.А. Жуковским, которого, как известно, А.С. Пушкин называл «гением перевода». Всего имеется три варианта перевода, датированные 1801, 1802 и 1839 годами. Сравним начало второго и третьего переводов, значительно разделённых во времени. Последний перевод был сделан непосредственно в Англии, где поэт посетил кладбище в Виндзоре, вдохновившее в свое время Грея. Это не могло не сказаться на формировании совсем иной доминанты в сознании Жуковского-переводчика (по сравнению с той, которая могла быть у девятнадцатилетнего начинающего поэта). Приведём первые четыре строчки оригинала и двух переводов².

The curfew tolls the knell of parting day;
The lowing herd wind slowly o'er the lea;
The ploughman homeward plods his weary way,
And leaves the world to darkness and to me.

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

(1802)

Колокол поздний кончину отшедшего дня возвещает;
С тихим блеяньем бредет через поле усталое стадо;
Медленным шагом домой возвращается пахарь, уснувший
Мир уступая молчанью и мне.

(1839)

---

² Тексты приводятся по изданию: Английская поэзия в русских переводах (XIV—XIX века). Сборник. На англ. и рус. яз. М.: Прогресс, 1981.

Смысловое различие очевидно. Особенно во второй строке, где рисуются абсолютно разные по настроению картины: в одном случае стада «шумящие», «толпящиеся», в другом — «тихие» и «усталые». Если в первом варианте стада и герой находятся в разных состояниях, то во втором, наоборот, их состояния гармоничны: их объединяет усталость и тишина, их окружающая³.

Итак, возникает вопрос, что мы имеем в виду, когда вслед за Цицероном и Иеронимом говорим, что нужно переводить «смысл в смысл»? Можно ли считать смысл инвариантом перевода?

В этом отношении любопытным представляется взгляд автора (в данном случае — выдающегося английского писателя Дж. Фаулза) на смысл собственного произведения. В предисловии к роману «Волхв» он, отказываясь объяснять смысл книги, пишет: «Роман, даже доходчивее и увлекательнее написанный, не кроссворд с единственно возможным набором правильных ответов — образ, который я тщетно пытаюсь вытравить из голов нынешних интерпретаторов. “Смысла” в “Волхве” не больше, чем в кляксах Роршаха, какими пользуются психологи. Его идея — это отклик, который он будит в читателе, а заданных заранее “верных” реакций, насколько я знаю, не бывает» (выделено мной. — *Н.Н.*) [Фаулз, 2004, с. 10]. Перед нами свидетельство автора, который утверждает, что в его тексте «заданного» смысла нет, читатель сам должен «наделить» его смыслом. Это означает, что жизнь текста и заключается в его смысловом развитии, его смысловом «дозревании», а происходит это благодаря заложенным в тексте «интенциональным возможностям», которые «в каждую эпоху на новом диалогизирующем их фоне способны раскрывать все новые и новые смысловые моменты» [Бахтин, 1979, с. 231—232].

Иллюстрацией возникновения таких новых смысловых моментов могут служить русскоязычные переводы трагедии В. Шекспира «Юлий Цезарь», в частности, ее первые реплики. На сегодняшний день известно 13 переводов этого шекспировского текста. Мы рассмотрим переводы Н. Карамзина, А. Фета, М. Зенкевича и А. Величанского⁴. Анализ названных переводов интересен тем, что они выполнены в различные временные и культурные периоды и выполнены переводчиками с различными переводческими кредо.

Перевод Карамзина (1787) — это практически первый «русский Шекспир». Сам автор перевода в своем предисловии писал: «Что

---

³ Эти тексты В.А. Жуковского интересны еще и тем, что перед нами два совершенно по-разному (с точки зрения метода) выполненных перевода, первый из которых можно отнести к вольному, а второй — почти к буквальному. Этот факт дает исследователям творческого пути Жуковского-переводчика возможность говорить об эволюции его переводческой концепции.

⁴ *Шекспир У. Юлий Цезарь: На англ. и рус. яз. / Пер. Н. Карамзина, А. Фета, М. Зенкевича, А. Величанского. М.: Радуга, 1998.*

касается до перевода моего, то я наиболее старался перевести верно, стараясь притом избежать и противных нашему языку выражений. Впрочем, пусть рассуждают о сём могущие рассуждать о сём справедливо. **Мыслей автора моего нигде не переменил я, почитая сие для переводчика непозволенным**» (выделено мной. — *Н.Н.*) (Цит. по: [Горбунов, 1998, с. 14]). Можно предположить, что так думал каждый переводчик. Автор второго перевода (1858) — А. Фет, известен своим пристрастием к буквальному переводу. Третий перевод (1959) принадлежит М. Зенкевичу, одному из создателей советской школы поэтического перевода. Последний перевод был выполнен А. Величанским в конце ушедшего века.

Трагедия Шекспира открывается «сценой на улице». Трибуны и «неприятели Цезаревы» (так их представил Н.М. Карамзин в перечне действующих лиц) Марулл и Флавий разгоняют «народ», вышедший на улицы Рима, чтобы «увидеть Цезаря и праздновать его триумф» (Карамзин). Среди городских «граждан» (переводчики, кроме Карамзина, их называют «Первый гражданин» и «Второй гражданин») находятся персонажи, обозначенные Шекспиром «Carpenter» и «Cobbler». Поскольку они не имеют при себе «знаков своего занятия», трибуны выясняют их профессиональную принадлежность. И если ответ первого, сообщающего, что он плотник (а carpenter), вполне удовлетворяет спрашивающих, то ответ второго, называющего себя *a cobbler*, раздражает и вызывает уточняющие вопросы. Связано это с семантической неопределённостью слова *cobbler*. Данное английское слово, согласно толковым словарям, означает «a mender of shoes; a clumsy workman», т.е. *тот, кто ремонтирует обувь; не очень умелый, неквалифицированный рабочий*.

Таким образом, реплика не даёт ответа на вопрос о конкретном ремесле. Далее следует замечательный диалог между трибунами (Флавием и Маруллом) и этим персонажем, в ходе которого выясняется ремесло последнего. В результате ответов этого «второго гражданина» выстраивается следующий ряд уточнений того, чем он занимается: *a cobbler — a mender of bad soles — if you be out, sir, I can mend you — cobble you — I am, indeed, sir, a surgeon to old shoes*.

Если мы переведем эту цепочку буквально, то получим следующее: *неквалифицированный сапожник (в русском языке нет слова, которое бы полностью соответствовало английскому), который только и умеет, что чинить (латать) обувь, или «подмастерье», занимающийся простым, грубым ремеслом, — ремонтный мастер, который чинит подошвы/подметки, — некто, кто может Вас починить, если с Вами «что-то не в порядке», — некто, кто может грубо, топорно починить Вас — хирург для старой обуви*.

Теперь посмотрим, какие ряды выстраиваются в русских текстах.

Карамзин: *кропач — поправлять худое — если поссорисься, так я все еще тебя исправить могу — говорю о башмаках твоих — совершенный лекарь для ветхих башмаков.*

Фет: *занимаюсь починкой — исправлять худые следы — а если что и надорвётся, то я у тебя зачину — произведу починку у тебя — врач старых башмаков.*

Зенкевич: *только починщик — залатываю чужие грехи — если у вас что-нибудь разойдется, я вам залатаю — лекарь старой обуви.*

Величанский: *неуклюж и вправду, как сапожник — мой промысел, господин, душеспасителен: чиню подошвы душ людских — выходи, пожалуйста, прогуляться — вот тут как раз тебе я пригожусь — лекарь одряхлевших башмаков⁵.*

Но на этом самоопределение персонажа не заканчивается. Последние слова совсем меняют его самооценку: от самоуничтожения и самоиронии до признания особой важности своего ремесла. Он говорит, обращаясь к трибунам, «*As proper men⁶ as ever trod upon neat's leather have gone upon my handicraft*». Здесь уже звучит своего рода гордость за своё ремесло.

Переводчики предлагают следующие варианты.

Карамзин: *Самых честных людей, какие ходили на воловьей коже, работа моих рук на ноги поставила».*

Фет: *Лучшие люди, из ступающих на воловью кожу, ходили на моем рукоделии.*

Зенкевич: *Все настоящие люди, когда-либо ступавшие на воловьей коже, ходят только благодаря моему ремеслу.*

Величанский: *Без моего ремесла вы все бы стали босяками.*

Итак, что мы видим в переводах? Если в оригинале герой чинит подошвы (soles), то в переводах он «поправляет худое», «исправляет худые следы», «залатывает чужие грехи» и даже «чинит подошвы душ людских». Таким образом, в русских текстах (благодаря широкой семантике таких слов, как «худое», «следы», «грехи» и «души») диалог ремесленника и трибунов переводится в другой — более «высокий» — регистр: вместо «дел сапожных» или (правильнее сказать) помимо них звучит тема духовно-нравственная. Герой «чинит» человека, его душу. Особенно ярко это проявляется в переводе А. Величанского, у которого ремесло данного персонажа становится «промыслом», причём промыслом «душеспасительным». В его варианте реплики героя становятся по-настоящему

⁵ Интересно отметить, что ни один из наших переводчиков не воспользовался буквальным соответствием: surgeon — хирург, хотя шекспировская метафора очевидна: и хирург, и сапожник «режут и шьют».

⁶ Известно, что в Древнем Риме позволить себе сандалии (из воловьей кожи) могли только богатые горожане, поэтому так гордо и звучит ответ ремесленника. Представляется, что в данном контексте шекспировское выражение *proper men* можно было бы перевести как «приличные люди».

многосмысленными, в них слышится столько уловимых и неуловимых намёков, что в результате «неумелый» ремесленник превращается в того, кто способен помочь людям справиться с их серьезными, отнюдь не «сапожными» проблемами, он способен наставить их «на путь истинный». И заканчивается весь этот разговор тем, что ремесленник бросает трибунам весьма многозначительную фразу: «Без моего ремесла вы все бы стали **босьяками**». Налицо эмоциональное усиление исходной реплики, в которой говорится лишь о том, что те, кто ходят в обуви (сандалиях), они пользуются результатом именно его ремесла⁷. В переводе же звучит и некоторый оттенок угрозы, поскольку русское слово «босьяк», как известно, означает не только того, кто ходит босиком, босьяк — это и так называемый «деклассированный элемент», оборванец. В шекспировском тексте вряд ли имелся в виду такой босьяк.

И вряд ли Шекспир мог предвидеть такое «духовное» развитие своего выражения «*mender of bad soles*», хотя, бесспорно, наличие омофонной пары *sole/soul* провоцирует его. На переводческие решения, видимо, повлияла и наша языковая картина мира, наш «особый способ мировидения», что проявляется, как подчёркивает Ю.Д. Апресян, «в национально-специфическом наборе ключевых идей — своего рода семантических лейтмотивов» [Апресян, 2005, с. 8]. Бесспорно, *душа*, *грех*, *греховность* входят в набор наших лейтмотивов, что и нашло отражение в переводах.

Приведённый пример, а также анализ феноменологической природы смысла позволяют расшифровать древнюю формулу «*sensum de sensu*» как перевод смысла, заложенного автором, в смысл, заложенный переводчиком, которые никогда не могут совпасть полностью. Переводчику только кажется, что он «мыслей автора нигде не перемещает», в действительности же в тексте, создаваемом переводчиком, объективируется его собственный смысл, хотя удел переводчика — «устремляться» к смыслу автора, что и позволяет ему «сказать почти то же самое» (У. Эко), но никогда **то же самое**.

Список литературы

Апресян Ю.Д. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Гадамер Х-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.

Горбунов А.Н. «Могучий Цезарь во прахе»: Предисловие // Шекспир В. Юлий Цезарь: На англ. и рус. яз. / Пер. Н. Карамзина, А. Фета, М. Зенкевича, А. Величанского. М.: Радуга, 1998.

---

⁷ Нужно отметить, что Н. Карамзин и М. Зенкевич также завышают значение ремесла данного персонажа, нет этого завышения только в переводе А. Фета.

- Гусев С.С., Тульчинский Г.Л.* Проблема понимания в философии: Философско-гносеологический анализ. М.: Политиздат, 1985.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003.
- Новиков А.И.* Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики-2001. М.: Азбуковник, 2002.
- Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты. М.: Институт языкознания РАН, 2007.
- Ухтомский А.А.* Доминанта. СПб.: Питер, 2002.
- Фаулз Д.* Волхв. М.: АСТ, 2004.
- Черняховская Л.А.* Содержательная структура текста и перевод // Смысл как объект перевода. М., 1988.
- Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб.: Симпозиум, 2006.

М.Ю. Никитина,

студентка факультета «Высшая школа перевода» МГУ имени М.В. Ломоносова, E-mail: nikitinamarishka@mail.ru

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКОВ)

При переводе художественного произведения нельзя пренебречь его названием. Это важная часть произведения, поскольку на неё в первую очередь обращает внимание читатель. Важно, чтобы название перевода производило тот же эффект, что и название оригинала. Но есть ряд трудностей, с которыми может столкнуться переводчик. В названиях могут встретиться и многозначные слова, и исторические реалии, и лексико-грамматические категории, выраженные в одном языке и нехарактерные для другого, и определенные контекстуальные значения, и прочие. В связи с этим встает вопрос, как переводчики решают проблему передачи названия художественного произведения.

Ключевые слова: перевод многозначных слов, передача грамматических категорий, контекстуальное значение, перевод имен собственных, перевод акронимов.

Marina Yu. Nikitina,

Student, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University. E-mail: nikitinamarishka@mail.ru

Difficulties in translating fiction titles (based on Russian, English, and greek examples)

In translating fiction the importance of the title should not be neglected, since this significant item is the first thing the reader sees. It is important that the translated title produce the same impression as the title of the original work. The translator, however, may encounter a range of difficulties. A polysemantic word, an archaism, a lexico-grammatical category typical of the SL but not used in the TL, a specific contextual meaning, etc., may appear in titles. The question therefore arises as to how translators cope with the translation of fiction titles.

Key words: translation of polysemantic words, transmission of lexico-grammatical categories, contextual meanings, translation of proper names, translation of archaisms.

Юго Виктор — автор знаменитого романа “Notre Dame de Paris”, вышедшего на русском языке под заглавием «Наши дамы из Парижа».

(Аркадий Аверченко)

Ни один перевод, даже самый удачный, не может похвастаться тем, что в нём переданы все смыслы, которые автор старался отразить в своём произведении. Семантические расхождения между исходным и переводным текстом обуславливаются прежде всего разными языковыми системами, а также различными культурами, в которых работают автор и переводчик. Поэтому абсолютное семантическое соответствие на уровне текста недостижимо, но к нему

можно и нужно стремиться. Для художественной литературы важен не только сам текст произведения, но и название. Название служит для обозначения художественного замысла автора до того, как читатель раскроет книгу. Поэтому важно, чтобы при переводе название сохранило свою художественную значимость.

Русский филолог А.И. Горшков писал о роли названия следующее: «...Название художественного произведения может быть непосредственно связано с темой («Герой нашего времени», «Преступление и наказание», «Отцы и дети», «Что делать?»), может представлять собой метафорический образ, подводящий к теме («Обрыв», «Дым», «Волки и овцы», «Плаха», «Пожар»). Произведения, названные именами главных героев («Евгений Онегин», «Обломов», «Анна Каренина»), как будто не содержат в названиях указания на тему. Но когда образы героев становятся широко известными, а их имена из собственных начинают превращаться в нарицательные, связь между названием и темой проявляется. Ещё одна особенность соотношения темы и названия в литературе определяется тем, что художественные произведения, даже небольшие по объёму, многотемны. В названиях авторы стремятся обозначить главную тему. Бывают и такие названия, которые соотнесены не столько с темой, сколько с поводом для обращения к ней» [Горшков, 2001, с. 109]. Из данного высказывания следует, что название художественного произведения важно для раскрытия его темы.

Обратимся к творчеству Л.Н. Толстого. Название его романа «Война и мир» несёт в себе глубокое историческое и философское значение. С одной стороны, читатель видит довольно понятную оппозицию: война как вооружённый конфликт между государствами или народами и мир как отсутствие боевых действий. Заглянем в словарь Ожегова и посмотрим словарное определение слова *мир*: «4. Объединённое по каким-нибудь признакам человеческое общество, общественная среда, строй; 6. Светская жизнь, в противоположность монастырской жизни, церкви; 7. Сельская община с её членами (устаревшее)». Как мы видим из определения, слово *мир* имеет более широкое значение, чем просто «невоенное время». Толстой говорил о войне и о том, как она влияет на людей, т.е. слово *мир* употребляется в значении «люди».

Шедевр Толстого вскоре после публикации был переведён на разные европейские языки. Иностранцы читатели с восторгом отзывались о романе. Посмотрим, как само название этого произведения вошло в чужую культуру. Итак, в английском переводе, выполненном Эльмером и Луисом Мод (Louise and Aylmer Maude), заглавие звучит как *War and Peace*. Со словом *war* всё вроде бы понятно: оно вполне соответствует русскому *война*. Поэтому оста-

новимся подробнее на словарной статье к слову *peace*. В словаре Современного английского языка издательства Лонгман даны следующие определения: «1. A situation in which there is no war or fighting; 2. A very quiet and pleasant situation in which you are not interrupted; 3. A feeling of being calm, happy, and not worried». Таким образом, мы видим, что английское *peace* не имеет значения «люди», что говорит о том, что часть смысла, заложенного в названии, пропала в ходе перевода.

Переводчики могли бы избежать подобной ошибки, если бы обратились к самому первому изданию романа. Дело в том, что в эпоху Толстого существовало два омофона: *мир* и *мир*. Первое обозначало невоенное время, а второе — людей. Название романа-эпопеи до проведения реформы орфографии выглядело так: «Война и мир».

А теперь обратимся к творчеству другого русского классика — А.П. Чехова. Лаконичные и ёмкие названия произведений этого автора всегда представляют определённую трудность для переводчиков. Возьмём хотя бы рассказ «Попрыгунья». Русский читатель сразу же представит себе беззаботную и ветреную особу, что в принципе будет соответствовать тому, как Чехов нарисовал свою героиню. Однако английское название этого рассказа — *The Grasshopper* — нельзя считать абсолютно удачным. Возможно, выбирая такое название, переводчик использовал аллюзию на басню Эзопа *The Ant and the Grasshopper*, которая в русской культуре известна под названием «Стрекоза и муравей». Таким образом, *Grasshopper* в сознании читателей воспринимается как существо получающее удовольствие от жизни сейчас, но не задумывающееся о будущем. С такой позиции можно считать перевод названия удачным, однако и в нём есть недостаток. Вызвано это отсутствием грамматической категории рода в английском: попрыгунья — женский род, *grasshopper* — непонятно. То есть из названия исчезает указание на пол главного действующего лица.

Приведённые примеры показывают, что нередко переводчики сталкиваются с трудностями при переводе названий русских произведений. Но это отнюдь не означает, что проблемы не возникают при переводе названий на русский язык. Обратимся к роману К. Кизи «Пролетая над гнездом кукушки». В оригинале название звучит так *One Flew Over the Cuckoo's Nest*. На первый взгляд перевод вполне удачный (сейчас мы не будем касаться грамматических конструкций, нас интересует только лексическое значение). Важно отметить, что действие романа разворачивается в доме для душевно больных. Теперь обратимся к словарю и посмотрим дефиницию слова *cuckoo*, а именно второе значение: «adj. crazy or silly». Таким образом, можно сделать вывод, что под *Cuckoo's Nest* автор

подразумевает именно сумасшедший дом. Но в русском языке слово *кукушка* не ассоциируется со слабоумием. Поэтому можно сделать вывод, что игра слов в английском названии остаётся нераскрытой для русских читателей.

Приняв во внимание вышеупомянутые примеры, мы можем сделать вывод, что при переводе названий художественных произведений могут возникнуть семантические потери за счет игры слов, скрытой в названии (романы «Война и мир» и *One Flew Over the Cuckoo's Nest*), или же лексических особенностей, адекватно воспринимаемых на родном языке и непереводаемых на другой (рассказ «Попрыгунья»).

Ещё одно неожиданное наблюдение: иногда очевидна замена понятий в названии оригинала и перевода, однако это нельзя считать недостатком перевода, а, скорее, его достоинством. Так, роман Томаса Майн Рида «The Wild Huntress» (1861) вышел на-русском языке под названием «Отважная охотница». Это произведение повествует о судьбе смелой девушки индианского происхождения. Давая своей героине такую характеристику, как «wild», писатель, скорее всего, размышлял о её близости к природе, её непокорности [wild. Adj.: 1. living in a natural state, not changed or controlled by people; 4. behaving in an uncontrolled, sometimes violent way] Однако если бы русский читатель увидел словосочетание «дикая охотница», он подумал бы о каком-либо животном или же о неконтролируемой женщине (дикий. Прил.: 1. находящийся в первобытном состоянии; 2. Грубый, необузданный; 3. Нелепый, странный; 4. Чуждающийся людей, застенчивый; 5. Необычайный, очень сильный (разг.); 6. Не связанный ни с какими организациями, действующий самостоятельно). А вот название «Отважная охотница» вполне соответствует образу, созданному автором, и не режет глаз русскому читателю.

Теперь рассмотрим художественные произведения, названные по имени главного героя. В 1850 г. один из величайших англоязычных прозаиков XIX в. Чарльз Диккенс закончил работу над романом “David Copperfield”. И уже в 1851 г. этот роман смогли прочитать российские читатели в журнале «Современник». Перевод подготовил И.И. Введенский. Название романа тогда звучало так: «Давид Копперфильд». А вот переводчики XX в. называли главного героя Дэвид. Чем это можно объяснить? Конечно теми канонами, по которым работали переводчики разных столетий. Как пишет Н.К. Гарбовский в своей книге «Теория перевода», в современном мире предпочтительнее пользоваться транскрипцией для передачи имени собственного. И именно поэтому сейчас в книжном магазине можно увидеть только роман «Дэвид Копперфильд». Однако раньше нормой считалась транслитерация, да и имя Давид было ближе русскому читателю, нежели Дэвид.

Предлагаю вернуться ещё на пару веков назад и посмотреть, какие решения принимали переводчики XVIII в. Около 1775 г. И.Ф. Богданович сочинил вольную повесть в стихах — «Душеньку», подражая Лафонтену, заимствовавшему свой сюжет из Апулея «Любовь Психеи и Купидона» (1669). Имя главной героини у Апулея — Психея, но зная, что по-гречески *psiho* (ψυχή) — душа, русский поэт назовёт её Душенькой. Таким образом, можно утверждать, что Богданович переложил греческое имя на русский лад. И образ этот закрепился! Ведь каждый с лёгкостью узнает строки: «Во всех нарядах, Душенька, ты хороша!» С одной стороны, Богданович отказался от использования имени собственного, уже закрепившегося в мировой литературе. Однако как «по-русски душевно» звучит его вариант имени героини!

Ещё одна проблема, с которой сталкиваются переводчики, — это реалии. Часто бывает так, что в художественном произведении встречается слово, присущее только одному языку (т.е. языку оригинала), поскольку оно обозначает какую-либо реалию, характерную только для данной культуры. «Переводчики избирают разные способы перевода реалий в зависимости от того, насколько значительную функцию выполняет тот или иной знак-реалия для поэтики переводимого текста», — пишет профессор Н.К. Гарбовский. В качестве решения он предлагает заменить термин исходного текста «дефиницией, т.е. развёрнутым определением». Однако если речь идёт о названии произведения, то таким приёмом переводческой перифразы, возможно, воспользоваться не удастся, поскольку основная черта заглавия — краткость, а развёрнутое определение может предполагать большое количество слов. Рассмотрим конкретный пример. Название романа А.И. Солженицина «Архипелаг ГУЛАГ» содержит аббревиатуру от Главное Управление ЛАГерей. ГУЛАГ — исключительно советская реалия, обозначающая советскую репрессивную систему. Английский перевод романа публиковался под названием *The Gulag Archipelago*. Мы видим, что для передачи акронима переводчик использовал транскрипцию. Чтобы понять его выбор, посмотрим, какие ещё были возможны варианты перевода. Во-первых, переводчик мог расшифровать эту аббревиатуру для своих читателей, но тогда русское коротенькое «ГУЛАГ» заменилось бы длинным английским «Chief Administration of Corrective Labour Camps» (Главное Управление Исправительно-Трудовых Лагерьей). Но такая конструкция слишком тяжеловесна для названия. Другой вариант — сделать аббревиатуру из «Chief Administration of Corrective Labour Camps». Тогда получилось бы «CACLC». Но такое сокращение не будет понято английским читателем, так как оно не характерно для английского языка. Таким образом, переводчик принимает решение сохранить русский акроним, дав его транскрипцию в своём переводе.

Обобщая всё вышесказанное, хочу обратить внимание на то, что название — важная составляющая художественного произведения. Поэтому при переводе заглавия необходимо максимально полно отразить мысль, которую в него вкладывал автор оригинала. Но при этом нельзя забывать, что автор и переводчик говорят на разных языках, в разных культурах и иногда о разных исторических реалиях, поэтому абсолютного соответствия между оригинальным и переводным произведением достичь невозможно.

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
- Горшков А.И.* Русская стилистика: Учеб. пособие. М.:ООО «Издательство Астрель», 2001.
- Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]: www.wikipedia.org
- Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003.
- Dictionary of Contemporary English/Director Della Summers. 4th edition. England. Longman, 2005.

О.В. Оришак,

кандидат филологических наук, начальник кафедры французского языка
Военного университета МО РФ. E-mail: c_you@inbox.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ СМЫСЛА В ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматриваются основные этапы процесса перевода и их особенности. Понимание текста, предполагающее перевоплощение и вживание, обеспечивает успешное переводческое решение и связано прежде всего с особенностями мышления переводчика и зависит от психологического склада его личности. В ходе второго этапа процесса перевода происходит воплощение (актуализация) смысла текста оригинала в новом речевом сообщении.

Таким образом, в ходе перевода, представляющего собой сложный психолингвистический процесс, в сознании переводчика значения отдельных элементов высказывания и значение высказывания в целом через постижение его общего смысла преобразуются в новые значения.

Ключевые слова: смысл и значение, понимание, языковые правила, интерпретация текста, герменевтика, актуализация смысла, знания и ассоциации.

Olga V. Orishak,

Cand. Sc. (Philology), Head, French Language Department, Military University of the Russian University.

Sense Actualization in Translation

The paper examines the main stages and characteristics of the translation process. Comprehension of the text, which is predicated on transformation and empathy, provides the key to a successful translation. It is also linked to the interpreter's specific thinking and depends on the distinctive psychological features of his/her personality. The second stage of the translation process includes the sense actualization of the original text in the new speech message. During the complex psycholinguistic process of translation, the meanings of separate elements of the statement and the meaning of the statement as a whole are thus transformed through comprehension of the general sense, into new meanings in the interpreter's consciousness

Key words: Sense and meaning, understanding, language rules, text interpretation, sense actualization, hermeneutics, knowledge and associations.

Восприятие, перевод и воспроизведение текста связаны со сложной психической деятельностью человека. Неопределённость понятия восприятия, подразумевающего целостное отражение предметов, ситуаций и событий, в контексте теории перевода требует более широкого толкования, как совокупности понимания и оценки.

Однако и такая позиция приводит к известному упрощению первой и основополагающей фазы процесса перевода и не позволяет в полной мере понять закономерности и обусловленность изменений исходного текста и сущность самого процесса перевода, поскольку не учитывает того, что и само понимание, т.е. обнару-

жение смысла, осуществляется в процессе интерпретации. В свою очередь, без оценки невозможна конкретизация и актуализация смысла оригинала и его реализация в материальной форме в тексте перевода.

Философская концепция понимания, делавшая упор на лингвистической («грамматической») стороне истолкования текста, была предложена Ф. Шлейермахером. Согласно этой концепции, чтобы понять целое, необходимо понять его отдельные части, но для понимания отдельных частей уже необходимо иметь представление о смысле целого. Позднее эта особенность процесса понимания получила название герменевтического круга, который подразумевает взаимообусловленность объяснения и интерпретации, с одной стороны, и понимания — с другой; для того чтобы нечто понять, его необходимо объяснить, и наоборот.

М.М. Бахтин указал на очень важное отличие понимания и объяснения: «Понять автора произведения — значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, то есть другой субъект («Du»). При объяснении — только одно сознание, один субъект; при *понимании* — два сознания, два субъекта. К объекту не может быть диалогического отношения, поэтому объяснение лишено диалогических моментов (кроме формально-риторического). Понимание всегда в какой-то мере диалогично» [Бахтин, 1975, с. 289—290].

Кроме того, само понимание текста предполагает возможность понять произведение так, как понимал его автор; при этом такому пониманию предшествует глубокое научное изучение, попытка вжиться в чужую культуру, проникнуться чужими идеями, отказавшись от своей индивидуальности, перевоплотиться в автора.

Именно такое перевоплощение и вживание, по мнению большинства переводчиков, как практиков, так и теоретиков, обеспечивает успешное решение переводческой задачи. Однако подобное представление носит обманчивый характер: во-первых, потому что процесс творчества очень часто протекает неосознанно. Во-вторых, перевод — это прежде всего творчество конкретной личности.

Естественно, что переводчик, выступая в роли посредника между двумя культурными традициями, понимает, истолковывает и оценивает оригинал не так, как автор, современник или соотечественник автора.

Для читателя, находящегося внутри данной языковой картины мира, содержание текста не только более прозрачно и открыто, но и всегда формально более информативно. Для понимания подтекста, аллюзий, реконструкции реальных прототипов героев или скрытого смысла изображаемых событий ему не требуется дополнительная исследовательская работа, подобная той, которую вынужден осуществить переводчик или составитель комментария.

Человек, обладающий определённой языковой картиной мира, без труда воспринимает имплицитно заключённую в тексте информацию об обычном, типическом, понятном для данной языковой общности. Так, за русскими выражениями и понятиями — *показать кузькину мать; коня на скаку остановит, в горящую избу войдет; драть как сидорову козу; баба с возу — кобыле легче; лезть в бутылку; остаться у разбитого корыта; джигит, казак; Воланд, Чичиков, Тарас Бульба, Раскольников* и т.п. — для носителей языка стоят вполне конкретные знания или ассоциации. В их основе лежит жизненный и языковой опыт говорящего или слушающего. В переводе восстановить эти ассоциации можно только эксплицитно, прибегая к сноскам, комментариям, объяснениям, но часто информация о типическом утрачивается.

Ю.М. Лотман обратил внимание на очень важную особенность восприятия фактов окружающей действительности и культуры изнутри (соотечественниками) и снаружи (иностранцами): «Наблюдая одну и ту же действительность, иностранец и местный житель создаёт различные тексты, хотя бы в силу противоположности направления интересов. Наблюдатель собственной культуры замечает происшествия как отклонения от нормы, но не фиксирует самую эту норму, как таковую, поскольку она для него не только очевидна, но и порой незаменима: «обычное» и «правильное» ускользает от его внимания. Иностранцу же странной и достойной описания кажется самая норма жизни, обычное «правильное» поведение, напротив, сталкиваясь с эксцессом, он склонен описывать его как обычное» [Лотман, 1998, т. 3, с. 139].

А. Макин в своей книге «Le testament français» говорит о том, что все его русские родственники прислушивались с особым вниманием и интересом к мнению его бабушки француженки Шарлоты. Она приехала в Россию из Франции по своей воле, видела русскую жизнь через призму иной культуры и открывала им глаза на некоторые неожиданные аспекты их жизни: «...Дело в том, что Шарлота как бы сохраняла свою экстерриториальность под русским небом. Жестокая история огромной империи, с её голодом, революциями, гражданскими войнами, не имела к ней отношения... У нас, русских, выбора не было. Но она? Глядя на Россию глазами Шарлоты, они не узнавали свою страну, потому что то был взгляд иностранки, иногда наивной, но зачастую более проницательной, чем они сами. В глазах Шарлоты отражался тревожный, полный стихийных откровений мир — непривычная Россия, которую им нужно было познать» (Макин, 1996, с. 49).

А.Р. Лурия, в частности, пишет: «Характерно, что «глубина прочтения текста» вовсе не зависит от широты знаний или степени образования человека. Она вовсе не обязательно коррелирует

с логическим анализом поверхностной системы значений, а больше зависит от эмоциональной тонкости человека, чем от его формального интеллекта. Мы можем встретить людей, которые, с большой полнотой и ясностью понимая логическую структуру внешнего текста и анализируя его значение, почти не воспринимают того смысла, который стоит за этим значением, не понимают подтекст и мотивы, оставаясь только в пределах анализа внешних логических значений» [Лурия, 1975, с. 246]. И далее автор приходит к важному выводу: «Эта способность оценивать внутренний подтекст представляет собой совершенно особую сторону психической деятельности, которая может совершенно не коррелировать со способностью к логическому мышлению. Эти обе системы — система логических операций при познавательной деятельности и система оценки эмоционального значения или глубокого смысла текста — являются совсем различными психологическими системами» [там же, с. 246—247].

Таким образом, способность переводчика к прочтению, интерпретации текста, пониманию его глубинной структуры (смысла), определяется прежде всего особенностями его мышления, которые складываются под воздействием форм общественной жизни и зависят от психологического склада его личности, от его «эмоционального интеллекта».

Очевидно, что первые этапы понимания — понимание значения отдельных элементов текста — слов и предложений — происходят главным образом в рамках языковых правил. Процесс понимания начинается с понимания значения отдельного слова — лексической единицы речи, затем должна быть правильно понята структура целого предложения и раскрыт смысл образующей его системы слов, причем только выявляя поверхностно-синтаксическую структуру предложения, переводчик может перейти к пониманию общего смысла предложения.

Если на этом этапе понимания текста переводчик не выяснил значений отдельных слов, не уяснил для себя логические и синтаксические связи между словами, понимание сообщения будет неполным или искаженным его догадками или собственными дополнениями-разъяснениями, отсутствующими в тексте оригинала.

Таким образом, начальные этапы понимания текста детерминированы прежде всего языковой и общекультурной компетенцией переводчика, его интеллектуальными способностями, профессиональной интуицией и профессиональной подготовкой в целом. А вот следующий этап — понимание целого сообщения (текста) — не исчерпывается пониманием значения отдельных предложений или их суммы и предполагает переход от «внешнего значения целого высказывания к его внутреннему подтексту (смыслу)» [там же, с. 149].

Переводческая интерпретация текста предполагает, что научное (филологическое) изучение текста, т.е. его идентификация (распознавание образов, их сопоставление, обобщение, анализ знаковой системы и т.п.), в процессе понимания должно быть неразрывно связано с эмоциональным переживанием, т.е. «возможностью» переводчика поставить себя на место другого. Этот особый вид понимания в психологии называется *эмпатией* (от греч. *empathia* — сопереживание) — «постижение эмоционального состояния, проникновение-вчувствование в переживания другого человека» [КПС, 1998, с. 461].

О диалектическом взаимодействии понимания (идентификации) и переживания (эмпатии) писал также М.М. Бахтин, замечание которого о «понимании повторимых элементов и неповторимого целого» в полной мере относится к процессу понимания текста переводчиком: «Основная задача понимания отнюдь не сводится к моменту узнавания применённой говорящим языковой формы как знакомой, как «той же самой» формы... Нет, задача понимания в основном сводится не к узнаванию применённой формы, а именно к пониманию её в данном конкретном контексте, к пониманию её значения в данном высказывании, т.е. к пониманию её новизны, а не к узнаванию её тождественности» (Цит. по: [Общая психолингвистика, 2004, с. 86]).

Переводческая интерпретация, таким образом, должна соединять в себе герменевтический подход, предполагающий постижение смысла текста оригинала как сообщения, представляющего собой самовыражение одного субъекта (автора), адресованного другому субъекту (получателю), со структурно-семиотическим подходом, в основу которого положена трактовка текста как совокупности определённым образом взаимосвязанных элементов или знаков.

Идеи М.М. Бахтина о понимании «как превращении чужого в «своё-чужое», о диалогичности понимания, его принципиальной двухсубъектности, подтверждают вывод о том, что в процессе интерпретации текста оригинала переводчиком понимание и оценка являются неразделимыми, одновременными и взаимозависимыми.

При рассмотрении условий, при которых происходит реализация интерпретации текста оригинала в тексте перевода, необходимо учитывать, что содержание оригинала существует в сознании переводчика в виде его проекции — выявленного в ходе интерпретации смысла текста; и этот смысл необходимо оформить в речи по-новому. При этом нужно учитывать тот факт, что «подлежащая речевой формулировке мысль всегда является субъективной» [Лурия, 1975, с. 9—10], т.е. в ней всегда присутствуют именно те признаки,

которые были выделены субъектом речи в соответствии с его мотивами, интенциями и потребностями.

Л.С. Выготский именно этот субъективный характер мысли, подлежащей речевому оформлению, обозначал термином «смысл» и противопоставлял его другому термину — «значение». При этом он понимает «значение» как «неподвижный и неизменный пункт, который остаётся устойчивым при всех изменениях смысла слова в различном контексте». (Цит. по: [Общая психоллингвистика, 2004, с. 33]).

На следующем этапе процесса перевода Л.С. Выготский, как известно, предположил существование промежуточного звена — «внутренней речи», благодаря которой «мысль совершается в слове» [там же, с. 19]. По его мнению, лишённая грамматической структуры мысль через аморфную (свернутую) по структуре и предикативную по своей функции внутреннюю речь превращается в развёрнутую речевую конструкцию, наделённую грамматической структурой. А.Р. Лурия, развивая это положение, пришёл к выводу, что внутренняя речь «является механизмом, превращающим внутренние субъективные *смыслы* в систему внешних развёрнутых речевых *значений*» [Лурия, 1975, с. 10].

В процессе перевода в сущности происходит такой же переход от мысли (смысла, проекции оригинала, существующего в сознании переводчика также в форме внутренней речи на родном языке) к развёрнутому речевому сообщению (ПТ).

Л.В. Щерба в статье «О трояком аспекте языкового явления и об эксперименте в языке» подчеркивает, что «все формы и все сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи, в результате весьма сложной игры, сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента... Этот механизм, эта речевая организация человека никак не может просто равняться сумме речевого опыта (подразумеваю под этим говорение и понимание) данного индивида, а должна быть какой-то своеобразной переработкой этого опыта» [Щерба, 2008, с. 25].

Исходя из того, что «все языковые величины, которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания», Щерба, делает вывод о диалектической противоречивости опыта речевой деятельности и отмечает, что «интересы понимания и говорения прямо противоположны, и историю языка можно представить как постоянное возникновение противоречий и их преодоление» [там же, с. 30].

Возникновение противоречий и их преодоление — это основная характеристика второго этапа процесса перевода: актуализации

(воплощении) смысла текста оригинала в новом речевом сообщении (ПТ).

Известно, что многое из того, что переводчик осознаёт в процессе порождения речевого высказывания, неизбежно остаётся невыраженным в тексте перевода. Кроме того, в тексте оригинала, как и в любом речевом произведении, может быть отражено и не до конца осознанное самим автором содержание, подтекст, который переводчик должен реконструировать. А в процессе создания переводчиком нового текста, в свою очередь, возникает новый подтекст, возможно, неосознанный переводчиком, но понятный читателю перевода.

Итак, в оформлении речевого высказывания (ПТ) в диалектическом взаимодействии оказываются глубинная логико-синтаксическая и формально-грамматическая структуры. По этому поводу И. Левый пишет: «Язык не только материал, в котором реализуются творческие замыслы — сперва авторский, а затем переводческий, но он в некоторой, разумеется, ограниченной, мере активно участвует в обоих творческих актах. Языковой материал непременно влияет на характер передаваемого сообщения. Он вмешивается в его дефинитивные формы пассивно (тем, что сопротивляется или способствует наиболее естественному для данного материала выражению) и активно (тем, что с помощью языковых и иных ассоциаций привлекает в текст новые элементы содержания, которых не было в составе идейной концепции подлинника и которые не могли бы из нее самостоятельно вырасти)» (Левый, 1974, с. 55).

Несомненно, многие потери при переводе носят объективный характер. Переводчик вынужден в процессе перевода преодолевать системные межязыковые расхождения, учитывать асимметрию культурных реалий, принимать во внимание стилистические нормы и т.п. Однако потери при переводе отнюдь не объясняются только объективными факторами, и не только объективные факторы влияют на переводческий выбор. В не меньшей степени этот выбор предопределен субъективными факторами, а именно способностью конкретного индивида — переводчика — расшифровать то, что зашифровано автором в тексте оригинала, то есть расшифровать выбор автора.

Таким образом, итогом анализа основных этапов процесса перевода и их особенностей является вывод о том, что перевод (интерпретация оригинала) представляет собой сложный психолингвистический процесс, в ходе которого в сознании переводчика значения отдельных элементов высказывания и значение высказывания в целом через постижение его общего смысла преобразуются в новые значения.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Марксизм и философия языка. М., 1975.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2005.
- Краткий психологический словарь (КПС). 2-е изд., расш. и доп. / Ред.-сост. Л.А Карпенко; Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.
- Левый Иржи.* Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974.
- Лотман Ю.М.* Собрание сочинений // Моск. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, Тартус. ун-т. М.: ОГИ, 1998.
- Лурия А.Р.* Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.
- Макин А.* Французское завещание / Пер. Ю. Яхниной, Н. Шаховской // Иностранная литература. 1996. № 12.
- Общая психолингвистика: Хрестоматия. Учеб. пособие / Сост. К.Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2004.
- Хомский Н.* Язык и проблемы знания (1988) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Филология. 1995. № 4.
- Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языке // Языковая система и речевая деятельность. 4-е изд. М.: ЛКИ, 2008.

Е.А. Чагинская,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков переводческого ф-та АФСБ РФ, докторант кафедры теории словесности МГЛУ. E-mail: melemma@inbox.ru, burnout4@yandex.ru

МЕТАМОРФОЗЫ СМЫСЛА: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СРАВНИТЕЛЬНО-ЭКЗЕГЕТИЧЕСКОГО МЕТОДА

В статье рассматривается лингвистический метод, состоящий в сравнении соответствующих друг другу фрагментов переводов Библии. Метод позволяет через анализ выбора лексических средств выражения установить особенности передачи разными переводами одного и того же смыслового содержания. Смысл текста оказывается обращён разными гранями к разным народам в соответствии со спецификой их ментальности и ценностных ориентаций; последние таким образом можно описать с большой долей объективности. В трактовке понятия «смысл» автор опирается на лингвофилософскую концепцию А.Ф. Лосева.

Ключевые слова: ономатическая диалектика, образ мира, экзегетический, полиглотты, смысловые вариации.

Yelena A. Chaginskaya,

Cand.Sc. (Philology), Assistant Professor, Department of Romance Languages, Academy of the Federal Security Guard Service of the Russian Federation. E-mail: melemma@inbox.ru

Conversions of sense: looking through the prism of the comparative-exegetic method

The present article focuses on a linguistic method that consists in the comparison of synoptic fragments of the Bible in different translations. This method allows for the study of sense variations characteristic of different translations through an analysis of the process of the choice of lexical means of expression. The same sense changes given exposure to different nations as a result of their specific mentality and values, which can thus may be described with considerable objectivity. In treating the concept "sense", the author has been guided by Alexei F. Losev's philosophical concepts.

Key words: onomatic dialectics, world image, exegetic, polyglots, sense variations.

Статья «смысл» отсутствует в Лингвистическом энциклопедическом словаре издания 1990 г., который по замыслу составителей адресован широкому кругу филологов, преподавателей и студентов, а также специалистам смежных областей знания (философов, психологов, логиков и т.д.). Это объяснимо: среди языковедов сегодня преобладает убеждение, что смысл является категорией не лингвистической, а коммуникативной, при этом «между языковым значением и смыслом существует отношение, похожее на то, которое устанавливается между философскими категориями *формы* и *содержания*» [Львовская, 2008, с. 51]. Содержание, будучи всегда более или менее субъективным, текучим и зависимым от специфики коммуникативной ситуации (или задачи), оказывается вне

фокуса внимания лингвистики, оберегающей отношение к языку как к самой совершенной из могущих существовать многочисленных знаковых систем. Давать оценку каким-либо концепциям, тем более выработанным на основе всего опыта филологической науки и сформулированным признанными специалистами, никак не входит в наши намерения. Из истории науки известно, что любая концепция имеет сильные и слабые стороны, любая позиция со временем претерпевает изменения или сменяется другой, часто противоположной. Заметим только, что, на наш взгляд, отнесение смысла к области компетенции теории коммуникации рационально и удобно — например, с точки зрения преподавания лингвистических и переводческих дисциплин, с точки зрения определения подходов к практике перевода, оценки степени эквивалентности переводов и т.д.

Имеется и ряд неудобств. Мы не вычёркиваем смысл из номенклатуры лингвистических категорий, просто отбрасывая его куда-то «во тьму кромешную»; мы как бы делегируем смысл — для его рассмотрения — смежной с лингвистикой дисциплине, которая была вызвана к жизни своим временем и которая обращена к изучению действительности языка опять же сквозь призму приоритетов данного времени. О времени говорим намеренно, поскольку возникновение теории коммуникации, без сомнения, есть следствие «информационного взрыва» и трансформации сознания — двух едва ли не основных факторов, определивших облик новейшей социальной эпохи [Степанов, 2008, с. 49—51]. Как дитя века «теория коммуникации нуждается в такой рефлексии собственных оснований, которая бы не полагала саму теорию коммуникации изначальной и очевидной данностью, но могла рассмотреть её, как возникающую и развивающуюся в определённом социально-историческом контексте» [там же, с. 50]. Замечание, высказанное коллегой, на наш взгляд, необходимо иметь в виду для того, чтобы точнее представить себе особенности той гносеологической ниши, в которой сегодня определено место смыслу.

Пусть смысл есть категория коммуникативная — тогда границы того, что есть коммуникация, требуется очертить. Интрига вырисовывается следующая: а что *не есть* коммуникация? Есть ли для человека что-либо *мыслимое*, с чем мысль моментально не вступила бы в коммуникацию, что было бы лишено *смысла*? Если, как утверждает, например, коммуникативная теория перевода, смысл элемента текста (слова, словосочетания и т.д.) невозможно понять вне коммуникативной ситуации, то означает ли это, что слово само по себе не имеет смысла, бессмысленно? Если смысл *возникает* (в монологической речи, в диалоге или в паузе, в молчании),

то откуда, из чего он возникает? Вот, например, Бертран Рассел, один из тех философов, чьим трудам мы обязаны произошедшими в XX в. изменениями в представлениях о коммуникации, приводит пример, имеющий некоторое отношение к нашей теме. «Когда зубной врач причиняет вам боль, вы непроизвольно можете застонать; это не считается речью. Но если он говорит: “Дайте мне знать, если вам будет больно”, — и вы затем издадите тот же стон, то этот стон становится уже речью и, более того, речью, предназначенной для передачи информации» [Рассел, 1957, с. 92]. Из этого примера, как представляется, следует, что осмысленная речь отличается от невнятного мычания наличием коммуникативной задачи; но тогда возникает вполне риторический вопрос: разве стон пациента, возникший спонтанно, не был бы понят врачом в том же смысле, что и стон «по заявке»? Наконец, все мы знаем, что даже полноценное слово, имеющее известные значения и употребляемое в конкретной коммуникативной ситуации, вовсе не всегда несёт в себе смысл, достойный внимания или передачи средствами другого языка при переводе. Такого рода недоумения возникают, очевидно, потому, что в теории коммуникации на первый план выдвигается именно прагматический аспект языка.

А.Ф. Лосев рассматривает слово как ценное само по себе и в себе заключающее коммуникативный момент. Может быть, классик отечественной науки согласился бы с тем выводом, который сам Б. Рассел делает из приведённого им примера с зубной болью: «...в материале языка, как и в других его сторонах, имеет место непрерывная градация от поведения животного до поведения самого педантичного учёного и от доречевых шумов до отточенной дикции лексикографа» [там же]. Лосев, однако, рассматривает градацию совершенствующихся форм бытия не иначе как лестницу степеней проявленности смысла: «Нельзя ведь забывать того, то слово рождается наверху лестницы существ, входящих в живое бытие, и что человеком проделывается огромная эволюция, прежде чем он сумеет разумно произнести осмысленное слово. Проанализировать слово до конца значит вскрыть всю систему категорий, в которой работает человеческий ум, во всей их тесной сросшенности и раздельном функционировании. Вот почему всякое знание и всякая наука есть не что иное, как знание и наука не только в словах, но и о словах. Выше слова нет на земле вещи более осмысленной. Дойти до слова и значит дойти до смысла» [Лосев, 1993, с. 742]. Выраженность смысла, по Лосеву, есть основной признак слова, при этом смысл — един, но на разных этапах структуры слова проявляется в разной степени. В минимальной — на уровне пятиступенчатой фонематической «оболочки» слова, в максимальной — на гипер-

ономатическом уровне, где нужда в каких-либо внешних формах отпадает. «Нормальное человеческое слово» располагается в конце первой трети восходящего пути, то есть там, где лишь начинает развёртываться смысловая перспектива. Иначе говоря, там, где лишь начинается коммуникация со смыслом, в которую — через слово — вступает человеческий разум. {NB: строго говоря, только этот начальный фрагмент философии имени А.Ф. Лосева содержит описание семантической структуры слова; им мы и ограничимся, поскольку дальнейшие этапы лосевской ономатической диалектики касаются уже над-семантического уровня постижения «тайны имени».}

Смысл, заложенный в «нормальном человеческом слове», позволяет вхождение в себя, переживание себя, познание себя, понимание на уровне идеи. Термином «идея» в лосевской терминологической парадигме обозначен слой семантической структуры слова, предполагающий адекватную корреляцию предметности в сознании [Лосев, 1993, с. 655], т.е. такое понимание смысла, которое, будучи в минимальной степени окрашено субъективным или ситуативно-обусловленным восприятием, стремится к целостному охвату именуемой вещи. {NB: лосевская дефиниция идеи не может не вызвать в памяти варианты определения истины, восходящие к *veritas est adaequatio intellectus ad rem* Аквината и так или иначе постулирующие тождество представления и вещи; такая параллель нам не кажется слишком произвольной.} Именно на постижение этого уровня семантики слова, идеи направлен сравнительно-экзегетический метод.

Тот несомненный факт, что разные народы по-разному видят одни и те же вещи, не только разделяет эти народы, но и соединяет их общностью цели постижения смысла через различные способы его выражения. По А.Ф. Лосеву, имя вещи, звучащее на каком-либо одном языке, отражает специфичный для говорящего на данном языке народа аспект вещи, именно тот, который «обращён» к именуемому вещь народу. На этой основе и строится сравнительно-экзегетический метод, состоящий в том, что мы сравниваем между собой соответствующие фрагменты библейских текстов, представляющих собой переводы на разные языки. О конечной цели такого сравнения вполне можно было бы сказать словами Г. Гачева, хотя они и относятся к сравнительному анализу другого материала: «Нас интересует не национальный характер, а национальное воззрение на мир, не психология, а, так сказать, гносеология, национальная логика, склад мышления: какой “сеткой координат” данный народ улавливает мир и соответственно какой Космос (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок) выстраивается перед

его очами и реализуется в его стиле существования, отражается в созданиях искусства и теориях науки» [Гачев, 2003, с. 16]. Нельзя не согласиться с Г. Гачевым и в том, что процесс исследования национального своеобразия той или иной культурной целостности легко может оказаться под влиянием индивидуальных предпочтений автора, следствием чего явится «произвол, импрессионизм и необязательность суждений» [там же, с. 17]. Гачев средство нейтрализации субъективного фактора видит в применении сравнительно-исторического подхода, в доброжелательности исследователя и сформулированной им для себя «презумпции непонимания», минимизирующей влияние предубеждений и пресуппозиций. Соглашаясь с убеждением в полезности именно такой установки, мы, однако, первоочередную «гарантию от субъективизма» видим в выборе и отграничении материала для исследования. Переводы библейских канонических текстов, по-видимому, являются в этом смысле лучшим материалом, и в пользу такого утверждения можно привести много аргументов.

Во-первых, для развития нашей темы важно отметить, что Библия задала базовые ценностные ориентиры для *всего* христианского мира; определила общие для *всего* этого мира доминанты морально-этических кодексов и обусловила эвристическую направленность европейской цивилизации *в целом*. Наличие этой обширной «зоны консенсуса» очень важно, поскольку на её фоне особенно рельефно выступают отличия. Через анализ выбора лексических средств выражения в переводах можно установить особенности передачи разными переводами одного и того же смыслового содержания. С некоторой долей приблизительности можно было бы сформулировать эту мысль так: с одной стороны, мы опираемся на презумпцию значения Библии для формирования всего христианского мира; с другой стороны, мы говорим о значении переводов Библии для формирования отдельных социумов и культур.

Во-вторых, авторитетные переводы выполнены с ограниченного количества оригиналов. В содержании текстов, принадлежащих разным библейским традициям, имеется некоторое количество разночтений, что объясняется как древностью переводимых рукописей, так и влиянием сложившейся ко времени перевода в той или иной среде экзегетической традиции [ПЭ, Т. 5, с. 92]. Последнее обстоятельство в нашем случае выглядит скорее как достоинство, поскольку нам интересно именно то, *как* переводчик *увидел* (интерпретировал) переводимый текст; нам интересны смысловые вариации.

В-третьих, статус Библии как величайшей святыни не мог не сказаться на отношении переводчиков к её тексту. Библейские пере-

воды явились драгоценным плодом существования соответствующих экзегетических школ; уже поэтому количество произвольных переводческих решений, которые не находились бы в согласии с глубокими (часто многовековыми) традициями научного осмысления библейского текста, должно оцениваться как минимальное. Мы оставим в стороне вопрос о богодухновенности Библии (и её переводов). Как бы ни прозвучал ответ лично для того или иного учёного, добросовестный исследователь не станет отрицать системного характера библейского текста. {NB: удобная метафора: единая ткань, каждую ниточку которой, потянув с одного края, можно проследить до другого.} Цельность, единство текста отражаются даже в том, что наименование «Библия» (> τὰ βιβλ...α 'книги': *мн. ч.*) во всех языках, через Вульгату, воспринято как слово в единственном числе. Переводы по-своему отразили этот системный характер текста. На практике это означает, что любое слово употреблено не потому, что «понравилось» переводчику, но постольку, поскольку оно вписывается в цельную картину повествования.

В-четвёртых, библейские тексты ориентированы на задачу убедить и философа, и пастушку. «Моисей описывает шестидневное творение не как естествослов, для одних мудрых, но как богослов, для мудрых и простых вкупе» [Филарет, 2004, с. 29]. Сказанное митрополитом Филаретом в толкованиях на Книгу Бытия равно могло бы относиться ко всему корпусу библейских текстов. Каждому человеку, сообразно его жизненному опыту, расположению, образованности, Писание может открыть разные смысловые слои, но это будут слои одного и того же смысла. Перевод, адресованный *всему народу*, с неизбежностью должен учитывать образ мысли и образ мира, свойственные этому народу.

Представим и прокомментируем несколько примеров. Для удобства фрагменты библейских переводов помещены в таблицу и расположены в четырёх колонках. Мы рассматриваем церковнославянский перевод (левая колонка), русский (вторая слева), латинский (третья слева) и испанский (правая колонка). В данном случае мы пользуемся наиболее распространёнными и общедоступными изданиями Библии на указанных языках, получившими церковное одобрение. В следующей строке приводится лексико-семантический комментарий. В нижней строке таблицы (там, где она есть) приводится тот фрагмент текста, который является предметом рассмотрения, на греческом; комментарии к греческому тексту основаны на: [ГРНЗ; Вейсман, 2006; НЗГ]. Комментарии на церковнославянский текст даны по: [Дьяченко, 2005]. Ссылки на книги Библии даются в одной из разновидностей общепринятых сокращений.

Ин 1:1			
Въ началѣ бѣ слово, и3 слово бѣ къ бг7у, и3 бг7ь бѣ слово	В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог	In principio erat Verbum et Verbum erat apud Deum et Deus erat Verbum	Al principio era el Verbo, y el Verbo estaba en Dios, y el Verbo era Dios
<p><u>В Вульгате:</u> apud: <i>praep. cum acc.</i> ‘у, при, возле’ <i>apud populum</i> ‘в присутствии народа’; <i>apud Platonem</i> ‘у Платона, по Платону’.</p> <p><u>В испанской версии:</u> en: в данном случае выявляется значение ‘в; внутри; в составе’</p>			
<p><u>В греческом тексте:</u> καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν ‘и Слово было к Богу’; πρὸς (с вин.п.) ‘к, по направлению к’; στόμα πρὸς στόμα ‘лицом к лицу’</p>			

Текст Евангелия от Иоанна, существенно отличающийся от творений синоптиков, открывает имплицитный смысл евангельского повествования. Выделенные предлоги имеют отношение к представлению тайны извечного единения Слова с Богом Отцом. «Иоанн хочет сказать этим, — пишет А.П. Лопухин, — что Логос стоял в известном взаимоотношении к Богу Отцу как отдельная самостоятельная личность» [Лопухин 2004, с. 838]. Все четыре перевода по-разному рисуют эти взаимоотношения, и, может быть, это тот самый случай, когда полнота смысла достигается сложением различных переживаний и осмыслений, суммированием того, что увидено с разных точек.

В приведённом примере в центре нашего внимания вновь оказывается значение предлогов. Церковнославянский и русский переводы передают смысл: человек помышляет (и творит) зло, поскольку душой он ещё дитя, т.е. предлог «от» выявляет значение указания на причину (ср.: *подпрыгнуть от удивления; покраснеть от слёз* и т.д.). Это значение следует из логики ближайшего контекста. Оно также соответствует и логике повествования на церковнославянском и русском в целом (но только на этих языках). Дело в том, что в девятой главе, т.е. непосредственно за констатацией (человек *неправильно*, *неразумно* ведёт себя от юности, от неопытности, от незнания), следует введение ограничительно-охранительной меры: статус раба для человека. Слово «раб», родственное современному слову «ребёнок» и нередко имеющее значения ‘сын, мальчик, юноша, ученик’, именно здесь впервые появляется на страницах Библии. По приговору Ноя рабами будут потомки Хама, который уже в новой, после-потопной реальности «помышляет» и совершает первый злой поступок: смеётся над наготой спящего отца. Поступок именно ребяческий, свидетельствующий о «душевном несовершеннолетии» Хама, и именно отсюда и впредь проявления душевного и духовного несовершеннолетия

человека будут ограничены его неполноправием, статусом раба. Лишь в Новом Завете с полной определённой — для тех, кто готов к «взрослой жизни» — прозвучит «последний школьный звонок»: «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедаю вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам всё, что слышал от Отца Моего» [Ин 15: 14—15].

Быт 8: 21			
<p>И# ъбонз2 гдсь воню2 благоуха1нїз. И# рече2 гдсь бг7ъ размысливъ: не приложу2 ктому2 проклз1ти зе1млю за дѣла2 челове́ческа, зане2 прилежи1ть помышле1ніе челове́ку приле́жнв на слабз т ю4ности єзгw2: не приложу2 и5бо ктому2 порази1ти всз1кую плo1ть живущую, я4коже сотвори1хъ:</p>	<p>И обонял Господь приятное благоухание, и сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого — зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал</p>	<p>odoratusque est Dominus odorem suavitatis et ait ad eum nequaquam ultra maledicam terrae propter homines sensus enim et cogitatio humani cordis in malum prona sunt ab adulescentia sua non igitur ultra percutiam omnem animantem sicut feci</p>	<p>Y aspiró Yavé el suave olor, y se dijo en su corazón: “No volveré ya más a maldecir a la tierra por el hombre, pues los deseos del corazón humano, desde la adolescencia, tienden al mal; no volveré ya a exterminar todo viviente, como acabo de hacer</p>
<p>В Вульгате: ā, ab: 1. (пространство): от, из ab urbe ‘от города, от городской черты’.</p> <p>2. от, с (время) a puero (a pueris) ‘с детства’ [M. Tullius Cicero; P. Terentius Afer]; gem omnem a principio audes ‘ты услышишь всё с (самого) начала’ [P. Terentius Afer].</p> <p>3. от, из-за, вследствие (происхождение, побудительная причина) a duabus causis ‘по двум причинам’ [M. Annaeus Seneca]; nasci ab aliquo ‘происходить от кого-л.’ [M. Tullius Cicero].</p> <p>В испанской версии: desde: предл. 1) с (для обозначения времени) desde ahora — с этого момента; отныне desde entonces — с того времени, с того момента; ¿desde cuándo? — с каких пор?</p> <p>2) от (для обозначении расстояния) desde Madrid hasta Sevilla — от Мадрида до Севильи.</p> <p>В ц.-слав. Библии: вонз2, во1нь ‘запах; благовоние; благоухание’; вонз2 до1браз ‘благовоние, хороший запах или дух’; вонз2 сла1з ‘> зловоние; дух дурной, смрад’</p>			

Вульгата позволяет свободу в интерпретации значения предлога “ab”; испанский перевод однозначно выбирает опцию «начиная с»: желания сердца человеческого, начиная с отрочества, склоняются ко злу. То есть, человек *в принципе* зол (поскольку его натура искажена первородным грехом). Согласно логике испанского перевода, зло не так явно проявляет себя в детях; любой человек, миновав-

ший переходный возраст, стремится к злу. Эта трактовка предлога соответствует всей смысловой конфигурации библейского повествования в испанской версии.

Ин 1: 3—5			
<p>всзб тѣмъ быша, и3 без8 негw2 ни- что1же бысть, ѣже бысть. Въ то1мъ живо1тъ бѢ, и3 живо1тъ бѢ свѣтъ человекѣмъ: и3 свѣтъ во тмѢ свѣтитсз, и3 тма2 ѣзгw2 не w3б8z1тъ</p>	<p>Все чрез Него на- чало быть, и без Него ничто не нача-ло быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков; И свет во тьме све- тит, и тьма не объяла его</p>	<p>omnia per ipsum facta sunt et sine ipso factum est nihil quod factum est in ipso vita erat et vita erat lux hom- inum et lux in tenebris lucet et tenebrae eam non compre- henderunt</p>	<p>Todas las cosas fueron hechas por El, y sin El no se hizo nada de cuanto ha sido hecho. En El estaba la vida, y la vida era la luz de los hom- bres. La luz luce en las tinieblas, pero las tinieblas no la acogieron</p>
<p><u>В Вульгате:</u> comprehendo, comprehendī, prehēnsūm, ere ‘о(б)хватывать; содержать, иметь, ловить; понимать, постигать; (о дичках) прививаться; (о женщине) беременеть’</p> <p><u>В испанской версии:</u> acoger ‘принимать, встречать; давать приют; принимать, воспринимать’</p>			
<p>5 καὶ τὸ φῶς ἐν τῇ σκοτ...α φα...νει, καὶ ἡ τῆ σκοτ...α αὐτὸ οὐ κατέλαβεν ‘и свет во тьме светит, и тьма его не объяла’</p> <p>NB: καταλαμβάνω (акт. и пасс.) ‘охватывать, одолевать, поглощать’ (См. также 1 Фес 5:4)</p>			

Мы вновь возвращаемся к прологу Иоаннова Евангелия и видим, что русские и романские переводы вновь расходятся в трактовке смысла событий. А.П. Лопухин даёт комментарий: «...свет — Логос действительно *всегда* светил и продолжает светить (φα...νει настоящее время для обозначения *постоянства* деятельности) даже во мраке человеческого неведения и всякого развращения (тьма σκοτ...α и означает состояние падения...)» [Лопухин, 2004, с. 839]. Абсолютно прозрачен смысл церковнославянского и русского переводов: тьме не удалось задушить, прекратить действие Логоса в людях.

Вульгата, на наш взгляд, и в этом случае допускает двойное толкование: “тьма его не объяла = не потушила” || “тьма его не приняла, не приняла, не поняла”. Испанский же перевод ясно демонстрирует свой однозначный выбор в пользу идеи силы тьмы. Семантические пределы глагола *acoger* не допускают иных толкований, и противительный союз *pero* подтверждает идею: свет во тьме светит, но (однако) тьма не приняла его. Свет и тьма, таким образом, оказываются разделены и разведены по полюсам оппозиции: Бог — это свет, но человек пребывает в непроницаемой тьме.

Заметим при этом, что смысл, передаваемый испанским переводом, находится в противоречии со смыслом греческого оригинала.

2 Кор 2: 5—7			
<p>Гше ли кто2 w3скорби1ль (мене2), не мене2 w3скорби2, но t ча1сти, да не w3тзгчУ, всёх вальс. Дово1лно (бо) таково1му запреше1ние2, е4же t мно1гих: тёмже сопроти1вное пале вы2 да далруете и3 у3тёшите, да не калкw мно1гоу ско1рбию поже1ртв будеть таковы1й: (...)</p>	<p>Если же кто огорчил, то не меня огорчил, но частью, — чтоб не сказать много, — и всех вас. Для такого довольно сего наказания от многих, Так-что вам лучше уже простить его и утешить, дабы он не был поглощен чрезмерною печалью; (...)</p>	<p>si quis autem contristavit non me contristavit sed ex parte ut non onerem omnes vos sufficit illi qui eiusmodi est obiurgatio haec quae fit a pluribus ita ut e contra magis donetis et consolemini ne forte abundantiori tristitia absorbeat qui eiusmodi est</p>	<p>Si alguno me contristó, no me contristó a mí, sino en cierto modo, para no exagerar, f todos vosotros, Bástele a ése la corrección de tantos, pues casí habríamos de perdonarle y consolarle, para que no se vea consumido por excesiva tristeza</p>
<p><u>В ц.-слав. переводе:</u> запрети1ти ‘возбранить; наказать = назначить наказание’; запреше1ние (< ἐπιτιμ...α, τὸ ἐπιτιμίον) ‘епитимия; наказание; штраф’ <u>В Вулгате:</u> obiurgatio = objürgatio, õnis [objurgo]: брань, порицание, выговор; ob-jürgo, āvī, ātum, āre: бранить, порицать, делать выговор, наказывать [2 Кор 2: 7]: Так что, напротив, скорее вы бы простили (< dõno во 2 значении: не взыскивать, прощать, отпускать) и утешили... <u>В испанском переводе:</u> congección: ‘взыскание, выговор’ <i>corrección disciplinaria</i> — дисциплинарное взыскание; <i>corrección fraterna (fraternal)</i> — дружеское порицание. <i>casí</i>: ‘почти’ <i>la casi totalidad</i> — почти все; ‘чуть ли не’ <i>y casi (que) nos mojamos</i> — мы чуть было не промокли</p>			

В приведённых примерах нас более всего заинтересовало словечко «casí», которое появляется лишь в испанском переводе, передающем смысл: «достаточно (для оступившегося) порицания, высказанного многими людьми, так что мы должны были бы **едва ли не простить (почти простить)** и утешить его...». Согласно комментарию А.П. Лопухина и его учеников [Лопухин, 2004 с. 1144], речь идёт о том члене коринфской общины, который допустил кровосмешение и которого ранее святой апостол Павел жёстко обличал (1Кор 5). Прешник искренне раскаялся, и Павел призывает своих воспитанников «оказать ему любовь» и простить его, сколь бы безобразным ни был его поступок в глазах людей внутри и вне общины. Церковнославянский и латинский переводы идею прощения выражают словами «даровать» и «дар»; *простить* это и значит *просто подарить* человеку то, что человек вольно или невольно утратил — пребывание в правде. В русском переводе идея прощения как дара присутствует имплицитно (простите его уже, не порицайте больше). И только испанский перевод добавляет отсут-

ствующее в оригинале «почти» — одно лишь слово, которое изменяет смысл на противоположный (ср.: «почти допрыгнул» значит «не допрыгнул», как и «чуть не упал» означает «не упал»). С учётом прецедентного текста 1Кор 5 смысл испанского перевода, очевидно, можно толковать так: «мы должны его простить и утешить, однако это не означает, что преступник не должен получить положенного ему наказания».

1 Тим 4: 1—2			
<p>Дх7ъ же я4вственнэ гл7еть, я4kw въ послВднzz време- на2 тступзть нѣцыи т вѣры, вне1млюше духовw1мъ ле1ст- чымъ и3 ўче1нiемъ бѣsw1вскимъ, въ лицеmѣри лжеслове1сникъ, сожже1нныхъ сво- ею со1вѣстію</p>	<p>1 Дух же ясно гово- рит, что в послед- ние времена отсту- пят некоторые от веры, внимая ду- хам обольстителям и учениям бесов- ским, 2 Чрез лицемерие лжесловесников, сожженных в сове- сти своей</p>	<p>Spiritus autem man- ifeste dicit quia in novissimis tempori- bus discedent quid- dam a fide adten- dentes spiritibus erroris et doctrinis daemoniorum in hypocrisi loquen- tium mendacium et cauteriatam habentium suam conscientiam</p>	<p>Pero el Espíritu claramente dice que en los últi- mos tiempos apostatarán al- gunos de la fe, dando oídos al espíritu del error y a las enseñanzas de los demonios, embaucadores, hipócritas, de cauterizada conciencia</p>
<p>В Вульгате: cōn-scio, -, -, īre ‘знать что-л. за собою, сознавать (за собою)’ > cōnscientia 1. осведомленность 2. соглашение 3. сознание, понимание, убежде- ние 4. совесть: mala c., gesta c., bona c. cautērio, -, ātum, āre ‘прижигать каленым железом, клеймить (aliquem <i>Ecc1</i>)’</p> <p>В испанском переводе: conciencia 1. сознание; сознательность 2. совесть 3. поня- тие, представление; понимание, осознание cauterizar 1. прижигать (рану) 2. решительно искоренять, выжигать калёным же- лезом 3. отчитывать, выговаривать.</p>			
<p>ἐν Шлокp...σει ψευδολγῶν κεκαυστηριασμένων τὴν ἰδ...αν συνε...δησιν..., ‘в лице- мерии лжеречивых, заклеянных (относительно) собственной совести...’; κεκαυστηριασμένων < καυστηριάζω ‘выжигать клеймо’</p>			

Латинское слово conscientia и восходящее к нему испанское conciencia следовало бы толковать по-русски как ‘самосознание, сознательность; осознание своего соответствия или несоответствия внешним нормам, таким как закон или мораль’. Латинский и испанский переводы фрагмента, в котором апостол Павел обличает лицемерных лжеучителей, близко следуют греческому оригиналу: *сознательность* лжеучителей заклеямена. Клеймение известно многим народам; известно также, что от прикосновения раскалённого железа поражённый участок плоти теряет чувствительность. Клеймят преступников, и тогда клеймо — знак позора, но также клеймо бывает и указанием на то, что животное (или человек) принадлежит определённому хозяину. Очевидно, благодаря яркому

образу в романских версиях выявляются все эти смыслы: 1) лжеучители не имеют стыда; 2) лжеучители суть преступники; 3) лжеучители — рабы того, кого называют отцом лжи.

Ни церковнославянский, ни русский переводы не следуют букве оригинала и не содержат слова «клеймёная» (совесть), но дают совсем иной образ. Переводческие решения, ориентированные на русских, во-первых, снимают «юридическую» ассоциацию с принятым *среди людей* способом карать преступников. Во-вторых, они исходят из русского понимания совести как *органа вёдения* скрытой сути вещей и отношений; *органа слуха*, обращённого к Богу. Совесть — не конфликт *сознания*, но — ожог сердца. Она неумолима, она может игнорировать адвокатские резоны разума и выступить как внутренний инквизитор. Согласно переводам, адресованным России, сожжение на костре совести — это и есть самая страшная кара.

Библия не просто «говорит» на разных языках механическим голосом, как компьютерная программа, озвучивающая слова и тексты. На каждом языке, обращаясь к каждому народу, она говорит по-особенному, и очень чётко заметны отличия в ритме и тональности, звучании этой «речи», в палитре образов и выборе слов. Эти отличия издавна привлекали к себе внимание специалистов, так что метод, о котором мы вели речь, вовсе не нов, он применялся не раз с различными целями. К слову, именно в Испании, в городе Алькала де Энарес (Alcalá de Henares), в 1522 г. по инициативе Папы Льва X была издана знаменитая Комплютенская полиглотта (Biblia Políglota Complutense), названная так по римскому имени города — Complutum. Она включает в себя тексты Библии на древнееврейском, латинском и греческом языках, отредактированные с учётом древних источников и расположенные на листе колонками разного размера. В создании и издании полиглотты живейшее участие принял кардинал Сиснерос, основавший в этом же городе университет, выпускники которого на протяжении многих веков составляли гордость и славу испанской культуры. Помимо Комплютенской полиглотты существовали и другие синоптические книги, совмещающие в себе библейские тексты на разных языках. По-видимому, старейшая из них, Гекзапла, совмещавшая шесть, а иногда и восемь параллельных колонок рукописного текста на разных языках, была создана Оригеном с целью выявления и устранения разночтений.

Сравнительно-эзегетический метод может применяться не только с целью исследования образа мысли и образа мира другого народа. Существенные смысловые отличия, примеры которых были приведены в этой статье, встречаются исследователю нередко. Чаще, однако, мы замечаем более тонкие нюансы смысла, выявляющиеся благодаря возможности установить, например, каким

из синонимов отдаёт предпочтение тот или иной перевод; использует ли перевод «родное» или заимствованное из оригинала слово; насколько отличны ритмомелодические структуры текста оригинала и перевода. Продуктивно и применение метода в дидактическом аспекте, ведь не стоит забывать, что Библия — не только Священное Писание, но и учебник в широком и лучшем смысле слова. Изучая Библию на разных языках, привлекая для этого необходимые богословские комментарии, мы глубже вникаем в смысл сказанного. Сравнивая между собой переводы, созданные великим трудом и вдохновением мастеров прошлых и недавних эпох, мы учимся понимать их логику, удивляться плодам их творческого поиска, сожалеть о неизбежных потерях; словом — мы осваиваем мастерство.

Список литературы

- Дьяченко Г.М.* Полный церковно-славянский словарь (репринт издания 1900 г.). М.: Отчий дом, 2005.
- Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь (репринт V издания 1899 г.). М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2006.
- Гачев Г.* Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003.
- [ГРНЗ] — Греческо-русский словарь Нового Завета: Пер. Краткого греческо-английского словаря Нового Завета Баркли М. Ньюмана (Barclay M. Newman, Jr) / Пер. и ред. В.Н. Кузнецовой при участии Е.Б. Смагиной, И.С. Козырева. М.: Российское Библейское общество, 2002.
- Кассиан (Безобразов), епископ.* Лекции по Новому Завету. Евангелие от Иоанна. Presses Saint-Serge — Institut de Théologie Orthodoxe 93, rue de Crimée 75019. Paris, 2006.
- Лосев А.Ф.* Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие — имя — космос / Сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993.
- Львовская З.Д.* Современные проблемы перевода. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- [НЗГ] — Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык / Греческий текст: Greek New Testament. Fourth Revised Edition / Ed. by B. Aland, K. Aland, J. Karavidopoulos, Carlo M. Martini, Bruce M. Metzger. Российское Библейское общество, 2001.
- Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. Т. 5.
- Рассел Бертран.* Человеческое познание; его сфера и границы. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.
- Степанов М.С.* Реконструкция ситуации возникновения теории коммуникации: к постановке проблемы // Внутренний мир и бытие языка: процессы и формы. Мат-лы II Межвуз. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. М.: ЗАО «Книга и бизнес», 2008.
- Толковая Библия. Комментарий на все книги Святого Писания / Под ред. А.П. Лопухина. М.: Харвест, 2004. Т. 2.
- Филарет (Дроздов), святитель.* Толкование на Книгу Бытия. М.: Лепта-Пресс, 2004.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ОКТЯБРЬ

Октябрь 2009 г. оказался чрезвычайно богатым на международные форумы учёных, исследующих переводческую деятельность во всём её многообразии. Это и неслучайно, ведь 30 сентября — Международный день переводчика, день памяти великого переводчика средневековья, небесного покровителя переводчиков Блаженного Иеронима.

Вспоминаются слова французского писателя и философа Валерии Ларбо: «Наш великий, святейший покровитель! Мы непременно будем праздновать его именины, если только не решим в этот день в канун ласковой октябрьской учебной поры, взяться за новый перевод».

Ко дню Блаженного Иеронима была приурочена II международная конференция «Наука о переводе сегодня», проведённая в Москве Высшей школой перевода Московского университета, где обсуждалась одна из важнейших тем переводческой науки — «Перевод и смысл». С 1 по 3 октября философы и лингвисты, переводчики и писатели, преподаватели перевода и студенты горячо обсуждали проблемы понимания и порождения смысла в переводе (см.: *Костикова О.И.* Наука о переводе сегодня: итоги и перспективы совместной научной работы в области теории, истории и методологии перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2009. № 3).

Следующим заметным событием стал научный симпозиум учёных и преподавателей перевода, организованный Токийским университетом зарубежных исследований 10—11 октября. Симпозиум был посвящён вопросам подготовки и тренинга устных переводчиков в системе высшего образования. На симпозиум были приглашены специалисты в области обучения устному переводу из Японии, Южной Кореи, Китая, России и Франции. Российская переводческая школа была представлена Высшей школой перевода Московского университета. Симпозиум открыла декан переводческого факультета Токийского университета зарубежных исследований профессор Чикако Цурюта. На церемонии открытия выступил с приветственным словом президент университета профессор Икуо Камеяма, известный своими переводами на японский язык произведений Ф.М. Достоевского.

В обсуждении вопросов по теме симпозиума приняли участие профессора парижской Высшей школы перевода (ESIT) Даниэль

Жиль, Клар Donovan (заведующая отделением устного перевода), Хироми Ито-Бержеро, руководитель отделения подготовки переводчиков Шанхайского университета международных исследований Эндрю Доурант, заведующая отделением устного перевода Ханкукского университета зарубежных исследований Джунгва Чой и другие.

Н.К. Гарбовский, О.И. Костикова, О.С. Жаркова поделились с зарубежными коллегами своим опытом и своими взглядами на перспективы подготовки устных переводчиков в условиях реформы высшего образования в России. Доклады, представленные делегацией Высшей школы перевода МГУ, вызвали живой интерес слушателей. Нельзя не отметить, что уже после завершения работы симпозиума в адрес Высшей школы перевода МГУ приходили благодарственные письма от слушателей — студентов Токийского университета зарубежных исследований.

Октябрьские научные форумы, в которых приняли участие профессора и преподаватели Высшей школы перевода Московского университета, завершились международной конференцией в Стамбуле, организованной Ассоциацией переводчиков Турции и Стамбульским университетом при поддержке Международной федерации переводчиков. Тема конференции — «Перевод во всём многообразии проявлений как стержень международного диалога» — привлекла внимание известных переводоведов разных стран. На конференции отчетливо доминировала французская теоретическая мысль и французский язык. Все пленарные и многие секционные доклады были сделаны на французском языке. Французская переводческая школа была представлена выступлениями авторов известных во всем мире книг о переводе Марианн Ледерер, Мишеля Балляра, Жана-Рене Лямираля.

Н.К. Гарбовский, выступая на пленарном заседании с докладом «Наука о переводе: структура знаний», поделился своими взглядами на междисциплинарность современной науки о переводе и высказал опасение в том, что лингвистический подход к переводу, продолжающий доминировать во многих исследованиях переводческой деятельности и в обучении переводу может привести науку о переводе в тупик.

О.И. Костикова предложила вниманию слушателей доклад на тему «Перевод как литературный опыт», посвященный переводу Ф.М. Достоевским романа Бальзака «Евгения Гранде», послужившему великому писателю экспериментальной площадкой для поиска своих путей в литературном творчестве. Доклады, сделанные на французском языке, сопровождались переводом на английский и турецкий языки.

В работе международной конференции в Стамбуле приняли участие члены Совета Международной федерации переводчиков во главе с президентом федерации Марион Боерс.

Отрадно отметить, что в работе всех конференций в Москве, Токио и Стамбуле самое активное участие принимали студенты университетов, организовавших эти международные форумы. На всех международных конференциях студенты участвуют как слушатели, помогают регистрировать участников и проводить кофе-паузы. Но на конференциях, посвящённых переводу, студенты — будущие переводчики — выполняют исключительно важную задачу: они обеспечивают коммуникацию участников форумов, осуществляя перевод во всех его ипостасях — письменно и устно, синхронно и последовательно, на язык А и на язык В. Именно многоязычие международных конференций, посвящённых переводу, возможно благодаря тому, что студенты принимающих переводческих учебных заведений способны осуществлять уже почти профессиональный перевод, позволяет надеется, что глобализация, захватившая многие сферы общественной жизни, не сможет подавить стремления людей к выражению мыслей на разных языках.

ПАМЯТИ

КЛОД ЛЕВИ-СТРОСС (1908—2009)

Гению французской мысли, известному во всем мире основателю современной структурной антропологии, члену Французской Академии, должен был исполниться 101 год. Но 30 октября 2009 г. Клод Леви-Стросс ушел из жизни.

Он родился в Брюсселе 28 ноября 1908 г. в семье выходцев из Эльзаса. Философ по образованию, Клод Леви-Стросс познавал мир, изучая его через мифы. Он был предвестником современной этнологии, много и вдохновенно писал. Его произведения — это размышления над нашим обществом, его деятельностью и развитием.

В 1935 г. Клод Леви-Стросс отправился в Бразилию, где преподавал философию в университете Сан-Паулу. Одновременно он предпринял многочисленные этнографические экспедиции к индейским племенам Амазонии. Собранный им этнографическая коллекция, которая была показана на выставке в Париже, вызвала бурный интерес публики, что способствовало получению финансовой поддержки для проведения новых экспедиций в Бразилию. О своих путешествиях Леви-Стросс рассказал в книге «Печальные тропики», принёсшей ему известность не только как этнологу, но и как писателю. В этой книге, опубликованной в 1955 г., — и воспоминания об экспедициях, и размышления автора, и рассказы о встречах с индейцами. Но автор отходит от жанра путевых заметок, о чем заявляет в довольно провокационной форме: «Ненавижу путешествия и путешественников!». На самом деле его цель не только показать экзотические картины или рассказать о приключениях, но и задать самому себе вопросы о культуре и культурах. По его замыслу «Печальные тропики», — своеобразное введение в сравнительную социологию, в общую теорию систем родства. Книга оказала большое влияние на образованную публику, так как побуждала задуматься над многими философскими вопросами: о жизни, о страхах, о любви во все времена и у всех народов. «Печальные тропики» были переведены более чем на двадцать языков мира и стали настольной книгой для многих поколений этнографов.

С 1959 г. и до ухода на пенсию в 1982 г. Леви-Стросс возглавлял кафедру социальной антропологии в Коллеж де Франс в Париже. В 1973 г. Клод Леви-Стросс стал членом Французской Академии.

Одна из главных заслуг Леви-Стросса — разработка нового структурного метода изучения общества и человеческого существа. На разработку этого метода в этнологии учёного вдохновили структуралистские изыскания лингвистов, в частности, в области структурной фонологии, а также исследования психоаналитиков. Для него культурная антропология — общая теория обмена и коммуникации, раскрывающая механизмы обмена знаками, женщинами, и материальными ценностями. Структуры комбинаций этого обмена лежат в основе бессознательно создаваемых общественных отношений религиозного, семейного и экономического порядка.

Именно структурный подход к изучению фактов культуры сближает культурную антропологию Леви-Стросса с лингвистикой.

В первой главе «Структурной антропологии» он пишет, что эти науки должны взаимно дополнять друг друга. «Лингвист, — отмечает он, — даёт социологу гипотезы о происхождении слов, которые позволяют установить между некоторыми терминами родства связи, остававшиеся на первый взгляд незамеченными. И напротив, социолог может познакомить лингвиста с обычаями и реальными правилами и запретами, которые позволяют понять устойчивость в употреблении одних форм речи и неустойчивость в употреблении других»¹. Лингвистика и культурная антропология, или социология, как иногда называет ее Леви-Стросс, оказываются тесно связанными.

Эта связка лингвистического и социального культурно-антропологического знания могла бы составить основу современной теории перевода как науки о механизмах интерпретации явлений иной культуры, описанных средствами иных языков.

То, что перевод — это социальное явление, не нужно, видимо, доказывать никому. Перефразируя известное изречение Сенеки, можно с уверенностью утверждать: переводчик существует общественно. Возникнув в человеческом обществе в период расселения первых групп людей по регионам и континентам, перевод оказывается необходимым условием его существования. Общество пользуется переводом и в какой-то момент задумывается над тем, удовлетворяет ли перевод его потребностям, критически оценивает переводческие интерпретации и предписывает переводчикам правила «хорошей» интерпретации, воплощая в них свои ожидания от переводных сообщений. Так зародилась теория переводческой деятельности, которая в XX в. стала формироваться в определённую систему научных знаний.

Социальная функция науки о переводе состоит в том, чтобы собственными ей методами выявить сущность взаимодействия личности переводчика с общественными институтами, вовлечёнными в общий процесс межкультурной, межэтнической, межличностной коммуникации. Эта функция более существенна, но в то же время менее ощутима, чем эмпирические описания переводческого опыта. Попытки выйти за пределы лингвистики и взглянуть на переводческий опыт с позиций культурной антропологии породили массу сравнительно-культурологических работ. При этом в большинстве случаев взгляд исследователей концентрировался на трудностях передачи в переводе так называемых «реалий», т.е. многообразных понятий, чужих для принимающей культуры. Сравнительно-культурологические исследования реалий, приумножали эмпирические знания о переводе, однако, они не смогли привести их в стройную научную систему, ввиду сложности и многообразия изучаемых объектов и односторонности подхода к их изучению.

Теория перевода не учит «как делать», она приглашает переводчика задуматься над тем, что он делает, что он может делать, чем ограничена его свобода интерпретации. В этом теория перевода полностью согласуется

---

¹ Lévi-Strauss C.C. *Anthropologie structurale*. P., 1974. P. 38 (перевод мой. — *Н.Г.*)

со взглядами Леви-Стросса на науку о человеке и обществе: не стараться дать ответы, а научиться задавать себе вопросы, задумываясь над тем, что ты изучаешь, с чем ты сталкиваешься.

В современной науке о переводе культурно-антропологический подход к пониманию механизма переводческой интерпретации позволяет более внимательно взглянуть на проблему позиции переводчика по отношению к мирам — своему и чужому. Оппозиция «своего» и «чужого» составляет одну из центральных проблем социально-культурной антропологии переводческой деятельности и во многом предопределяет переводческие стратегии.

Перевод есть окно в мир. Благодаря переводу перед принимающей культурой открываются новые просторы мировой цивилизации. Но нельзя отрицать и того, что довольно часто это окно в мир оказывается затянутым плёнкой искажающей, деформирующей этническую действительность, описанную в оригинальном произведении.

Изучение переводческой деятельности с позиций социально-культурной антропологии позволяет построить модели и объяснить разные переводческие стратегии, которые по-разному, иногда противоположным образом, решают вопрос оппозиции «своего» и «чужого» в переводе.

Леви-Стросс открыл не только эпоху структурализма в этнологии и социологии, но и эпоху интердисциплинарности в гуманитарном знании. Такая интердисциплинарность — сосредоточение разных научных дисциплин на едином сложном социальном объекте — характеризует и современный подход к изучению перевода как интерпретации иного, чужого, отличного от своего.

В одном из редких интервью последних лет Леви-Стросс, обладавший широкими познаниями и проникавший в суть вещей, говорил: «Мы движемся к цивилизации мирового масштаба. В ней, возможно, останутся различия — по крайней мере, нужно на это надеяться...».

Н. Гарбовский

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
помещенных в журнале «Вестник Московского университета.
Серия 22. Теория перевода» за 2009 год**

	№	Стр.
Общая теория перевода		
<i>Алексейцева Т.А.</i> Экспликация или бесконечное порождение смысла . . .	4	5
<i>Власенко С.В.</i> Перевод в сфере профессиональной коммуникации: психолингвистические аспекты декодирования лексических лакун (англо-русские переводческие сопоставления)	2	3
<i>Власенко С.В.</i> Перевод в сфере профессиональной коммуникации: восприятие и понимание смысла отраслевых текстов в психолингвистическом ракурсе на примере анализа англо-русских переводческих прецедентов	4	16
<i>Костикова А.А.</i> Философия метафоры П. Рикёра	4	41
<i>Миронов В.В.</i> Философия как смысловая интерпретация.	4	46
<i>Мишуров Э.Н.</i> Смысл перевода и перевод смыслов (социально-исторические, логико-философские и лингвокультурологические этюды) . .	4	56
<i>Наумова В.С.</i> Критика поэтического перевода с позиции адекватности (на примере перевода на немецкий язык стихотворения В. Маяковского «Нате!»)	4	75
<i>Нестерова Н.М.</i> Sensum de sensu: смысл как объект перевода	4	83
<i>Никитина М.Ю.</i> Трудности перевода названий произведений художественной литературы (на материале русского, английского и греческого языков)	4	94
<i>Оришак О.В.</i> Актуализация смысла в переводе	4	100
<i>Чагинская Е.А.</i> Метаморфозы смысла: взгляд через призму сравнительно-эстетического метода	4	108
История перевода и переводческих учений		
<i>Гарбовский Н.К., Костикова О.И.</i> Исповедь великого переводчика, или Первый европейский трактат о переводе	3	3
<i>Королева М.Н.</i> О переводе и языке <i>Foirm na n-urruidheadn</i>	3	37
<i>Костикова О.И.</i> Перевод и развитие русской словесности в эпоху Петровских реформ	1	3
Методология перевода		
<i>Богатикова Ю.А.</i> Прием художественного «гипертекста» и проблема переводческого комментария в романе В.В. Набокова «Бледное пламя»	3	50
<i>Ballard M.</i> Proverbe et traduction / <i>Балляр М.</i> Пословица и перевод	2	38/39
<i>Дашинимаева П.П.</i> От онтологии речи к моделированию перевода (послесловие к лекциям Е.Ф. Тарасова).	3	62
<i>Гуртуева Т.Б.</i> Художественный перевод как составляющая культурного диалога	1	10
<i>Лю Темей.</i> Концепт «дом» в русской и китайской языковых картинах мира и его перевод	1	16
<i>Малинина Р.А.</i> Вежливость как объект прагмалингвистики и компонент лингвистической компетенции переводчика	1	25
<i>Раздобудько-Чович Л.И.</i> Трансформированные пословицы и поговорки в рассказах Стефана Митрова Любиши (культурологический аспект перевода)	1	34
<i>Шабага И.Ю.</i> Особенности перевода с древних языков (от подстрочника к переводу)	2	21

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

<i>Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А.</i> Городское пространство в языковой картине мира европейцев: стратегии адекватного перевода	3	73
<i>Горохова Т.Н.</i> Проблемы адекватности перевода японских «айдзуги» на русский язык	3	89
<i>Кирсанова Е.М.</i> К вопросу о влиянии этнокультурных стереотипов на процесс перевода	2	64
<i>Малинина Р.А., Пушкарева Т.В.</i> Gedachtnis-Erinnerung Erinnerungskultur в современном историческом сознании Германии. Проблема перевода	2	76
<i>Марусенко М.А., Шабалина А.В.</i> Французский язык — международный язык дипломатии: о соотношении исторической реальности и династического заказа	2	95
<i>Хунтхужева И.Х.</i> Структурно-семантические аспекты перевода концептосферы «язык» в разносистемных языках	3	100
<i>Эстова Д.Г.</i> Структурно-семантическая парадигма как средство достижения адекватности перевода лингвоконцепта «честность» в разносистемных языках	2	109
<i>Яндиева А.И.</i> Семантико-когнитивное пространство концептосферы «долг» в парадигме семантической теории перевода	2	125

Дидактика перевода

<i>Гарбовский Н.К.</i> Подготовка переводчиков в условиях двухуровневой системы высшего специального образования	1	44
<i>Lynn Visson.</i> The problem of Teaching Simultaneous Interpretation from a Native into a Foreign Language / <i>Линн Виссон.</i> О синхронном переводе на иностранные языки: проблемы преподавания	1	52/53
<i>Ольвера-Лобо М.Д., Керо-Хервилья Э.Ф.</i> и др. Представление модели дистанционной работы для внедрения в практику преподавания перевода в соответствии с требованиями Болонской декларации	1	62

Вопросы терминологии

<i>Алексеева М.О.</i> Семасиологические аспекты изучения терминологии православия	2	140
<i>Алексеева М.О.</i> Когнитивные и семиотические аспекты изучения терминологии русского православия	3	111
<i>Миллиареси Т.В.</i> О месте терминологии и лексикографии в общей теории перевода	1	75

Хроника научной жизни

<i>Есакова М.Н., Литвинова Г.Н.</i> Международная научно-практическая конференция «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе»	1	84
Переводческий октябрь	4	121

Рецензии

<i>Чайковский Р.Р.</i> Зеркало переводчика	1	87
--	---	----

Памяти

Анри Мешонник (1932—2009)	1	94
Клод Леви-Сторосс (1908—2009)	4	124

Информация для авторов журнала

Журнал “Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода” выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объем рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текстовый редактор.

Требования к форме предоставления статей:

— текст представляется на трехдюймовой дискете, не содержащей компьютерных вирусов и механических дефектов, в формате RTF или на диске и в распечатанном на бумаге виде;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных листах;

— необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *примечания* в виде подстраничных сносок;

— *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [Ibid., p. 123] для иноязычных источников;

— данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора.

Просьба к авторам — вернуть в тексты букву «ё».

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу: 119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1 учебный корпус ГФ, факультет “Высшая школа перевода”, комн. 1150. Тел.: 8-495-939-33-48. Адрес электронной почты: vestnik22@mail.ru

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГАРБОВСКИЙ Н.К., главный редактор,
ДИАНОВА Г.А., зам. главного редактора,
КОСТИКОВА О.И., зам. главного редактора,
МОЗГОВАЯ Л.А., ответственный секретарь,
БЕЛЬСКИЙ Е.В., **ВИССОН ЛИНН (США)**, **ЕСАКОВА М.Н.**,
ЗАБРОВСКИЙ А.П., **КОЛЬЦОВА Ю.Н.**, **МАТАСОВ Р.А.**,
МИШКУРОВ Э.Н., **РЕЗНИЧЕНКО О.Л.**, **ТОРСУКОВ Е.Г.**,
ШАБАГА И.Ю.

Редактор *М.Л. Балашова*
Технический редактор *З.С. Кондрашова*
Корректор *А.Я. Марьясис*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

*125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел. 697-31-28*

Подписано в печать 27.11.2009. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офс. № 1.
Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 8,0. Усл. кр.-отг. 1,84.
Уч.-изд. л. 7,75. Тираж 230 экз. Заказ № . Изд. № 8822.

Ордена “Знак Почета” Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Типография ордена “Знак Почета” Издательства МГУ.
119992, Москва, Ленинские горы.

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ISSN 0201-7385. ISSN 2074-6636.

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2009. № 4. 1—128.

ISSN 0201-7385
ISSN 2074-6636